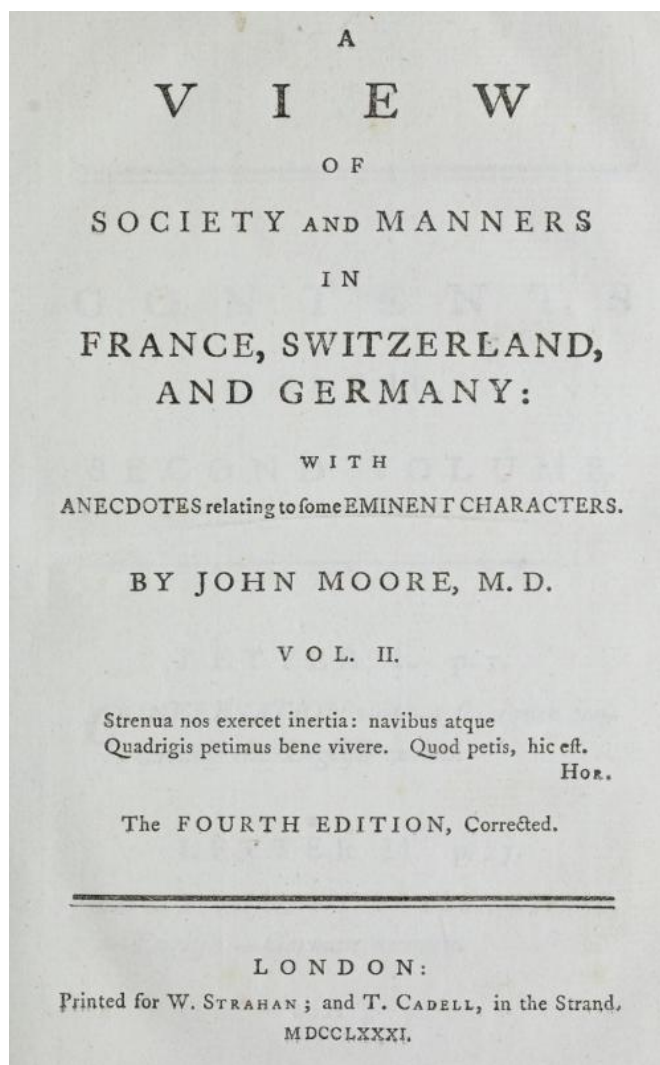

Взгляд на общество и нравы Франции,
Швейцарии и Германии, Том 2 (из 2). С
рассказами, относящимися к
некоторым выдающимся персонажам

Джон Мур

Электронная книга проекта Гутенберга "Взгляд на общество и нравы Франции, Швейцарии и Германии", Том 2 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Взгляд на общество и нравы во Франции, Швейцарии и Германии, Том 2 (из 2)

Автор: Джон Мур

Дата выхода: 19 января 2019 [Электронная книга №58731]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "ВЗГЛЯД На ОБЩЕСТВО И НРАВЫ Во ФРАНЦИИ, ШВЕЙЦАРИИ И ГЕРМАНИИ", ТОМ 2 (ИЗ 2) ***

Электронный текст, подготовленный командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

Примечание:

Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Смотрите https://archive.org/details/viewofsocietyman02moor_0_u

Проекта "Гутенберг" есть другой том этой работы.

Том I: смотрите <http://www.gutenberg.org/files/58516/58516-h/58516-h.htm>

ВЗГЛЯД На ОБЩЕСТВО И НРАВЫ ФРАНЦИИ, ШВЕЙЦАРИИ И ГЕРМАНИИ:

С АНЕКДОТАМИ, относящимися к некоторым ВЫДАЮЩИМСЯ ПЕРСОНАЖАМ.

ДЖОН МУР, доктор медицины

ТОМ II.

Strenua nos exercet inertia: navibus atque

Quadrigis petimus bene vivere. Quod petis, hic est.

Гор.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ, исправленное.

ЛОНДОН:

Напечатано для У. Страхана; и Т. Каделла в the Strand,
MDCCLXXXI.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

ПИСЬМО Л. п. 1.

Беседа с иностранцем об английской нации.

ПИСЬМО LI. стр. 17.

Гостиницы во Франкфурте.—Табльдот.—Французский.—Английский.—Немки.

ПИСЬМО LII. стр. 25.

Коллекции картин.—Кабинеты природных диковинок. Контраст характеров французов и немцев, иллюстрируемый их почтальонами.

ПИСЬМО LIII. стр. 33.

Кассельский суд.

ПИСЬМО LIV. стр. 41.

Ландграф.—Его войска.—Офицеры.—Блестящий поступок маршала Лаудона.—Французская комедия.—Придворные.

ПИСЬМО LV. стр. 51.

Город Кассель.—Дворцы.—Академия.—Колоннада.—Благородный каскад в Вазенштейне.

ПИСЬМО LVI. стр. 61.

Путешествие из Касселя в Брауншвейг через Геттинген.—Правящий герцог Брауншвейг Вольфенбаттл.—Герцогиня.—Герцог Фердинанд.—Наследные принц и принцесса.—Принц Леопольд и его сестра.—Вилла герцога Фердинанда.

ПИСЬМО LVII. стр. 70.

Город Брауншвейг.—Спасен принцем Фредериком.—Академия в Брауншвейге.—Вольфенбаттл.—Saltzdahlen.—Mr. de Westphalen.

ПИСЬМО LVIII. стр. 80.

Немецкая знать любила маскарады.—Этикет.—Принц Леопольд отправляется в Вену, что

пробуждает скорбь его матери по поводу смерти его братьев.

ПИСЬМО LIX. стр. 87.

Целль.—Королева Дании.—Доброжелательное поведение принцессы Брауншвейгской.—Ганновер.—Войска.—Воинский пыл тучного генерала.—Hernhausen.

ПИСЬМО LX. стр. 97.

Неистовая страсть к литературе придворной дамы в Брауншвейге. - Маршал фельдмаршал Споркен.Георг II.

ПИСЬМО LXI. стр. 107.

Смерть королевы Дании.—Магдебург.—Brandenburg.

ПИСЬМО LXII. стр. 116.

Потсдам.—Войска в частных домах, а не в казармах.—Дворец.—Кабинет короля.—Его гардероб.— Главная страсть покойного короля.

ПИСЬМО LXIII. стр. 128.

Сан-Суси.—Коллекция картин.—Вкус короля, подвергнутый критике знатока.—Новый дворец.

ПИСЬМО LXIV. стр. 133.

Отзывы в Берлине.

ПИСЬМО LXV. стр. 143.

Прусская дисциплина.

ПИСЬМО LXVI. стр. 150.

Прусская армия остается в тех же гарнизонах.Влияние дисциплины на характеры офицеров и рядовых.Размышления.

ПИСЬМО LXVII. стр. 159.

Мнение прусского офицера о дисциплине.История английского моряка.

ПИСЬМО LXVIII. стр. 169.

Берлин.

ПИСЬМО LXIX. стр. 178.

Двор королевы.—В Берлине преобладают французские манеры.—Супружеское счастье.

ПИСЬМО LXX. стр. 187.

Свобода слова в Берлине.—Некоторые черты характера короля.—Распущенные манеры.

ПИСЬМО LXXI. стр. 193.

Лицензия прессы.

ПИСЬМО LXXII. стр. 204.

Экономика короля Пруссии.—Налоги.—Армия.—Особые мотивы убийства.—Казнь.

ПИСЬМО LXXIII. стр. 214.

Путешествие в Мекленбург-Стрелиц.—Правящий герцог и его сестра.—Герцогство Мекленбург.—Подготовка к развлечениям в Сан-Суси.

ПИСЬМО LXXIV. стр. 226.

Театральные развлечения.—Трагедия Эдипа.

[ПИСЬМО LXXV. стр. 235.](#)

Король Пруссии.—Его беседа с Д. из Ч.

[ПИСЬМО LXXVI. стр. 244.](#)

Король Пруссии.

[ПИСЬМО LXXVII. стр. 257.](#)

Лорд маршалъ.—Наследственный принц Пруссии.

[ПИСЬМО LXXVIII. стр. 266.](#)

Трудности дезертирства из прусских гарнизонов.—Камердинер короля.

[ПИСЬМО LXXIX. стр. 273.](#)

Фарфоровая мануфактура в Берлине.—Путешествие в Дрезден.—Избирательный суд.—Музей.—Картинная галерея.

[ПИСЬМО LXXX. стр. 282.](#)

Страдания Дрездена во время последней войны.—Саксонские войска.

[ПИСЬМО LXXXI. стр. 290.](#)

Прага.—Благочестие жителей.—Св. Непомук. Ирландский священник. Народное волнение.

[ПИСЬМО LXXXII. стр. 300.](#)

Вена.—Двор.

[ПИСЬМО LXXXIII. стр. 310.](#)

Графиня Тун.—Ее характер.Преимущества, которыми англичане могут воспользоваться в Вене. —Принц Кауниц.

[ПИСЬМО LXXXIV. стр. 317.](#)

Персонаж.—Размышления об англичанах, французах и немцах.

[ПИСЬМО LXXXV. стр. 328.](#)

Развлечение на вершине горы Каленберг.—Монастырь монахов.—Духовная отвага.

[ПИСЬМО LXXXVI. стр. 335.](#)

Манеры.—Горе леди.—Снисходительный муж.

[ПИСЬМО LXXXVII. стр. 342.](#)

Пресбург.—Венгерская вилла.

[ПИСЬМО LXXXVIII. стр. 350.](#)

Дворец и сады Эстерхази.—Венгры.

[ПИСЬМО LXXXIX. стр. 359.](#)

Размышления об играх.—Влияние большого богатства на ленивые умы.—Английские, немецкие, французские персонажи.Польза пристрастия к письмам.

[ПИСЬМО XC. стр. 373.](#)

Праздник святого Стефана.—Ежегодная церемония в память о поражении турок Собеским.—Маскарад в Шенбруне.

ПИСЬМО ХСІ. стр. 382.

Император.

ПИСЬМО ХСІІ. стр. 394.

Принц Лихтенштейн.—Охотничий отряд.

ПИСЬМО ХСІІІ. стр. 403.

Австрийская армия.—Крестьяне Богемии.—Размышления.

ПИСЬМО ХСІV. стр. 412.

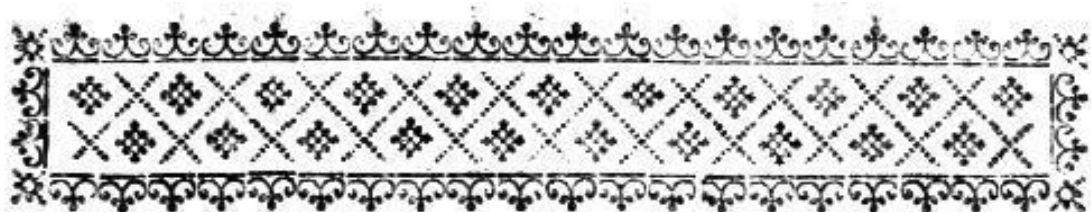
Мнение австрийской дамы о религии.

ПИСЬМО ХСV. стр. 421.

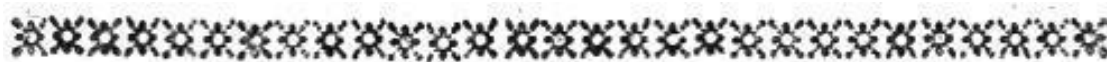
Идолопоклонство римских католиков.

ПИСЬМО ХСVІ. стр. 428.

Мнения иностранцев о спорах между Великобританией и ее колониями.—Мнения англичан об иностранцах. Советы юному путешественнику.

ВЗГЛЯД На ОБЩЕСТВО И НРАВЫ Франции, Швейцарии и Германии

БУКВА L.

Франкфурт.

УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

С момента моего возвращения из Дармштадта погода была настолько плохой, что я проводил время в основном дома. Чтобы я мог следовать вашим указаниям регулярно писать в указанные сроки, я пришлю вам содержание беседы, которая состоялась у меня в течение этих нескольких дней с иностранцем, литератором, с которым я в значительной степени близок.

Этот джентльмен никогда не был в Англии, но он немного говорит на английском, очень хорошо его понимает и изучил многих наших лучших авторов. Он сказал, что нашел в некоторых английских книгах основательность рассуждений и силу выражения, превосходящие все, с чем он встречался где—либо еще; —что английская история дает примеры патриотизма и рвения к гражданской свободе, равные тому, что было описано в греческой или римской истории; —что английская поэзия демонстрирует возвышенность мысли и знание человеческого сердца, которые не могут превзойти никакие сочинения, древние или современные; и в философии почти повсеместно признается, что у английской нации нет соперников. —Затем он упомянул усовершенствования, достигнутые англичанами в медицине и медицине. другие искусства, их превосходство в мореплавании, торговле и мануфактурах; и даже намекнул кое-что в похвалу нескольким английским государственным деятелям. Он завершил свой панегирик словами, что эти соображения дали ему самое высокое представление об английской нации и побудили его завязать знакомство со многими англичанами, которых он время от времени встречал в их путешествиях. Но он откровенно признал, что его связь с ними не способствовала поддержке того представления, которое он сформировал об их нации.

Поскольку я слышал высказывания того же рода, высказываемые другими, я ответил довольно пространно, заметив, что если бы он жил в самый блистательный период римского величия и случайно встретился с несколькими римлянами в Греции или Азии и составил свое мнение об этом прославленном государстве на основе поведения и разговоров этих путешественников, его представления, по всей вероятности, сильно отличались бы от тех, которые дали ему о римском народе труды Ливия, Цезаря, Цицерона и Вергилия. возможно, он встречался за границей, что не только не дало ему правильного представления о характере всей нации, но, вполне возможно, привело его к ложным выводам относительно характера этих самых людей. Я сам знал многих молодых англичан, которые, после того как вели рассеянный, незначительный образ жизни во время своих путешествий и пока естественные объекты их честолюбия были далеко, по возвращении полностью изменили свое поведение, взялись за бизнес с таким же рвением, с каким раньше пускались в экстравагантные поступки, и в конце концов стали очень полезными членами общества.

Но, продолжал я, отбрасывая это соображение, истинный характер народа можно раскрыть, только прожив среди них на знакомой основе и в течение значительного времени. Это необходимо, прежде чем мы сможем составить правильное представление о какой-либо нации; но, возможно, в большей степени это необходимо по отношению к англичанам, чем к какой-либо другой: ибо ни в одной нации образование, чувства и занятия тех, кто путешествует, так не отличаются от образования людей, которые остаются дома.

Первый класс состоит из нескольких инвалидов, множества молодых людей, только что окончивших университет, и нескольких праздных состоятельных людей, лишенных честолюбия и неспособных к применению, которые время от времени слоняются по Европе, потому что не знают, как распорядиться своим временем дома.

Второй класс состоит из младших братьев, воспитанных для армии, флота, юриспруденции и других профессий; — все, кто занимается торговлей, заняты на мануфактурах или в сельском хозяйстве;—и, одним словом, все, кто, не будучи рожден с независимым состоянием, пытается исправить это неудобство трудолюбием и развитием своих талантов.

Англия - единственная страна в Европе, жители которой никогда не покидают ее в поисках удачи. В Лондоне на каждого англичанина в Париже приходится, мягко говоря, двадцать французов. Безусловно, большая часть этих французов путешествует за деньгами, а почти все англичане - за тем, чтобы их потратить. Но мы, несомненно, впали бы в большую ошибку, составляя представление о характере французской нации на основе французских скрипачей, учителей танцев, дантистов и камердинеров, которых можно встретить в Англии или других частях Европы.

Кавалер признал, что было бы несправедливо, чтобы решить, на французском характера от своих скрипачей и учителей танцев; но добавил, что он не понимал, что англичане могли обоснованно жаловаться, иностранцы должны составить мнение их национального характера у мужчин состояние, ранг, и самое либеральное образование своего острова.

Я ответил, что, конечно, будут, потому что молодые люди высокого ранга и большого состояния с младенчества несут с собой набор идей, которые очень часто противоречат целям наилучшего образования. — Пусть ребенок высокого ранга воспитывается со всей заботой и вниманием, какие только могут дать самые рассудительные родители и дела; — пусть ему скажут, что только личные качества могут сделать его по—настоящему уважаемым; — что случайные обстоятельства рождения и состояния не дают справедливого основания для уважения; — что знания и добродетель являются истинными источниками чести и счастья; — что праздность порождает порок и богатство. несчастье; — что без применения он не может приобрести знания; - и что без знаний он превратится в ничтожество, несмотря на ранг и богатство: - Пусть эти вещи внушаются со всей силой убеждения; пусть они иллюстрируются примерами и внушаются баснями и аллегориями; - и все же, разве мы ежедневно не видим, как эффекту всего этого противодействуют намеки слуг и низких подхалимов, которые придают значение совершенно иным качествам и проповедуют гораздо более приятную доктрину?—

Во всех своих речах и поведении они постоянно намекают на огромное состояние, которое однажды получит юная искра, и на то, каким великим человеком он должен стать, независимо от каких-либо собственных усилий. Они явно намекают, если не говорят об этом прямо, что учеба и прилежание, хотя и достаточно подходящие для мальчиков из больницы, не нужны или, возможно, не подобают светскому человеку. Они с восторгом говорят о гончих, охотниках и скаковых лошадях одного великого человека; о богатых ливреях и блестящем снаряжении другого; и о том, как сильно обоим любя и восхищаются их щедростью по отношению к своим слугам. Они говорят своему молодому хозяину, что его ранг и состояние дают ему право иметь лучших собак, лошадей, ливреи и экипировку, чем те и другие, и быть более щедрым к своим слугам; и, следовательно, быть более великим человеком во всех отношениях. Этот вид яда, часто изливаемый на молодые ростки богатства и качества, постепенно подрывает силу растений и делает неэффективным любой уход и выращивание.

Если мы предположим, что к мальчику высокого положения можно было бы приставить слуг другого характера и предпринять все меры, чтобы внушить ему другие чувства, то он не может выйти за границу, не может попасть в общество, не осознав собственной значимости и

внимания, которое ему уделяют. Его детские шалости называются энергичными поступками; его дерзкие речи превращаются в веселые шутки; и когда его порицают или наказывают родители или хозяин, десять против одного, что какой-нибудь подобострастный посредник скажет ему, что он пострадал от большой несправедливости.

Юноша, совершенствуя все это в целях праздности и тщеславия, приходит в конце концов к приятному убеждению, что учеба или применение любого рода были бы для него излишними; что он должен искать только развлечений, ибо в благословенном возрасте двадцати одного года к нему добавятся отличия, почтение, восхищение и все другие блага.

С другой стороны, молодой человек, рожденный без таких ожиданий, не имеет вокруг себя подхалимов, которые извращают его понимание; —когда он ведет себя неподобающим образом, он мгновенно видит следы неодобрения на каждом лице: —Он ежедневно встречается с людьми, которые сообщают ему о его недостатках без церемоний и околичностей.—Он понимает, что никому нет дела до его плохого настроения или капризов, и вполне естественно приходит к выводу, что ему лучше всего справиться со своим характером. —Он обнаруживает, что в компании им склонны пренебрегать, и что единственным средством от этого неудобства будет сделать себя приятным.—Он любит достаток, отличие и восхищение, а также богатых и вельмож, но становится полностью убежденным, что никогда не сможет приобрести даже тени их, иначе как с помощью полезных и декоративных приобретений. Истинность этих предписаний, которая с помощью риторики и силлогизмов доказывается мальчику удачи, на опыте ощущается тем, у кого нет состояния; и разница, которую это создает, бесконечна.

Таким образом, сын джентльмена со средним достатком имеет вероятность больше узнать о мире в возрасте шестнадцати лет и иметь более справедливое представление о чувствах людей к нему, чем юноша очень высокого положения в гораздо более преклонном возрасте; ибо любому человеку очень трудно обнаружить, что его презирают, в то время как ему продолжают льстить.

Поэтому мы далеки от того, чтобы удивляться тому, что распутство, слабость и невежество так распространены среди тех, кто родился с большим состоянием и высоким положением, мы должны быть поражены, увидев среди них такое большое количество добродетельных, трудолюбивых и гениальных людей. И если их число в Англии пропорционально больше, чем в любой другой стране, что, я полагаю, так и есть, это должно происходить из беспристрастной дисциплины в наших государственных школах и справедливого отношения, которое мальчики самого высокого ранга получают от своих товарищей. Иногда естественные, мужские чувства, которые они перенимают у своих школьных товарищей, служат противоядием от ребяческих, софистических представлений, которыми слабые или коварные мужчины пытаются внушить им в дальнейшей жизни.

Природа британской конституции способствует также формированию большего числа талантливых людей среди богатых и знатных, чем в других странах; потому что она открывает более широкое поле для честолубия, чем любое другое правительство; а честолубие стимулирует те усилия, которые порождают таланты.

Но, продолжал я, вы должны признать, что было бы неправильно судить об английском гении по образцам, взятым у людей, у которых больше соблазнов к лени и меньше побуждений к прилежанию, чем у других.

Мой спорщик все еще оспаривал этот пункт и утверждал, что высокое происхождение придает врожденное достоинство и возвышенность уму; —что отличия и почести первоначально были привнесены в семьи выдающимися способностями и великими добродетелями;—что когда человек выдающегося происхождения появляется в обществе или даже когда упоминается его имя, это, естественно, вызывает воспоминание о великих деяниях и блестящих качествах выдающегося человека, который первым удостоился этих почестей;—что сознание этого, естественно, должно побуждать нынешнего обладателя подражать добродетелям своих предков;—что его вырождающийся это подвергло бы его высшей степени порицания, поскольку мир не мог бы без негодования созерцать леность и порок, украшенные наградами за активность и добродетель.

Я мог бы оспорить это утверждение, что почести и титулы всегда являются наградой за добродетель; и мог бы привести множество примеров противоположного утверждения. Но я допускал, что они часто было и так, что наследственным отличием в семье всегда должны иметь, и иногда было, эффект, который он предполагал; но эти уступки делаются в полной мере, то все равно он бы несправедливо по отношению к английской, путем формирования суждения о национальном характере, от чего у него наблюдаются вспыльчивость, манеры, и гений, из тех англичан, с которыми он был знаком в зарубежных странах; потому что три четверти из них были, по всей вероятности, мужчин, фортуны, без семьи и высокого происхождения, чтобы похвастаться, так что у них лучшие побуждения к праздности, не обладая при этом мотивы добродетельного нагрузок, которые влияют на людей высокого ранга.—Ибо, хотя это редко случалось в других странах, это было очень распространено в Англии для мужчин различных профессий и ремесел накапливать очень большие удачи, которые, по их смерти, падающие с их сыновьями, эти молодые люди, не имея подходящего образования, сразу настраивают на Господа, и работать над Европой в герои здесь Anglois, игры, покупки картин, изуродованные статуи и любовниц, к изумлению всех зрителей: и, сознавая пятном в их щиток, они думают, что на них лежит обязанность мыть его, и составляют для примесь их крови, погружаясь все глубже в океан экстравагантности, чем это необходимо для человека наследственными моды.

На этом наш разговор закончился, и джентльмен пообещал, что будет придерживаться того представления, которое он сформировал об английской нации на основе произведений Мильтона, Локка и Ньютона, а также характеров Рэли, Хэмбдена и Сиднея.

БУКВА LI.

Франкфурт.

К числу примечательных вещей во Франкфурте можно отнести постоянные дворы. В частности, две из них, "Император" и "Красный дом", по чистоте, удобству и количеству апартаментов превосходят все, что я когда-либо видел на континенте, и соперничают с нашими самыми великолепными гостиницами в Англии.

В этих, как и во всех других гостиницах Германии и Швейцарии, есть обычные, где приезжие могут пообедать. Это называется табльдотом из-за того, что хозяин сидит в конце стола и нарезает яства. То же название для ординарца до сих пор сохраняется во Франции, хотя хозяин

заведения не садится за стол, как это было раньше в этой стране, и до сих пор является обычаем в Германии.

Здесь нет ни частных квартир, как в Лондоне, ни отелей гарни, как в Париже. Таким образом, незнакомые люди проживают в гостинице в течение всего времени своего проживания в любом из городов. И путешественники всех вероисповеданий в этой стране в ранге суверенных принцев не стесняются время от времени обедать за столом гостиницы, где они останавливаются, и этому обычаю повсеместно следуют иностранцы из всех стран европейского континента.

Однако многие наши соотечественники, презирующие экономику и ненавидящие общество незнакомцев, предпочитают есть в своих квартирах, а не за домашним столом или любым другим частным столом, к которому их могут пригласить.

Было бы самонадеянностью с чьей бы то ни было стороны оспаривать право каждого свободнорожденного англичанина следовать своим собственным склонностям в этом конкретном вопросе; и все же, когда люди хотят избежать общества незнакомцев, мне кажется, что они могут так же полностью потакать своим фантазиям дома, как и за границей; и пока они продолжают в том же духе, я не могу отделаться от мысли, что они могли бы избавить себя от неудобств и расходов, связанных с путешествием.

Манерам и гению народов, это правда, не научишься на постоянных дворах; и не самую избранную компанию можно найти в публичных заведениях; и все же человек наблюдательный, любящий изучать характеры, иногда найдет наставления и развлечение и в тех, и в других. Там он видит жителей страны с меньшей церемонностью, чем в других местах, и слышит замечания путешественников всех мастей.

Первой заботой путешественника, безусловно, должно быть установление знакомства и некоторой степени близости с главными людьми в каждом месте, где он намеревается поселиться; — принимать приглашения на их семейные приемы и посещать их общества; — принимать их в своих апартаментах, когда это удобно, и стараться составить правильное представление об их правительстве, обычаях, чувствах и образе жизни. Те, кто любит изучать человека, что, при всем уважении к философам, предпочитающим изучение зверей, птиц и бабочек, также является простительным развлечением, будут время от времени общаться с людьми всех степеней и, когда не будут заняты чем-либо иным, не побрезгуют занять место за домашним столом.

Говорят, что в этих обычных заведениях иногда можно встретить низких людей. Это, конечно, веское возражение; но тогда следует помнить, что в пределах вероятности, что люди, даже занятые торговлей, могут обладать либеральными взглядами и могут быть способны давать столь отчетливые отчеты о том, что достойно наблюдения, как если бы они всю свою жизнь были такими же праздными, как люди высшего света. Человек должен иметь очень напыщенное представление о собственном величии, если он не может смириться в чужой стране обедать за одним столом с человеком более низкого ранга; тем более что в то же время он встретится с

другими людьми равного или более высокого ранга, чем он сам: ибо весь этикет такого рода соблюдается даже в Германии за табльдотами.

Знание характеров людей, какими они проявляются в различных ситуациях и странах; — изучение человеческой природы во всех ее формах и модификациях в высшей степени интересно для ума и достойно внимания величайшего человека. Этого нельзя достичь в совершенстве при дворах и во дворцах. Исследователь природы должен посетить ее в более скромной жизни и поставить себя на один уровень с мужчинами, которых он желает знать.

Обычно обнаруживается, что те, кто обладает подлинным величием ума, без колебаний преодолевают препятствия и презируют формы, которые могут стоять на пути их приобретения этого полезного знания.

Самым веским из всех аргументов против полного отказа появляться за общим столом в гостинице является то, что в этой стране принято, чтобы дамы сами, находясь в путешествии, ели там; и мое пристрастие к табльдоту, возможно, в какой-то степени объясняется тем, что за одним из них я познакомился с двумя самыми красивыми женщинами, которых я видел с тех пор, как нахожусь в этой стране, которая изобилует женской красотой.

Лица француженок более выразительны, но дамы из Германии имеют преимущество в белизне своей кожи и румянце цвета лица. Они больше похожи на англичанок, чем на француженок, но все же значительно отличаются от них обеих.—Я не знаю, как дать представление о различных оттенках выражения, которые, если я не ошибаюсь, я могу различить в особенностях пола в этих трех странах.

Красивая француженка, помимо непринужденности своих манер, обычно выглядит жизнерадостной.— Она, похоже, желает познакомиться с вами и, похоже, ожидает, что вы должны обратиться к ней.

Манеры англичанки не столь уж лишены сдержанности, и незнакомец, особенно если он иностранец, может заметить выражение, граничащее с презрением, на ее лице. Даже среди самых красивых черт часто появляется что-то вроде угрюмого вида. Хотя их красота и привлекает, это в какой-то степени ограничивает ту свободу обращения, которую вы могли бы использовать по отношению к француженке, и еще больше тешит ваше тщеславие, давая представление о трудностях, которые вам предстоит преодолеть.

Немецкая красавица, лишенная элегантности одной или сдержанности другой, обычно выглядит более безмятежной, чем любая из них.

БУКВА LII.

Франкфурт.

Несколько человек здесь любят выделяться своей страстью к изобразительному искусству, и незнакомцам сообщают, что стоит посетить некоторые частные коллекции картин, которые можно увидеть во Франкфурте.

Вы знаете, что я не знаток; а если бы и был, не стал бы отнимать у вас время на их описание или критику по их предмету. Ибо, хотя я и видел их, вы - нет; и ничто, по моему мнению, не может быть более непонятным и утомительным для Читателя, чем критика картин, которых он не видел. Я только замечу, что, поскольку все эти коллекции снискали уважение и одобрение владельцев, что, я полагаю, было главной целью их создания, они, безусловно, заслуживают уважения со стороны каждого незаинтересованного зрителя. - Одна из них, в частности, должна быть очень ценной из-за огромной суммы денег, которую нынешнему владельцу предложили за нее и от которой он отказался как несоответствующей ее ценности; хотя предложенная сумма сразу облегчила бы джентльмену его положение, которое, к сожалению, далеко не таково. по делу. В этом анекдоте нельзя сомневаться, потому что я услышал его из его собственных уст.

Здесь по-прежнему в моде создавать шкафы с диковинками природы. Помимо хранилищ такого рода, которые можно увидеть при дворах князей, многие люди по всей Германии имеют в своих домах музеи, и посторонние люди не могут оказать им лучшей услуги, чем попросить разрешения осмотреть их. Это было бы простым проявлением вежливости, если бы незнакомцу позволили полюбоваться видом и уйти, когда он сочтет нужным. Но беда в том, что владелец присутствует на этих мероприятиях и рассказывает историю каждого куска руды, окаменелости, ископаемого дерева и монстра, которые есть в коллекции. И поскольку эта лекция читается бесплатно, он берет на себя право читать ее столько, сколько ему заблагорассудится: так что просьба показать частную коллекцию природных диковинок - дело более серьезное, чем люди думают.

Д-из Н- вляпался в передрагу, из которой, я полагаю, его будет трудно вытащить. Будучи незнакомым с хлопотами, которые доставляют себе эти джентльмены в подобных случаях, он выразил желание трем или четырем виртуозам осмотреть их кабинеты. Вчера я присутствовал при его первом посещении. Джентльмен приложил необычные усилия, чтобы угодить его светлости. Он сказал, что, будучи полностью убежден в своем вкусе к натурфилософии, в которой люди его высокого положения никогда не испытывали недостатка, он поэтому с удовольствием объяснит каждую деталь в сборнике с величайшей обдуманностью. Он намеренно держался в стороне все утро и отдал приказ, чтобы его не прерывали. Затем он описал каждую деталь коллекции с такой тщательностью и настойчивостью, что полностью удовлетворил любопытство его светлости и дал ему такие знания о землях, кристаллах, агатах, пиритах, марказитах, окаменелостях, металлах, полуметаллах и т.д. и т.п., Которые, смею поклясться, будут служить ему всю оставшуюся жизнь.

Кассель.

Я начал это письмо во Франкфурте, не подозревая, что наш отъезд будет таким внезапным. Но по мере того, как приближался день, в который нам было обещано увидеть еще одну кунсткамеру диковинок, я обнаружил, что нетерпение Д. поскорее уйти возрастает с каждой минутой. Итак, извинившись перед владельцами двух или трех заведений, которые он просил разрешения посетить, мы провели один день с семьей мадам де Баркхауз, другой - с семьей мистера Гогла, а затем, поспешно попрощавшись с другими нашими знакомыми во

Франкфурте, отправились в это место. Первую ночь мы провели в Марбурге, а на вторую, около полуночи, прибыли в Кассель.

Поскольку земля сплошь покрыта снегом, дороги плохие, а посты длинные, мы были вынуждены брать по шесть лошадей для каждой повозки, которые, в конце концов, в некоторых местах передвигались не быстрее пары катафалков. Д. перенес это с удивительным спокойствием, размышляя о счастливом бегстве, которое он совершил из кабинетов во Франкфурте. Раб, сбежавший с рудников, не мог бы выказать большего удовлетворения. Его добродушный юмор оставался стойким против всей флегматичности и упрямства немецких фореиторов, о которых тот, кто не путешествовал по этой стране в разгар зимы, когда дороги занесены снегом, не может составить ни малейшего представления.

Контраст характеров французов и немцев ярко проиллюстрирован поведением почтальонов двух стран.

Французский почтальон обычно либо смеется, либо раздражается, либо поет, либо ругается - все время, пока он находится в дороге. Если холм или плохая дорога вынудят его ехать медленно, он внезапно упадет, щелкая кнутом над головой в течение четверти часа подряд, без всякой причины; потому что он знает, что лошади не могут ехать немного быстрее, и он не намерен, чтобы они это делали. Следовательно, весь этот шум и волнения ничего не значат и проистекают исключительно из того отвращения к тишине, которое каждый француз выпитывает с молоком матери.

Немецкий фореитор, напротив, управляет четверкой лошадей со всем возможным спокойствием. Он не поет, не волнуется и не смеется: он только курит; и когда он приближается к узкому проходу, он трубит в свою трубу, чтобы ни одна карета не въехала с другого конца, пока он не проедет. Если вы крикнете ему, чтобы он шел быстрее, он оборачивается, смотрит вам в лицо, вынимает трубку изо рта и говорит: "Тявкай, Минер"; — тявкай, тявкай; а затем продолжает в том же темпе, что и раньше. На него никоим образом не влияет, хорошая дорога или плохая, идет ли дождь, светит солнце или идет снег — И он, кажется, совершенно не обращает внимания на людей, которых он водит, и одинаково бессердечен к их упрекам или аплодисментам. У него есть одна цель, которую он никогда не упускает из виду, а именно: доставить вашу карету и ее содержимое от одного почтового поста к другому так, как он сочтет наилучшим для себя и лошадей. И пока его трубка не погасла (в этом случае он чиркает кремнем и разжигает ее заново), у него, похоже, нет другой идеи на протяжении всего путешествия.

Поначалу вам лучше всего позволить ему идти своим путем, потому что в конце концов до этого дойдет.—Весь ваш шум и бахвальство напрасны.

Non vultus instantis tyranni

Mente quatit solida, neque Auster

Dux inquieti turbidus Adriæ,

Nec fulminantis magna Jovis manus.

БУКВА LIII.

Кассель.

Внимание и вежливость, которые этот суд проявляет к Г-ну Ч., побудили нас задержаться дольше, чем мы намеревались по прибытии.

Поскольку вам, похоже, интересно узнать, как мы проводим время и как здесь живем, я расскажу вам об одном дне, который, с небольшими вариациями, может дать вам представление обо всем остальном.

Обычно мы занимаемся утром и до полудня. Примерно за полчаса до подачи ужина мы приходим во дворец, где находим всех приглашенных офицеров, собравшихся в большой комнате. Вскоре появляется ландграф и продолжает беседовать со всей компанией, пока не прибывает его супруга с принцессой Шарлоттой и теми дамами, которых они сочли нужным пригласить.

Затем компания направляется в столовую, где каждый день накрывается около тридцати блюд, и столько же в соседней комнате. Двери между этими квартирами остаются открытыми, и все образует как бы единую компанию. Незнакомцы и те офицеры, которые не ниже полковничьего звания, обедают за столом их Высочеств.

Трапеза продолжается около двух часов, в течение которых беседа ведется с некоторой видимостью скованности и довольно тихим голосом, за исключением тех случаев, когда кто-либо из их Высочеств обращается к кому-либо, сидящему немного поодаль.

После ужина компания возвращается в комнату, где они впервые собрались. В ней они остаются до тех пор, пока ландграф не удалится, что он обычно делает примерно через четверть часа. Вскоре после этого компания расходится до семи вечера, когда они снова собираются.

Ландграф постоянно играет в Каваньоле, своего рода лотерею, где не требуется ни обращения, ни внимания и где едва ли нужно прерывать беседу. Для создания его партии требуется около дюжины игроков.

Ландграфиня играет в кадриль и каждый вечер сама выбирает себе партию.—Другие карточные столы установлены в соседних комнатах для удобства всех, кто решит поиграть. Игра продолжается около пары часов. Затем ландграф расцеловывает ее высочество в обе щеки и удаляется в свои апартаменты, в то время как она и остальная компания отправляются ужинать. За этой трапезой меньше формальностей и, как следствие, больше непринужденности и веселья, чем за ужином.

Когда ее высочество встает из-за стола, большая часть присутствующих провожает ее наверх, в просторную приемную, где она остается беседовать несколько минут, а затем удаляется.

Эти общие формы иногда варьируются концертом в апартаментах ландграфа. Есть также определенные праздничные дни, которые отличаются только тем, что компания более многочисленна и лучше одета, чем обычно: два обстоятельства, которые не сильно увеличивают удовольствие от развлечения.

Во время карнавала было два или три маскарада. В таких случаях придворные собираются около шести вечера, причем все мужчины играют в домино, а дамы в своих обычных нарядах или с добавлением нескольких причудливых украшений, в зависимости от особого вкуса каждой.

Они развлекаются картами и беседой до самого ужина. Во время этого перерыва придворный джентльмен несет в шляпе пачку билетов, равную количеству присутствующих мужчин. Они вручаются дамам, каждая из которых вытягивает по одному билету. Билеты таким же образом вручаются мужчинам, которые берут по одной пятерке, которые они хранят до окончания игры в карты.

Затем офицер вызывает номер Один, после чего пара, обладающая этим номером, выходит вперед, и джентльмен ведет леди в столовую, садится рядом с ней и является ее партнером до конца вечера. Таким же образом вызывается и любой другой Номер.

После ужина вся компания надевает маски. Ее Высочество ведут в комнату для маскарадов. Остальные следуют за ней, каждую даму сопровождает ее партнер. Ландграфиня и ее партнер проходят в верхний конец комнаты.—Следующая пара останавливается на небольшом расстоянии ниже них;—третья, рядом со второй, и так далее, пока эта двойная цепочка не достигнет верхней и нижней части зала. Если есть какие-то запасные игроки, они должны отойти в сторону.—От этой аранжировки вы ожидаете танца в стиле кантри: —однако предполагается менуэт - начинается музыка, и все танцующие в масках на танцполе, состоящие из двадцати или тридцати пар, исполняют менуэт вместе. По окончании этого довольно запутанного действия все рассаживаются, за исключением ландграфини, которая обычно танцует девять или десять менуэтов подряд с таким же количеством разных кавалеров. Затем она занимает свое место, пока остальная труппа не станцует менуэт, который заканчивается, начинаются котильоны и кантри-танцы, которые продолжаются до четырех или пяти утра.

Ее высочество - очень красивая женщина, грациозная, с веселым и жизнерадостным характером. Ей грозит ожирение, что не редкость в Германии, но которое она пытается замедлить, используя много физических упражнений.

Помимо компании, ужинающей при дворе, комнаты обычно были переполнены городскими масками, некоторые из которых были в маскарадных костюмах и все время скрывались. И хотя тех, кто прибыл от двора, узнают, когда они входят в маскарадные залы, многие из них после этого выскальзывают оттуда, переодеваются и возвращаются, чтобы развлечься, дразня своих друзей в их вымышленных образах, как это обычно бывает на маскарадах.

В деревенских танцах участвуют все люди без разбора, которые склонны к ним присоединиться. Две увеселительные дамы, приехавшие на карнавал в Кассель по роду своей профессии и хорошо известные многим офицерам, танцевали каждый маскарадный вечер на деревенских танцах, которые вела ее Высочество; ибо маска уничтожает церемонию, ставит всех на ноги, и нередко, хотя она наиболее эффективно скрывает лицо, она еще больше раскрывает истинный характер и склонности того, кто ее носит.

БУКВА LIV.

Кассель.

После курфюрстов империи ландграф Гессен-Кассельский является одним из величайших князей Германии; и даже из них только курфюрсты Богемии, Баварии, Саксонии и Ганновера богаче и могущественнее его. Его страна в целом холмистая, с большим количеством леса, но перемежающаяся плодородными долинами и кукурузными полями. Крупные субсидии, полученные этим двором от Великобритании во время двух последних войн, а также то, что выдается в мирное время в виде удержания пошлин, в значительной степени способствовали нынешнему процветающему состоянию его финансов.

Правящий принц оставил протестантскую веру около двадцати лет назад и публично исповедовал римско-католическую религию еще при жизни покойного ландграфа, своего отца. Это сильно встревожило старого князя и встревожило его подданных, которые все были протестантами.

Штаты ландграфства были собраны по этому важному случаю, и были приняты такие меры, которые были сочтены необходимыми для поддержания религии и конституции страны, против любых будущих попыток их ниспровергнуть. Наследственный принц был отстранен от всякого участия в воспитании своих сыновей, которые были переданы на воспитание принцессе Марии Великобритании, его первой жене, жившей в то время отдельно от своего мужа. Старший сын, после вступления его отца на ландграфство, получил во владение графство Ханау, так что жители не почувствовали никаких неудобств от смены религии своего принца. И поскольку он сам своим обращением не получил никаких земных преимуществ ни с точки зрения чести, ни выгоды, можно предположить, что надежды его Высочества теперь ограничены наградами, которые могут ожидать его в другом мире.

Этот принц держит в пешем строю 16000 человек в мирное время, дисциплинированных в соответствии с прусским планом, сам ландграф имеет звание фельдмаршала в прусской армии. Принц любит упражнять их; но, не имея специально дома, как у принца Гессен-Дармштадтского, он развлекается этим в очень плохую погоду в столовой своего дворца, где я часто видел, как двести или триста человек из первого батальона гвардии выполняют свои маневры со всей возможной ловкостью.

Принц Саксен-Готский, брат покойной принцессы Уэльской, имеет полк на службе у ландграфа и проживает в Касселе.

Человеком, который осуществляет главное руководство военными делами, является генерал Скливен, человек чрезвычайно справедливого и точного понимания, которое он прекрасно развил путем чтения и размышлений.

Я имею счастье быть близко знакомым со многими другими офицерами этой службы. Открытые манеры и незаурядная вежливость отличают немецкий характер; качества, которые естественным образом устраняют сдержанность и вселяют уверенность. И что делает беседу этих джентльменов еще более приятной и интересной для меня, так это справедливость, которую они, похоже, любят отдавать храбрости британских войск, с которыми они служили. Они всегда упоминают имена Грэнби, Уолдгрейва и Кингсли с самыми высокими похвалами и с любовью отзываются о некоторых офицерах, с которыми они были более близко знакомы, особенно о мистере Ките, который сейчас находится в Вене, и полковнике Джоне Максвелле, которого они почитают как одного из самых храбрых и деятельных офицеров, служивших в армии союзников; и, кажется, любят упоминать примеры удивительной отваги британских гренадеров, которыми он командовал.

Помимо тех, кто действительно состоит на службе у ландграфа, в Касселе проживают еще несколько известных персон. Иногда я провожу день со старым генералом Застроу, который командовал гарнизоном Швейдница, когда австрийский генерал Лаудон застал его врасплох.

Если вы помните, это важное место было отнято у пруссаков в 1757 году графом Надасти. Зимой того же года он был блокирован королем Пруссии и сдался ему весной 1758 года, после того как половина гарнизона пала, защищая это место. В 1761 году Лаудон отвоевал его почти на виду у прусской монархии путем самого блестящего государственного переворота, который, возможно, когда-либо был нанесен.

Королевская армия и армия Лаудона находились в окрестностях Швейдница. Последний не мог предпринять обычной осады, пока за ним наблюдал такой предприимчивый враг. Но, заметив, что король удалился от города на большее расстояние, чем обычно, и зная, что более половины гарнизона было призвано в армию, он решился на предприятие столь же смелое, сколь и мудрое. Однажды рано утром этот бдительный командир, воспользовавшись густым туманом, четырьмя дивизиями двинул свою армию к городу Швейдниц. К крепостным валам были прикреплены штурмовые лестницы, и некоторые австрийцы действительно вошли в город, прежде чем их заметили сентинельцы.

Гарнизон, наконец очнувшись, яростно атаковал нападавших.—Неразбериха усилилась из-за взрыва порохового погреба, в результате которого погибло большое количество людей с обеих сторон. Губернатор был взят в плен, сражаясь с мечом в руке на крепостном валу, и город сдался.

Этот подвиг упрочил репутацию Лаудона, в то время как бедняга Застроу, согласно обычной участи несчастных, стал жертвой клеветы бесчувственных и малодушных. Он потребовал судебного разбирательства военным трибуналом.—Король сказал, что для этого не было повода, поскольку он не обвинял его ни в каком преступлении.— Но он не счел целесообразным нанимать его в какую-либо команду после этого несчастья.

Я слышал, как старик рассказал все подробности этого дела, и рассказ, который он дал, был подтвержден мне офицерами, хорошо информированными и никак с ним не связанными.

Недавно сюда прибыла труппа французских комиков, которая является новым ресурсом для двора. Они остаются здесь шесть недель или два месяца. Ландграф выплачивает им оговоренную сумму за выступления дважды в неделю в течение этого времени; и у них почти нет

другого вознаграждения, кроме этого, поскольку жители Касселя, которые являются кальвинистами, не проявляют большой страсти к драматическим развлечениям.

Игровой домик аккуратный, хотя и маленький. Передняя галерея с удобной комнатой позади отведена под корт. Когда принц или принцесса встают, будь то в перерыве между действиями или во время представления, вся публика, партерная, ложа и галерея немедленно встают; и остаются в стоячем положении, пока их повелитель не сядет.

С момента прибытия этих игроков корт стал необычайно блестящим, а праздничные дни стали проводиться чаще. Вчерашний день был просто великолепным. Затем я заметил в гостиной двух человек, ни один из которых не является гессенцем, приветствующих друг друга с большой вежливостью и очевидным уважением. Немного погодя один из них тронул меня за плечо и, указывая на другого, прошептал мне на ухо: —Пренесард, месье, ты мой человек, ты мой великий кавалер".

Тот, другой, через несколько минут подошел ко мне и спросил: "Почему вы, месье, не хотите провести разведку в вашем монтруа?"—Вуаля, - добавил он, показывая на человека, который шептал мне раньше.

Впоследствии те, кто знал обоих, сказали мне, что каждый из них в точности соответствовал характеру другого.

Эту маленькую черту я упомянул просто из-за ее необычности и для того, чтобы показать вам, насколько сильно манеры здешнего двора и чувства здешних придворных друг к другу отличаются от манер Сент-Джеймского.

БУКВА LV.

Кассель.

Город Кассель расположен на реке Фульда. Он состоит из старого и нового города. Первый - самый большой и неправильной формы. Новый город хорошо построен; и там, как вы можете себе представить, живут дворяне и придворные чины. Улицы красивы, но не переполнены жителями.

Помимо большого замка в городе Кассель, который является зимней резиденцией ландграфа, у него есть несколько вилл и замков в разных частях его владений. Сразу за городом есть очень красивое здание, в котором он проводит большую часть лета. Квартиры там аккуратные и просторные, некоторые из них украшены античными статуями значительной ценности.

Ни одна из комнат не является достаточно просторной, чтобы вместить в своих стенах сколько-нибудь значительное количество войск; но его Высочество иногда предается этому любимому

развлечению на крыше этой виллы, которая имеет плоскую крышу, наиболее удобную для этой цели.

Вокруг него разбито несколько великолепных парков и скверов с великолепной оранжереей. Здесь также есть зверинец со значительной коллекцией любопытных животных. Я увидел там очень красивую львицу, которая недавно потеряла своего мужа; — слона; — трех верблюдов в прекрасном состоянии, один из них молочно-белый, два других серые и намного выше слона; — африканского оленя, свирепого и подвижного животного, со шкурой, покрытой прекрасными пятнами; — очень высокого дождевого оленя; — нескольких леопардов; — медведя и великое множество обезьян. — Коллекция птиц еще более полная, многие из них из Ост-Индии.

В академии художеств, которая находится в новом городе, хранятся ценные предметы антиквариата и другие диковинки, среди которых мозаика Святого Иоанна, выполненная по рисунку Рафаэля, со следующей надписью под ней:

IMAGINEM S. JOHANNES
EX ITALIA ADVENAM
IN RARUM RARÆ INDUSTRIÆ HUMANÆ MONUMENTUM
HANC COLLOCARI JUSSIT
FREDERICUS II. HASSIÆ LANDGR.
A. M. D. CCLXV.

Но, насколько я понимаю, искусство копирования картин в мозаичных работах в последнее время было доведено в Риме до гораздо большей степени совершенства.

В вестибюле установлен ствол лаврового дерева с этой надписью на стене позади него.

QUÆ
PER OCTO PRINCIPUM CATTORUM ÆTATIS
IN AMÆNIS INCLYTI CASSEL.
VIRIDARII SPATIAM FLORUIT
LAURUS
ALT. CIRCITER LIV. ЛАТ. IV. ПЕД. РЕНАН.
AD TEMPORA HEROUM
SERENISS. DOMUS HASSIÆ
CORONIS CINGENDA,
SENIO, SED NON IMPROLIS, EMORTUA EST
NE VERO TOTA PERIRET
ARBOR APOLLINI SACRA
TRUNCUM IN MUSEO SERVARI JUSSIT
FREDERICUS II. H. L.
A. M. D. CCLXIII.

На них также изображен меч, который был освящен папой римским и послан одному из принцев этой семьи при его отправлении в экспедицию в Святую Землю. Я не могу сказать, какой хаос произвело это священное оружие среди неверных. — У него очень почтенный вид для меча, и все же он кажется немного потертым.

Рядом со старым замком и немного в стороне находится колоннада из небольших колонн, построенная недавно и задуманная как украшение древнего замка, хотя и в совсем другом архитектурном стиле. Стройность их форм кажется тем более примечательной из-за их близости к этому готическому сооружению.

Некоторое время назад в Кассель приехал шарлатан, который, помимо многих других замечательных подвигов, притворялся, что может глотать и переваривать камни. Гессенский офицер, прогуливавшийся перед замком с английским джентльменом, который в то время случайно находился в Касселе, спросил его, что он думает о прекрасной новой колоннаде.— Он действительно очень хорош, - ответил незнакомец, - но если вы хотите, чтобы он был долговечным, вам следует позаботиться о том, чтобы не позволять шарлатану разгуливать здесь до завтрака.

Ничто в стране Гессен не вызывает большего восхищения путешественников, чем готический храм и каскад в Вазенштайне. Первоначально на этом месте стояло старое здание, которое использовалось принцами этой семьи как своего рода охотничий дом. Он расположен у подножия высокой горы и в разное время расширялся и улучшался. Но дед нынешнего ландграфа, который был принцем с таким же вкусом и великолепием, соорудил на склоне горы напротив этого дома серию искусственных водопадов, каскадов и разного рода гидротехнических сооружений в самом благородном стиле, который только можно себе представить.

Основные каскады находятся посередине, а по бокам расположены лестницы из больших черных камней кремнистой текстуры, добытых на значительном расстоянии от скалы. Каждая из этих лестниц состоит из восьмисот ступеней, ведущих от подножия к вершине горы; и когда сооружениям разрешают играть, вода, текущая по ним, образует две непрерывные цепочки меньших каскадов. На удобном расстоянии, по мере подъема, находятся четыре платформы с просторным основанием в каждой; также гроты и пещеры, украшенные раковинами, статуями наяд и морских божеств.—В частности, один грот, называемый гротом Нептуна и Амфитриты, удачно придуман и хорошо выполнен.

Вода низвергается с вершины этой горы в различных формах: иногда отдельными каскадами, иногда большими пластами, похожими на широкие хрустальные зеркала; в одном месте она разбита скалой, состоящей из огромных камней, искусственно установленных для этой цели.— Есть также фонтаны, которые выбрасывают воду столбами диаметром пять-шесть дюймов на значительную высоту.

Все это, должно быть, производит очень яркое впечатление, если смотреть снизу. Это зрелище, однако, мне не понравилось, потому что с тех пор, как мы были в Касселе, мороз не прекращался; а когда я посетил Вазенштайн, поля были покрыты снегом, что не мешало мне подняться на вершину, хотя и сделало восхождение по скалам чрезвычайно трудным.

На самой высокой части горы построен готический храм, а на вершине - обелиск, увенчанный колоссальной статуей Геркулеса, опирающегося на свою дубину в позе Геркулеса Фарнезе. Эта фигура сделана из меди и имеет тридцать футов в высоту. Внутри клуба есть лестница, по которой мужчина может подняться наверх и полюбоваться видом на окрестности из окна наверху.

"Вазенштейн", в целом, бесконечно благороднейшее произведение подобного рода, которое я когда-либо видел. Я был очарован, в Европе нет ничего равного ему. Она не похожа на современную работу, а скорее передает идею римского великолепия.

Мы думаем отправить это через несколько дней в Брауншвейг.—Я не закончу свое письмо, пока мы не доберемся до Геттингена, где, вероятно, сможем задержаться ненадолго.

P. S. Вчера мы с окружным прокурором попрощались со Двором и нашими друзьями и фактически выехали из Касселя сегодня утром; но, обнаружив, что дороги полностью затоплены из-за необычайного разлива Фульды, мы были вынуждены вернуться. Сильная оттепель, продолжавшаяся несколько дней, растаявшая снег и лед, вызвала это вздутие и сделала дороги непроходимыми.

После отпуска мы не смогли снова появиться при дворе, но пообедали в одной из столовых с офицерами.— Я только что вернулся с этой вечеринки и, не зная, когда мы сможем добраться до Геттингена, отправляю это письмо сегодня вечером.

Adieu.

БУКВА LVI.

Брансуик.

Как только дороги стали проходимыми, мы покинули Кассель и прибыли, не без труда и некоторого риска, в Манден, городок, расположенный в долине, где в Фульду впадает другая река, получившая название Везер.

Похоже, этому городу угрожает некоторая опасность из-за наводнений. Дорога, на протяжении значительного пути до того, как мы въехали на нее, и улицы, ближайšie к реке, все еще были переполнены, когда мы проезжали.

В ту же ночь мы отправились в Геттинген, чрезвычайно аккуратный и хорошо построенный городок, расположенный в прекрасной стране. Университет, основанный здесь Георгом Вторым, пользуется значительной репутацией. В Геттингене мы пробыли совсем недолго, а примерно через месяц прибыли в Брауншвейг.

Судью Ч. ожидали здесь уже некоторое время, и он был принят этим судом со всеми знаками внимания и почтения. На него оказали давление, чтобы он согласился на апартаменты во дворце, от которых, по его мнению, следовало отказаться. Мы спим каждую ночь в частных апартаментах, но, можно сказать, живем при дворе, поскольку постоянно обедаем, проводим вечера и ужинаем там, за исключением двух дней в неделю, когда мы ужинаем с Наследными принцем и принцессой в их апартаментах.

Семейство Брауншвейг-Вольфенбаттл черпает не больше блеска в своей древности, в том, что оно дало Германии императриц, и в том, что на британском троне была младшая ветвь, чем в некоторых ныне живущих персонажах, принадлежащих к нему.

У правящего герцога такой стиль разговора, такие манеры и расположение духа, которые на более низком жизненном уровне придали бы ему характер разумного, достойного джентльмена.

Герцогиня - любимая сестра короля Пруссии. Она любит учиться и особенно пристрастилась к метафизическим исследованиям, которые, к счастью, не поколебали, а подтвердили ее веру в христианство.

Военная слава и общественный авторитет герцога Фердинанда известны всей Европе.—В частной жизни он церемонно вежлив, великолепен в своем образе жизни, внимателен даже к мелочам своего туалета и любит разнообразие и великолепие в одежде.

Он постоянно жил при дворе своего брата с тех пор, как герцог Г. прибыл в Брауншвейг; но обычно лето проводит в деревне.

Наследный принц служил под началом своего дяди во время последней войны и с переменным успехом командовал отдельными отрядами армии. Его активность, мужество и жажда славы всегда бросались в глаза; но с тех пор его юношеский пыл был смягчен временем, учебой и размышлениями; и если он снова появится на поле боя в качестве генерала, предполагается, что он будет так же выделяться благоразумием, политикой и рассудительностью, как когда-либо отличался духом и предприимчивостью. В настоящее время он имеет звание генерал-лейтенанта на службе короля Пруссии и командует гарнизоном в Хальберштадте.

Я ничего не говорю о его принцессе: ее открытый жизнерадостный характер хорошо известен в Англии, и ее любовь к родной стране ни в коей мере не уменьшилась из—за разлуки.

Принц Леопольд - очень любезный молодой человек. Кажется, он очень привязан к герцогине Х., с которой живет в близких дружеских отношениях.

Его сестра, принцесса Августа, очень любима всеми из-за ее услужливого характера и превосходного нрава.

Эти выдающиеся личности всегда обедают и ужинают вместе, за исключением двух дней в неделю, как я уже говорил. Вместе с ними придворные и приглашенные незнакомцы составляют компанию примерно из двадцати или тридцати человек за столом.

Вечером собрание более многочисленное. Для игры в Винг-ун накрыт большой стол, голландки предпочитают эту игру, потому что в ней может участвовать большое количество людей вместе. Правящий герцог и принц Фердинанд всегда участвуют в этой игре.

Наследственная принцесса устраивает кадрили для себя: ее муж вообще никогда не играет. Все это предназначено только для времяпрепровождения, все виды игр не поощряются. Голландка, в частности, всегда делает очень умеренную ставку на свои карты.— Человеку, должно быть, очень не везет, чтобы проиграть больше двадцати пистолей за вечер; так что нам ничего не грозит от игры при этом дворе.

Одно крыло дворца занимает семья наследного принца. В настоящее время у него трое сыновей и столько же дочерей, все светлокожие, что отличает каждую ветвь брауншвейгского рода.

Несколько дней назад я сопровождал принца Леопольда и герцога Х. в гостях у герцога Фердинанда, который в то время находился в своем загородном доме, примерно в шести милях от этого места. В этом уединении он проводит большую часть своего времени. Он увлекается садоводством и сейчас занят тем, что подготавливает почву и ухаживает за ней в том, что называется английским вкусом.

Его Светлость провел Д-ра по всему своему парку и ознакомил его со своими планами и улучшениями. Величайшее препятствие на пути к полному благоустройству этого места возникает из-за того, что поверхность страны является абсолютно плоской и неспособной к большому разнообразию.

Дом окружен Фоссе и вмещает в себя большое количество квартир. Стены каждой комнаты увешаны гравюрами, от крыши до высоты двух футов от пола. Пожалуй, ни в одном частном доме или дворце мира нет столь полной коллекции картин в рамах. Пока принц Фердинанд играл на бильярде с Д. из Х., мы с принцем Леопольдом продолжали изучать эти гравюры и с трудом могли вспомнить хорошую, которой я здесь не нашел.

Его высочество сказал, что одинаково трудно и дорого иметь коллекцию хороших картин, и ничто не может быть более ничтожным, чем плохая: поэтому он принял решение украсить свой дом тем, что у него, безусловно, могло быть хорошего в своем роде; и после прекрасных картин он считал изящные гравюры самым забавным украшением из всех. "Но, - добавил он с улыбкой, - все сносные комнаты теперь прекрасно отделаны, и недавно я получил из Англии множество гравюр", которые обяжут меня построить новые апартаменты, чтобы разместить их, - добавил он, - "чтобы я мог надеть одежду на почетную должность в Англии".

Компания была приглашена на завтрак, но трапеза оказалась великолепным ужином, поданным немного раньше обычного. За столом было всего шесть персон, но по количеству прислуги можно было бы без труда обслужить компанию из тридцати человек. Принц, который всегда в высшей степени вежлив, был в этот раз удивительно приветлив и весел. Он произносил тосты по английскому обычаю и начал с того, что назвал генерала Конвея; впоследствии он назвал сэра Х. Клинтона и продолжал произносить тосты за какого-нибудь британского офицера так часто, как доходила его очередь. — Вы можете поверить, что мне доставило удовлетворение то, что у меня была возможность немного понаблюдать за частной жизнью человека, сыгравшего столь заметную роль на европейском театре.

Поскольку он не вернулся на прусскую службу и, по-видимому, наслаждается сельскими развлечениями и беседами с несколькими друзьями, считается, что он больше не будет принимать участия в общественных делах, а до конца своей жизни будет почивать в этом уединении на лаврах, которые он в таком изобилии собрал во время последней войны.

БУКВА LVII.

Брансуик.

Город Брауншвейг расположен на равнине, на берегу реки Окер. Дома в основном старые, но в последнее время было возведено много новых зданий, и город с каждым днем приобретает все более свежую красоту.

Укрепления были причиной большого бедствия для многих городов Германии, поскольку служили не для их защиты, а скорее для привлечения мести врагов. По этой причине Кассель и некоторые другие города, которые ранее были укреплены, теперь демонтированы. Но укрепления в Брауншвейге были очень полезны в прошлую войну, и однажды они спасли город от разграбления и предоставили принцу Фридриху, который сейчас находится на прусской службе, возможность совершить действие, которое, я полагаю, доставило ему больше радости, чем двадцать побед. Это произошло в 1761 году, вскоре после битвы при Кирх-Денкерне, когда герцог Фердинанд защищал Ганновер, не вводя свою армию в эту страну и защищая ее напрямую, как враг, казалось, знал и, вероятно, желал; но отвлекая внимание, атакуя сильными отрядами под командованием наследного принца их склады в Гессене и таким образом отвлекая их внимание от Ганновера к этому кварталу.

Пока герцог стоял лагерем в Виллемсталле, наблюдая за передвижениями армии Брölö, маршал, значительно превосходивший его численностью, послал отряд в 20 000 человек под командованием принца Ксаверия Саксонского, который овладел Вольфенбаттлем и вскоре после этого окружил Брауншвейг.

Принц Фердинанд, стремясь спасти свой родной город, отважился выделить 5000 человек из своей армии, какой бы небольшой она ни была, под командованием своего племянника Фридриха, которому помогал генерал Лакенер, с приказом преследовать врага и попытаться снять осаду. Молодой принц, находясь в походе, послал солдата с письмом к губернатору, в которое была завернута пуля, которую солдат должен был проглотить на случай, если его захватит враг.— Ему посчастливилось благополучно добраться до города. В письме командир гарнизона уведомлялся о приближении принца и подробно указывались ночь и час, когда он ожидает быть в определенном месте недалеко от города, требуя, чтобы он одобрил свой въезд.

Посреди назначенной ночи принц внезапно напал на вражескую кавалерию, которая, не подозревая о его приближении, небрежно расположилась лагерем в миле от города. Они были немедленно рассеяны и подняли такую тревогу среди пехоты, что они тоже отступили со значительными потерями.

Ранним утром молодой принц вступил в Брауншвейг под одобрительные возгласы своих сограждан, которых он освободил от ужасов осады. Наследственный принц, уничтоживший французские склады в Гессене, был отозван своим дядей и получил приказ попытаться освободить Брауншвейг. В то время как он продвигался со всей возможной скоростью и был уже в нескольких лигах от города, он получил известие о снятии осады. Прибыв во дворец своего отца, он застал своего брата Фредерика за столом, развлекающим французских офицеров, взятых в плен предыдущей ночью.

Брауншвейгская академия была построена по новому образцу, а план обучения усовершенствован благодаря вниманию и покровительству наследственного принца. В

настоящее время в эту академию приезжают студенты из многих частей Германии; и, как правило, есть несколько молодых джентльменов из Великобритании, которых отправляют сюда получать образование.

Те из них, которые предназначены для военной жизни, ни в одном другом месте континента не найдут такого количества преимуществ, как в академии Брауншвейга. Они будут здесь под защитой семьи, равнодушной к британской нации; —каждой отрасли науки обучают люди известных способностей;—молодые студенты будут регулярно нести гарнизонную службу и могут, в интересах принца, получить свободу присутствовать на смотрах прусских войск в Магдебурге и Берлине; -У них будет мало соблазнов расточительства в городе, где они не увидят примеров расточительности, — будет мало возможностей для распутства и ни малейшего проявления грубого разврата.

Недавно я провел день в Вольфенбаттеле, который также является укрепленным городом, древней резиденцией этой семьи.— Здешняя публичная библиотека считается одной из самых полных в Германии и содержит множество любопытных рукописей. Они показали нам несколько писем Лютера и другие оригинальные произведения, написанные рукой этого реформатора.

Пообедав с полковником Ридеселем, который командует кавалерийским полком в этом городе, я вернулся через Сальцдален. Это единственный дворец, который я когда-либо видел, построенный почти полностью из дерева. Тем не менее, в нем есть несколько великолепных апартаментов и большая галерея картин, некоторые из которых ценители считают превосходными. Я не стану вторгаться в компетенцию этих джентльменов, осмеливаясь высказать свое мнение о достоинствах или недостатках картин, хотя я часто слышал, как такие же невежды, как я, самым догматичным образом высказывались об интересном предмете живописи. Термины "Контур", "Поза", "Отбрасывание драпировок", "Зарядка", "Костюм", "Страсть", "Манера", "Группа", "Вне линии", "Кьяро Скуро", "Гармония" и "Покой" слетали с их уст с такой словоохотливостью, что вызывали восхищение всех тех, кто не мог обнаружить, что в свободном использовании этих терминов заключались вкус и познания этих джентльменов в изящных искусствах.

Сознавая свое невежество в тайнах искусства знатока, я ничего не говорю о картинах и позволяю себе лишь высказать свое мнение, что галерея, в которой они находятся, представляет собой очень благородное помещение, имеющее двести футов в длину, пятьдесят в ширину и сорок в высоту.

В этом дворце есть также шкаф с китайским фарфором, содержащий, как нам сказали, семь или восемь тысяч предметов; а в другом шкафу поменьше нам показали коллекцию грубых тарелок, ценных только потому, что они были расписаны по рисункам Рафаэля.

Местность вокруг Брансуика приятная. Мне было особенно приятно увидеть места для джентльменов недалеко от этого города; зрелище, очень редкое в Германии, где, если избегать городов и дворов, можно путешествовать по большой территории, не замечая домов для людей любого ранга, отличных от принца или крестьянина.

Я очень приятно провел вчерашний день в четырнадцати милях от Брауншвейга, в доме мистера де Вестфалена. Этот джентльмен служил герцогу Фердинанду во время последней войны в качестве его личного секретаря; должность, которую он исполнял полностью к удовлетворению этого принца, чью дружбу и доверие он до сих пор сохраняет.

Г-н де Вестфален написал историю тех достопамятных кампаний, в которых его покровитель командовал союзной армией и сводил на нет все усилия Франции в Вестфалии. Хотя эта работа была закончена давным-давно, публикация до сих пор откладывалась по политическим причинам. Однако она должна появиться в будущем и, как говорят, является виртуозным исполнением. В самом деле, естественно было бы предположить это из-за замечательной остроты и проницательности автора, который присутствовал при описываемых им сценах и знал тайные намерения генерала, чью помощь он, вероятно, оказал в завершении работы.

БУКВА LVIII.

Брансуик.

В последнее время у нас здесь было несколько балов-маскарадов.—Двор не ходит на них процессией, как в Касселе.—Те, кто предпочитает присутствовать, идут отдельно, когда сочтут это удобным.

В маскарадном зале для царствующей семьи есть галерея, где они иногда сидят без масок и развлекаются, глядя на танцующих. Но, как правило, они ходят в масках и легко и фамильярно вписываются в компанию.

Я не удивлен, что немцы, особенно высокопоставленные, любят маскарады, поскольку их так беспокоят церемонии и формы, а также стесняет дистанция, которую рождение создает между людьми, которые могут испытывать взаимное уважение друг к другу. Я полагаю, они рады воспользоваться любой возможностью надеть маску и домино, чтобы вкусить удовольствия от дружеской беседы и светского веселья. - В компании с Д.Х. я однажды имел честь обедать в доме генерала. Его сестра оказывала честь за столом; и когда герцог выразил свое удивление по поводу того, что он никогда не видел ее при дворе, ему сказали, что она никак не может там появиться, потому что не благородна. Эту даму, однако, навестили дома Государь и все знатные семьи, и все они сожалели, что установившийся в их стране обычай лишил двор человека, репутацию которого они так высоко ценили.

Звание генерала в армии было достаточным паспортом для него, но не принесло никакой пользы его сестре; поскольку этот этикет очень строго соблюдается по отношению к уроженцам Германии, хотя он значительно смягчен по отношению к иностранцам, особенно к англичанам, которые, по их мнению, меньше уважают происхождение и титул, чем любая другая нация.

Всякого рода общественные развлечения на некоторое время прекратились, и Двор в настоящее время очень разрежен.—Герцог Фердинанд проживает за городом. Наследственный принц несколько дней назад отправился в Хальберштадт, где пробудет по меньшей мере месяц,

чтобы подготовить гарнизон, и в частности свой собственный полк, к торжественным смотрам, которые вскоре состоятся. Усердие в исполнении служебных обязанностей и применение к дисциплине войск необходимы на этой службе. Без этого ни пристрастие короля к этому принцу, ни его кровное родство не смогли бы обеспечить ему благосклонность его дяди на один день, поскольку личные таланты и энергичные усилия были единственным средством приобрести и сохранить благосклонность этого уравновешенного и проницательного монарха.

Наследная принцесса покинула Брауншвейг и отправилась в Целль, где останется в отсутствие мужа со своей сестрой, королевой Дании.

Молодой принц Леопольд также покинул Двор. Он направляется прямо в Вену, и считается, что он намерен предложить свои услуги императору. Если будет оказано надлежащее поощрение, он полностью перейдет на австрийскую службу. В этом случае он, вероятно, когда начнется война, окажется в оппозиции к своим двум братьям; обстоятельство, не особо учитываемое в Германии, где братья идут на разные службы так же без колебаний, как у нас в разные полки.

Между этим молодым человеком и его сестрой, которая плакала почти без перерыва с тех пор, как он уехал, всегда была строжайшая дружба.

Его мать переносит это с большим спокойствием, но ее беспокойство легко уловимо. Независимо от отсутствия ее сына, она огорчена мыслью о том, что он пойдет на службу, где ему, возможно, придется действовать наперекор ее брату, к которому, как я нахожу, она испытывает величайшую привязанность, а также высочайшее восхищение.

Я не был удивлен, услышав, что она говорит о нем как о величайшем человеке на свете; но она восхваляет качества его сердца, в которых к ней не присоединяется мнение всего мира.—Она, однако, особо останавливается на этом, называя его достойнейшим из людей, самым верным другом и самым добрым из братьев: — и поскольку она основывает свое мнение только на собственном опыте, у нее есть все основания думать так, как она думает; ибо, судя по всему, король всегда относился к ней с большим уважением и неизменной нежностью.

Отъезд принца Леопольда возродил скорбь принцессы по поводу безвременной кончины двух ее сыновей. Один погиб в русском лагере в конце кампании 1769 года, в которой он с отличием служил добровольцем; другой был убит в перестрелке ближе к концу прошлой войны; получив пулю в горло, он скончался от раны пятнадцать дней спустя, о чем очень сожалела армия, у которой сложилось высокое представление о возрастающих заслугах этого доблестного юноши.

Утром того дня, когда он умер, он написал письмо своей матери. В этом письме он сожалеет, что его так скоро остановили на пути чести, и сетует, что он не был убит в каком-нибудь памятном действии, которое спасло бы его имя от забвения, или в достижении чего-то достойного боевого духа его семьи. Однако он выражает удовлетворение тем, что память о нем, по крайней мере, была бы дорога некоторым друзьям, и что он был уверен, что будет жить в привязанности своей матери, пока она будет существовать. Затем он выражает ей свою благодарность за всю ее заботу и нежность и заканчивает следующими выражениями, которые я перевожу так близко, как только могу вспомнить — я хотел, чтобы голландка повторила их; но однажды она произнесла их с трудом, с переполненными слезами глазами: “Мои глаза затуманиваются — я

больше ничего не вижу — счастлив, что использовал свой последний свет, чтобы выразить свой долг перед матерью”.

БУКВА LIX.

Ганновер.

Герцог Х., решивший засвидетельствовать свое почтение королеве Дании, прежде чем покинуть эту страну, решил нанести свой визит, пока наследная принцесса была со своей сестрой.

Я сопровождал его в Целль, а на следующий день встретился с графом и графиней Дин, чтобы сообщить им о прибытии Д ... и узнать, когда мы сможем иметь честь быть представленными королеве. Они оба принадлежат к семье принцессы Брауншвейгской, и пока я завтракал с ними, в комнату вошла ее королевское высочество и сообщила мне информацию, которую я хотел.

Перед ужином мы с герцогом вернулись в замок, где пробыли до позднего вечера. Между обедом и ужином состоялся музыкальный концерт, и королева, казалось, была в лучшем расположении духа, чем можно было ожидать.

Целль - маленький городок, без торговли и мануфактур; дома старые и убогого вида, однако здесь заседают высшие апелляционные суды по всем территориям Избирательной палаты Брауншвейг-Луненбурга; жители получают основные средства к существованию благодаря этому обстоятельству.

Этот город подвергся жестокому нападению французской армии в начале последней войны, а затем был разграблен в отместку за предполагаемое нарушение Клостер-Севернского мирного договора. Герцог де Ришелье располагал здесь своей штаб-квартирой, когда герцог Фердинанд вновь собрал войска, которые были разоружены и рассеяны сразу после этого съезда.

Замок представляет собой величественное здание, окруженное рвом и сильно укрепленное. Раньше это была резиденция герцогов Целльских, и недавно ее отремонтировали по приказу короля Великобритании для приема его несчастной сестры. Апартаменты просторные и удобные, а теперь красиво меблированы.

Придворные, фрейлины королевы и другие слуги имеют очень благородную внешность и сохраняют самую почтительную привязанность к своей злополучной госпоже. Те несколько дней, что мы оставались в Целле, были проведены исключительно при Дворе, где все, казалось, было устроено в стиле других небольших немецких дворов, и ничто не делало положение королевы настолько комфортным, насколько позволяли обстоятельства. Но, безусловно, ее самое большое утешение - это компания и разговоры с сестрой. Некоторая степень удовлетворения появляется на ее лице, пока принцесса остается в Целле; но в тот момент, когда она уезжает, королева, как нам сообщили, становится жертвой уныния. Принцесса прилагает все усилия, чтобы предотвратить это, и посвящает своей сестре все время, которое она может

освободить от обязанностей по отношению к своей собственной семье. В отличие от тех, кто пользуется первым же предложением для разрыва связей, которые больше не могут приносить пользы, эта гуманная принцесса проявила еще большую привязанность к своей сестре после ее несчастий, чем когда-либо, когда королева находилась в зените своего процветания.

Молодость, приятное лицо и услужливые манеры королевы умиротворили умы каждого в этой стране. Хотя она была совершенно здорова и казалась веселой, все же, убежденный, что ее веселость была наигранной и результатом больших усилий, я почувствовал меланхолию, преодолеть которую было не в моей власти все время, пока мы оставались в Целле.

Из Целля мы отправились в Ганновер и вечером в день нашего прибытия имели удовольствие послушать "Мессию" Генделя в исполнении. По этому случаю собралась лучшая компания этого места, и здесь мы познакомились со старым фельдмаршалом Споркеном и другими выдающимися людьми. Ганновер - аккуратный, процветающий и приятный город. В нем больше атмосферы английского городка, чем в любом другом, который я видел в Германии, и английские манеры и обычаи с каждым днем укрепляются среди жителей. Благотворное влияние свободы распространилось из Англии до этого места. Тирания не ощущается, а на лицах граждан появляются легкость и удовлетворение.

Этот город регулярно укрепляется, и все работы находятся в исключительно хорошем состоянии. Войска трезвы и регулярны и хорошо выполняют все необходимые части службы, хотя дисциплина здесь не такая жесткая, как в некоторых других частях Германии. Маршал Споркен, возглавляющий армию, человек гуманный; и хотя солдаты сурово наказываются за настоящие преступления по приговору военного трибунала, он не позволяет своим офицерам приказывать пороть их палками по пустякам. Каприз слишком часто сочетается с этим методом наказания, и люди жестокого нрава склонны потворствовать этой дьявольской склонности под предлогом ревности к дисциплине.

Ганноверская пехота не такая высокая, как некоторые другие немецкие войска, из-за того, что никого не берут на службу насильно, все солдаты - добровольцы; тогда как в других частях Германии князь выбирает самых крепких и рослых крестьян и обязывает их стать солдатами. Допускается, что в бою никакие войска не могут вести себя лучше, чем ганноверцы; и несомненно, что дезертирство среди них не так часто, как среди других немецких войск, что может быть объяснено только тем, что их не принуждали к службе и с ними обращались более мягко, когда они находились на ней.

В настоящее время здесь не принято уделять столько внимания хитростям упражнения, как раньше. Офицеры в целом, похоже, презирают многие мелочи, которые считаются чрезвычайно важными в некоторых других службах. Невероятно, до какой нелепой протяженности некоторые затягивают этот вопрос.

На одном параде, где присутствовал сам Государь и собралось много офицеров, я однажды видел, как тучный генерал-офицер внезапно вздрогнул, как будто увидел что-то сверхъестественное. Он немедленно заковылял к строю со всей прытью перепуганного гуся. Я не мог понять, что привело его Превосходительство в переполох, столь не соответствующий его возрасту и привычкам тела. Пока все зрители стояли на цыпочках, наблюдая за этим феноменом, он подошел к строю и в сильном гневе, который, вероятно, усилился из-за жары,

полученной во время прохождения курса, сорвал с одного из солдат шапку, которая, по-видимому, была неправильно заломлена, и поправил ее по своему усмотрению. Наладив воинскую дисциплину в этом важном вопросе, он вернулся к правой руке принца с важным видом, выразившим высочайшее самоутверждение.

Через два дня после нашего приезда сюда я шел пешком в Хернхаузен по великолепному проспекту, такому же широкому и примерно вдвое длиннее торгового центра Сент-Джеймс. Сам дом не имеет ничего экстраординарного во внешнем виде; но сады настолько прекрасны, насколько могут быть сады, спланированные в голландском вкусе и сформированные на идеально ровной земле. Оранжерея считается равной любой в Европе. Здесь находится что-то вроде сельского театра, где в хорошую погоду могут разыгрываться спектакли. Здесь есть просторный амфитеатр с зелеными сиденьями для зрителей; сцена в том же вкусе, с рядами деревьев для боковых сцен и множеством беседок и летних комнат, окруженных высокой живой изгородью, где актеры могут уединиться и переодеться.

Когда театр освещен, что всегда делается при проведении маскарадов, это должно производить очень хороший эффект. Рожи, беседки и лабиринты, кажется, превосходно продуманы для всех целей этого развлечения.

В этих садах есть несколько больших резервуаров и фонтанов, а с одной стороны - канал длиной более четверти мили. Я не видел знаменитого *jet d'eau*, поскольку водные сооружения не ремонтировались с тех пор, как я приехал в Ганновер. В целом, мы проводим здесь время очень приятно. Мы дважды обедали у барона де Лента, который руководит делами этого электората, и в его доме встречались с основными жителями. Я каждый вечер участвую в партии маршала Споркена в вист и большую часть времени провожу в обществе в его доме.

Суть в том, что, пообещав встретиться с какой-нибудь компанией в Брауншвейге к определенному дню, мы отправимся туда завтра, но договорились нанести еще один визит в Ганновер, прежде чем отправимся в Берлин. — Следовательно, мой следующий визит будет из Брауншвейга или, возможно, из этого места после нашего возвращения.

БУКВА LX.

Ганновер.

Мы пробыли неделю в Брансуике и вернулись в этот город около десяти дней назад. В настоящее время там нет никого из членов семьи, кроме герцога и герцогини и юной принцессы, их дочери.

Характер Государя при каждом дворе оказывает большое влияние на формирование вкуса и манер придворных. Это должно действовать с большей силой в маленьких судах Германии, где стороны приближены друг к другу и проводят большую часть своего времени вместе. Удовольствие, которое герцогиня Брауншвейгская получает от учебы, сделало чтение очень

модным среди придворных дам: любопытный пример этого дала мне ее Королевское высочество, когда я имел честь видеть ее в последний раз.

Дама, чьим образованием пренебрегали в юности, и которая достигла весьма зрелого возраста, не испытывая никаких неудобств из-за несчастного случая, благодаря интересам некоторых своих родственников получила место при Брауншвейгском дворе. Пробыв там недолго, она поняла, что разговоры в покоях герцогини часто касались тем, о которых она была совершенно несведуща, и что больше всего ее королевское высочество слышала тех дам, которые лучше всего были знакомы с книгами. Впервые она пожалела о пренебрежении своим собственным образованием; и хотя до сих пор она считала такого рода знания, которые черпаются из чтения, неподобающими знатной женщине, все же, поскольку это было теперь модно при дворе, она решила усердно учиться, чтобы как можно быстрее достичь совершенства.

Она упомянула об этом решении герцогине, пожелав в то же время, чтобы ее высочество одолжила ей книгу для начала. Герцогиня одобрила ее дизайн и пообещала прислать ей одну из самых полезных книг в ее библиотеке — это был словарь французского и немецкого языков. Несколько дней спустя ее высочество поинтересовалась, понравилась ли ей книга. "Бесконечно", - ответила эта прилежная леди. "Это самая восхитительная книга, которую я когда-либо видела". Все предложения короткие и понятные, а буквы очаровательно расположены рядами, как солдаты на параде; тогда как в некоторых других книгах, которые я видел, они перемешаны друг с другом в беспорядочной манере, как обычная толпа, так что смотреть на них не доставляет удовольствия и очень трудно понять, что они означают. Но я больше не удивляюсь, - добавила она, - тому удовлетворению, которое ваше королевское высочество получает от учебы.

С момента нашего возвращения в Ганновер мы дважды обедали во Дворце. Здесь есть дом с офицерами и слугами, и регулярно выставляется охрана, как в то время, когда здесь постоянно проживали выборщики. Ливреи пажей и слуг такие же, как у королевской домашней прислуги в Сент-Джеймсском соборе. Знатных гостей принимают во дворце самым пышным образом. Первое из развлечений, которое я видел, было дано для герцога Гессен-Дармштадтского, а второе - для молодого принца Георга Гессен-Дармштадтского, который прибыл сюда несколько дней назад вместе с принцем Эрнестом и принцем Чарльзом Мекленбургскими, братьями королевы Великобритании, оба они находятся на ганноверской службе.

Большую часть времени я провожу, как и раньше, у маршала Споркена. Вы можете быть уверены, что беседа здравомыслящего человека, прослужившего пятьдесят лет на службе и значительную часть этого времени занимавшего высокое положение, которая привела его к близкому знакомству с некоторыми из самых знаменитых персонажей того времени, в высшей степени интересна. Мне доставляет удовлетворение получать информацию от такого авторитетного источника о многих операциях в последней войне, общие сведения о которых часто различаются, а иногда и противоречат друг другу. Замечания Маршала разумны и откровенны, а его манера обращаться в свою веру безоговорочна. Он служил вместе с покойным маршалом Дауном в армии союзников, противостоявшей маршалу Саксену, в войне 1741 года, и у него есть много любопытных анекдотов, иллюстрирующих характеры некоторых командиров,

командовавших армиями в тот памятный период. Он очень высокого мнения о военном характере герцога Фердинанда и заявляет, что из всех генералов, под началом которых он когда-либо служил, этот принц, по его мнению, обладал лучшими талантами для управления армией. Он говорит, что, поскольку принц Фердинанд редко проводил военные советы или сообщал генералам своей армии о своих планах больше, чем им предстояло осуществить, им было трудно составить справедливое мнение о его способностях, пока они оставались в армии, находящейся непосредственно под его командованием; но что он (маршал Споркен) иногда командовал отдельной армией, что вынуждало принца быть более общительным и давало маршалу сильнейшие доказательства глубины его суждений. Превыше всего он восхищался четкостью своих письменных инструкций. - Они, по его словам, всегда сопровождались самым точным и подробным описанием местности, через которую ему предстояло пройти, с четким указанием каждой деревни, речушки, лощины, леса или холма на маршруте и добавлением самых разумных предположений относительно замыслов противника с указаниями, как действовать в различных вероятных чрезвычайных ситуациях.

В целом маршал Споркен, казалось, был убежден, что большая часть успеха союзников во время последней войны в Вестфалии была обусловлена дальновидностью, благоразумием и проницательностью их генерала. Однако одно памятное событие, на которое ссылались как на самое яркое доказательство всего этого, по его мнению, произошло не столько благодаря кому-либо из них, сколько благодаря личной доблести нескольких полков и хорошему поведению некоторых низших офицеров. Маршал добавил, что его похвалы военным способностям герцога Фердинанда проистекали не из личной привязанности, поскольку он не мог претендовать на долю в его дружбе; напротив, между ними произошло недоразумение из-за инцидента при осаде Касселя, подробности которого он пересказал, и это недоразумение носило характер, который никогда не будет устранен.

Либеральные, искренние чувства этого почтенного человека убедительны и вызывают уважение. Его уважают люди всех рангов, и к нему прислушиваются как к оракулу. В обществе, которое обычно можно было встретить у маршала, есть несколько человек почти его ровесников, которые составляли частные компании Георга Второго, когда он приезжал навестить свою родину. Память этого монарха здесь очень почитаема. Я слышал, как его современники из этого общества рассказывали о нем тысячи маленьких анекдотов, которые сразу свидетельствовали о добром расположении короля и их собственной благодарности. Из этих рассказов явствовало, что он от природы обладал очень общительным характером и, находясь в Ганновере, полностью отбросил в сторону то состояние и сдержанность, которые он сохранил в Англии, живя в той фамильярной и доверительной манере, которую принцы, так же как и крестьяне, принимают в обществе тех, кого они любят, и которые любят их.

Не только личные друзья этого монарха отзываются о нем с уважением, те же чувства преобладают среди всех слоев электората. Ничто не делает большей чести его характеру и не может быть менее двусмысленным доказательством его справедливости, чем то, что он управлял этими подданными, над которыми имел неограниченную власть, с такой же справедливостью и умеренностью, как те, чьи права охраняются законом и ревностной конституцией.

Два визита, которые я совершил в Ганновер, подтвердили благоприятное впечатление, которое у меня сложилось ранее о немецком характере. Одно из самых неприятных обстоятельств, сопутствующих путешествию, - это необходимость расставаться со знакомыми после того, как ты убедился в их ценности и приобрел некоторую степень их дружбы. Приближается сезон прусских рецензий, и мы уже попрощались с нашими друзьями и завтра утром отправляемся в обратный путь в Брауншвейг, чтобы, пробыв там несколько дней, еще успеть добраться до Потсдама.

Я не оставляю после себя ни одного ценного знакомства, которое приобрел с тех пор, как приехал в Ганновер.— Во время нашего последнего приезда сюда мы встретились с мистером Ф., сыном лорда Ф. С тех пор он всегда был в наших рядах и будет сопровождать нас в Брауншвейг и Потсдам.

БУКВА LXI.

Potsdam.

Вернувшись в Брауншвейг, мы обнаружили, что наследная принцесса прибыла из Целля несколько дней назад, оставив королеву Дании в полном здравии. Принцесса жила со своими детьми в Антонеттенрухе, вилле в нескольких милях от Брауншвейга. Она пригласила д-ра Х., мистера Ф. и меня отобедать с ней за день до того, как мы должны были отправиться в Потсдам. В то утро мне довелось очень рано прогуляться по дворцовому саду.— Там был герцог Брауншвейгский.— Он сообщил мне, что прибыл экспресс с известием о смерти королевы Дании.— За несколько дней до этого они получили сообщение о том, что она заболела гнилостной лихорадкой. Он сказал, что никто в городе или при дворе не знал об этом, кроме его собственной семьи, и просил, чтобы я не упоминал об этом принцессе, которая, как он знал, была бы сильно тронута; поскольку он намеревался послать человека после того, как ее компания уедет, который проинформировал бы ее об этом событии со всеми его обстоятельствами.

Придя, мы застали принцессу в некотором беспокойстве за свою сестру, но в то же время в восторге от отчетов, полученных ею в тот день по почте. Она показала нам свои письма.— Они содержали общее описание симптомов и выражали некоторые надежды на выздоровление королевы. Не в силах смириться с мыслью о смерти своей сестры, она придавала каждому выражению лица наиболее благоприятный смысл, и компания пошла навстречу ее пожеланиям, подтвердив интерпретацию, которую она дала. Для меня, знавшего правду, эта сцена была трогательной и болезненной.

Вечером, возвращаясь в Брауншвейг, мы встретили джентльмена, которому герцог поручил сообщить ее сестре весть о смерти королевы.— В тот же вечер мы поужинали при дворе и распрощались с этой прославленной семьей. Герцогиня передала мне письмо своему сыну,

принцу Фредерику, в Берлин, которое, по ее словам, обеспечит мне хороший прием в этой столице.

Придя в гостиницу, мы обнаружили очень многочисленную компанию, и весь дом оглашался музыкой и танцами. По всей Германии принято после заключения брака граждан устраивать свадебный пир в гостинице. Поскольку в ту ночь у нас не было особых шансов выспаться, мы, вместо того чтобы лечь спать, заказали почтовых лошадей и выехали из Брауншвейга около трех часов утра.

В тот же день мы прибыли в Магдебург. Местность на всем пути идеально ровная. Герцогство Магдебургское производит прекрасный скот и значительное количество кукурузы, а те районы, которые не заболочены и не заросли лесом, очень плодородны. Я почти не видел ограждений в этой или любой другой части Германии, за исключением тех, что окружают сады или парковые зоны принцев.

Король Пруссии имеет место в сейме империи как герцог Магдебургский. Столица, носящая то же название, что и герцогство, представляет собой очень значительный город, хорошо построенный и сильно укрепленный. Здесь есть фабрики по производству хлопчатобумажных и льняных изделий, чулок, перчаток и табака, но главные - шерстяные и шелковые.

Немецкие шерстяные ткани в целом значительно уступают английским и французским. Прусские офицеры, однако, утверждают, что темно-синее сукно, произведенное здесь и в других частях владений короля Пруссии, хотя и более грубое, изнашивается лучше и при длительной носке имеет более приличный вид, чем самое лучшее сукно, произведенное в Англии или Франции.—Таким образом, совершенно очевидно, что берлинская лазурь предпочтительнее любой другой ткани, произведенной в Германии.—Город Магдебург удачно расположен для торговли, имеет легкое сообщение с Гамбургом по Эльбе и находится на дороге между Верхней и Нижней Германией. Это также самое надежное место, принадлежащее его прусскому величеству, где расположены его основные магазины и литейные цеха. Во время войны это хранилище всего, что он считает необходимым разместить вне досягаемости внезапных оскорблений.

Места, где произошло какое-либо экстраординарное событие, даже если их не должно отличать ничто другое, интересуют меня больше, чем самая цветущая страна или прекраснейший город, в которых никогда не происходило ничего запоминающегося. Фантазия, пробужденная видом первого, мгновенно придает форму и черты мужчинам, которых мы никогда не видели. Мы слышим, как они говорят, и видим, как они действуют; страсти возбуждены, разум развлекается; дома, реки, поля вокруг восполняют отсутствие поэта и историка и с новой энергией воссоздают в сознании всю сцену.

Переправляясь через Эльбу у этого города с Д... из Х..., я напомнил ему об ужасной трагедии, разыгравшейся здесь австрийским генералом Тилли, который, взяв этот город штурмом, отдал горожан, без различия возраста или пола, на растерзание варварству и похоти своих солдат. Помимо всеобщей резни, они проявляли такие акты бессмысленной жестокости, которые позорят человеческую природу. Мы с живым сочувствием смотрели на ту часть реки, где три или четыреста жителей переправились и спаслись бегством: — все, что удалось спасти из двадцати тысяч горожан!

Эта печальная катастрофа послужила поводом для разговоров на протяжении большей части нашего сегодняшнего путешествия. Нет необходимости комментировать событие такого рода человеку с такой чувствительностью, как у Д. - Правильные размышления спонтанно возникают в хорошо сформированном уме из простого повествования.

Местность хорошо возделана и плодородна примерно на две лиги дальше Магдебурга; затем она становится еще более бесплодной, а в нескольких лигах от Бранденбурга становится такой же голой и песчаной, как пустыни Аравии.

Бранденбург, от которого весь курфюршество получило свое название, - всего лишь небольшой городок, разделенный на Старый и Новый рекой, которая отделяет форт от обоих. Основная торговля ведется некоторыми французскими производителями шерсти, которым король разрешил поселиться в этом городе. Общее число жителей составляет не более 1500 человек.

При въезде в прусские гарнизонные города вас останавливают у ворот; офицер охраны спрашивает ваше имя, откуда вы родом и куда направляетесь, и записывает ваши ответы в письменном виде. Это делается и во французских гарнизонах, но не с такой степенью формы и точности.

Когда присваивается титул герцога, гвардия обычно выходит с оружием в руках. Что касается милорда, то к этому титулу относятся без особых церемоний ни во Франции, ни в Германии. Его часто присваивают себе в зарубежных странах те, кто не имеет на него права, и вручают каждому англичанину приличной внешности. Но Герцог в Германии подразумевает Суверена и является более респектабельным, чем принц. Каждого сына герцога в этой стране называют принцем, хотя у него их было столько же, сколько у древнего царя Приама.

Вчера вечером мы прибыли в Потсдам, и, пожалуйста, обратите внимание, я воспользовался первой возможностью сообщить вам эту важную новость.

ПИСЬМО LXII.

Potsdam.

На следующий день после нашего прибытия сюда я нанес визит графу Финкенштейну и пожелал узнать, когда д-р Х. и я сможем иметь честь быть представленными королю, одновременно испросив разрешения присутствовать на смотре. Я был немало удивлен, когда этот министр сказал мне, что я должен написать письмо его величеству, проинформировав его об этой просьбе, и что я непременно получу ответ на следующий день. Казалось странным писать такому великому князю по поводу дела такой незначительной важности; но граф сказал мне, что это установленное правило. Поэтому я немедленно сделал, как от меня требовали.

На следующее утро один из придворных слуг зашел за мной в гостиницу и вручил запечатанное письмо, адресованное мне и подписанное королем, в котором говорилось, что, поскольку двор

скоро прибудет в Берлин, ожидающий там министр сообщит д-р Х. и мистеру Х., когда они могут быть представлены, и что им очень рады присутствовать на всех смотрах.

Вечером нас представили принцу и принцессе Пруссии, которые почти постоянно проживают в Потсдаме. Это высокий, крепко сложенный, красивый мужчина, около тридцати пяти лет. Принцесса происходит из семьи Гессен-Дармштадтской и имеет большое сходство со своей тетей, которую мы видели в Карлсруэ. За те несколько дней, что мы были в Потсдаме, мы дважды имели честь ужинать с ними.

Принц и все офицеры каждое утро были заняты подготовкой к смотру. Вчера король во второй раз устроил смотр семи тысячам человек. Сын принца Прусского, ребенок шести или семи лет, шел пешком со своим наставником, без сопровождения какого-либо офицера или слуги. Они смешались без каких-либо знаков различия с другими зрителями. Я поделился своим удивлением по этому поводу с репетитором. Во Франции, сказал он, было бы иначе: дофина в возрасте этого ребенка повезли бы на смотр в карете в сопровождении отряда мушкетеров; но здесь король и принц в равной степени желают, чтобы их преемник воспитывался в мужественных манерах и без какого-либо сильного впечатления собственной значимости. Настроения такого рода придут достаточно скоро, несмотря на все усилия, которые можно предпринять, чтобы исключить их.

Войска были выстроены в одну линию на вершинах нескольких холмов. Из этого положения они спускались по очень неравной и пересеченной местности, ведя огонь большими подразделениями всю дорогу, пока не вышли на равнину, где прошли различные эволюции. Но поскольку через некоторое время мы должны были отправиться в Берлин, где должен был состояться торжественный смотр этого гарнизона, я больше ничего не скажу о смотре до тех пор.

С тех пор, как мы приехали сюда, наше утро всегда проходило с войсками на поле боя. До полудня мы рассматривали все любопытное в городе. Дома построены из прекрасного белого необработанного камня, почти все новые и почти одинаковой высоты. Улицы правильные, хорошо вымощенные, и здесь есть несколько великолепных общественных зданий; так что у Потсдама есть все необходимое, чтобы стать приятным городом, если под этим словом понимать улицы, каменные стены и внешний вид. Но если к этому слову приложить более сложную идею и если предположить, что оно охватывает отделку, мебель и удобства в домах, то в таком случае Потсдам действительно очень бедный город.

Король выразил большое желание видеть, как этот город растет, и несколько состоятельных людей построили дома, отчасти для того, чтобы оказать услугу его Величеству, а отчасти потому, что, сдавая их в аренду, они обнаружили, что будут получать очень хорошие проценты за свои деньги. Но поскольку город разрастался не так быстро, как ему хотелось, его величество приказал построить сразу несколько улиц за свой счет. Это немедленно обесценило дома, и первые строители обнаружили, что распорядились своими деньгами очень неразумно.

Города обычно образуются постепенно, по мере увеличения числа жителей; и дома строятся все более крупными и удобными по мере увеличения их богатства; ибо представления людей об удобстве расширяются вместе с их богатством. Но здесь все наоборот: дома возводятся в первую очередь в надежде, что их прекрасная внешняя сторона, подобно нимфам Цирцеи, привлечет путешественников и обитателей. До сих пор их притягательная сила была невелика, ибо немногие города населены хуже, чем Потсдам, хотя дома сдаются купцам и ремесленникам за очень небольшую арендную плату.

Прогуливаясь по городу, я был немало удивлен, увидев кожаные пояса, бриджи и жилеты, развешанные сушиться в самых изысканных домах, пока мне не сообщили, что у каждой экономки в доме расквартировано по два или более солдат, и их квартиры по большей части находятся на втором этаже окнами на улицу; как мне сказали, так же обстоит дело и в Берлине. Король предпочитает, чтобы его солдаты были расквартированы вместе с горожанами, а не в казармах. Это должно быть достаточным ответом тем джентльменам-военным, которые настаивают на строительстве казарм для солдат в Британии, исходя из предположения, что без них наша армия не может быть хорошо дисциплинированной. Ибо едва ли можно было ожидать или желать, чтобы британская армия подчинялась более жесткой дисциплине, чем прусская.

Я полагаю, что прусские солдаты расквартированы в частных домах, а не в казармах, из соображений, диаметрально противоположных тем, которые производят тот же эффект в Англии. Британский парламент всегда проявлял отвращение к размещению военных в казармах и предпочитал размещать их в домах граждан, чтобы между солдатами и их согражданами могли установиться отношения и доброжелательность; и чтобы первые не считали себя отдельной группой людей, имеющих интересы, отличные от интересов остальной части общества, и чьей обязанностью является безоговорочное подчинение воле короны во все времена и при любых обстоятельствах.

Принимая во внимание, что здесь может показаться нецелесообразным размещать большие группы вооруженных людей вместе в казармах, чтобы они не образовали ночью комбинаций, разрушающих дисциплину и опасных для правительства. Этого не может произойти днем, потому что тогда присутствуют офицеры, а солдатам не разрешается даже разговаривать друг с другом, когда они при оружии; и в свободное от дежурства время они полностью заняты чисткой своего оружия, амуниции и одежды и подготовкой к следующему караулу. Я полагаю, что это может быть, по крайней мере, частью причин, побуждающих короля Пруссии предпочитать расквартировывать своих людей в частных домах; ибо во всех других отношениях размещение их вместе в казармах было бы более удобным и более приемлемым для гения его правительства.

Дворец в Потсдаме, или то, что они называют замком, - очень благородное здание, к которому примыкают великолепные сады. Я не буду утруждать вас описанием ни того, ни другого, просто мне показалось довольно необычным во дворце, что кабинет, безусловно, самое прекрасное помещение в нем. Украшения в нем сделаны из массивного серебра. Письменный стол, украшения стола и места для книг - все было выполнено с изысканным вкусом.

Человек, который сопровождал нас, спросил, нет ли у нас желания осмотреть гардероб его Величества? Получив утвердительный ответ, он провел нас в комнату, где хранятся одежды монарха; она выглядела совсем не так, как его библиотека. Весь гардероб состоял из двух синих фраков с красной отделкой, подкладка одного из которых была немного порвана; — двух желтых

жилетов, изрядно испачканных испанским нюхательным табаком; —трех пар желтых бриджей и костюма из синего бархата, расшитого серебром, для торжественных случаев.

Сначала я подумал, что этот человек раздобыл кое-что из старой одежды короля и хранил ее здесь, чтобы развлекать незнакомцев; но после расспросов меня заверили, что то, о чем я упомянул, вместе с двумя форменными костюмами, которые у него есть в Сан-Суси, составляет весь гардероб короля Пруссии. Наш сопровождающий сказал, что никогда не видел его более совершенным. Что касается бархатного костюма, то ему было около десяти лет, и он все еще обладал всей энергией молодости. Действительно, если мотыльки пощадили его так же, как это сделал его Величество, это может длиться до века Мафусаила.—В той же комнате находятся несколько штандартов, принадлежащих кавалерии. Вместо обычного квадратного флага на двух или трех из них на древке закреплены вырезанные из серебра фигуры орлов.

В спальне, где умер покойный король, в нижней части окна, выходящего в сад, были сняты четыре стекла, и их место занял кусок стекла, равный по размеру всем четырем. Нам сообщили, что высшим наслаждением его покойного Величества на протяжении всей жизни было наблюдать за тренировками своих войск, и что он сохранил эту страсть до своего последнего вздоха. Когда он был прикован к своей комнате из-за последней болезни, он обычно сидел и рассматривал их через окно, которое было обрамлено таким образом, чтобы ему было удобнее наслаждаться этими предсмертными созерцаниями. Постепенно ослабевая из-за усиливающейся болезни, он не мог сидеть, но был вынужден весь день лежать на кушетке. Когда он бывал необычайно вял, они поднимали его голову к окну, и было замечено, что вид вооруженных людей действует как сердечное средство и поднимает его настроение.—Однако из-за частого повторения даже это сердечное средство потеряло свой эффект.—Его глаза затуманились — когда он поднял голову, он больше не мог видеть солдат и скончался.

Это было чувство господствующей страсти, такое сильное в смерти, какое никогда не испытывал ни один человек.

ПИСЬМО LXIII.

Potsdam.

Я был дважды или трижды в Сан-Суси, который находится на небольшом расстоянии от Потсдама. Король постоянно живет в Старом дворце, за исключением тех случаев, когда к нему на несколько дней приезжают очень знатные люди. Затем он принимает их в Новом Дворце и сам остается там на все время их пребывания.

В галерее собрана великолепная коллекция картин, некоторые из которых - оригиналы, пользующиеся большим уважением.—Наиболее ценные принадлежат фламандской школе.—Некоторые люди, которые считаются знатоками, и, насколько я знаю, могут быть теми, кем они притворяются, утверждают, что у короля не совсем хороший вкус в живописи, что проявляется в том, что он покупает великое множество очень безразличных картин. Что бы там ни было в этом, несомненно, что его Величество не придает ни малейшего значения мнению этих знатоков; но покупает, любит и заявляет о своем восхищении теми произведениями, которые кажутся

превосходными в его собственных глазах, не обращая внимания на то, что могут подумать они или другие. Для него не имеет значения, что произведение написано Рафаэлем, Гвидо или Корреджо. Если он не видит в этом красоты, он так и говорит и без церемоний предпочитает работу современного или малоизвестного художника.

Это рассматривается многими критиками в живописи как богохульство, и шокирует их больше, чем любой другой вид нечестия. Художник и великий знаток, к которому король испытывал отвращение, отвергнув некоторые картины, которые он рекомендовал, и купив другие, которые он осудил, сказал (говоря о короле): "Этот человек воображает, что раз он умеет играть на немецкой флейте, и его восхваляет группа поэтов и философов, и он выиграл десять или дюжину сражений, то поэтому он понимает живопись; но сражаться в битвах - это одно, а истинное знание живописи - совсем другое, и это он найдет за свой счет".

Через несколько лет после окончания войны король Пруссии приступил к строительству нового дворца Сан-Суси, который сейчас полностью закончен и, безусловно, представляет собой очень благородную и великолепную работу. Служебные помещения находятся на значительном расстоянии и соединены с корпусом дворца двойной колоннадой, что создает очень величественный эффект. Передняя часть дворца кажется довольно многолюдной из-за большого количества статуй, которые предназначены для его украшения. Обычно они расположены группами и представляют какую-нибудь историю из Овидия. Это здание имеет купол, завершающийся большой короной, поддерживаемой тремя Грациями. Д-р Х. заметил, что три прусских гренадера были бы более подходящими. На первом этаже, в середине, находится большой зал, пол, стены и крыша которого полностью отделаны мрамором. Он называется грот, и украшения соответствуют этому названию. В этой комнате может быть уютно только в очень жаркую погоду. В Италии это было бы восхитительно. Крыша этого зала низкая и сводчатая и поддерживает другое помещение во всех отношениях тех же размеров, только выше. Это второе помещение также облицовано прекрасным мрамором. Остальные апартаменты обставлены богатой мебелью и украшены картинами, все очень эффектное. Многие люди считают их безвкусными.— Следует признать, что позолота нанесена очень искусной рукой.

Напротив старого дворца Сан-Суси, сразу за садами, лорд Марешаль построил дом, в котором он постоянно проживает. Вы хорошо знакомы с дружелюбным характером этого дворянина. Мы нанесли ему визит вскоре после нашего прибытия и с тех пор несколько раз обедали с ним. На фасаде его дома есть такая надпись:

FREDERICUS II. NOBIS HÆC OTIA FECIT.

К этому дому примыкает небольшой сад, дверь которого ведет в королевский сад Сан-Суси, так что его светлость может в полной мере наслаждаться этими садами. У короля также есть ключ от маленького сада моего господина, и он часто проходит по этому проходу, чтобы навестить его.

Завтра мы отправляемся в Берлин. Adieu.

ПИСЬМО LXIV.

Berlin.

Мы прибыли сюда в разгар подготовки к смотру. На улицах не было видно ничего, кроме марширующих солдат и спешащих взад-вперед офицеров. Город был больше похож на расквартирование великой армии, чем на столицу королевства во времена глубокого мира. Сам двор напоминал дамбу генерала на поле боя — за исключением министров иностранных дел и нескольких незнакомцев, все присутствующие мужчины (поскольку женщин не было) были одеты в военную форму.

Мистер Харрис, британский посланник, присутствовал на вечере в Г. Х. в тот день, когда мы были представлены королю. Одновременно были представлены сын принца Кауница и несколько других незнакомцев. Граф Реуз, придворный камергер, по мере приближения называл каждого человека его величеству. Он довольно долго беседовал с ди ... и сказал несколько слов каждому, кто был представлен.—Его лицо и манеры чрезвычайно оживлены.—Казалось, в тот день он был в очень приподнятом настроении и разговаривал со всеми своими офицерами непринужденно и с какой-то веселой приветливостью. Со своей стороны, они предстают перед своим хозяином с прямой военной отвагой, свободные от того раболепного обращения, которое преобладает при многих Дворах, но не имело бы успеха здесь.

Король был в Берлине за три дня до начала смотров и каждое утро проводил несколько часов в парке, где ежедневно собиралось четыре или пять тысяч человек, но не для упражнений, а просто для того, чтобы король мог изучить состояние каждого корпуса в отдельности: и невероятно, с какой точностью и пристальным вниманием он изучал их, а полковник находящегося под пристальным вниманием полка шел рядом с ним, чтобы ответить на любой вопрос и услышать его указания и замечания. Благодаря такой точности он знает не только состояние армии в целом, но и внешний вид, степень дисциплины и численность каждого полка.

Общая рассмотренная численность составляла около тридцати шести или тридцати восьми тысяч человек, состоящих из гарнизона Берлина и войск из некоторых прилегающих городов и деревень. Эта армия выступала в поле три утра подряд, и каждый день операции были разными. Я постараюсь дать вам представление о плане вчерашнего обзора, который наиболее свеж в моей памяти.

На рассвете около восьми тысяч человек выступили из Берлина под командованием генерала и овладели деревней, расположенной на возвышенности, на расстоянии двух или трех миль. Примерно через час сам король присоединился к армии, которая была собрана у ворот. Он разделил ее на три колонны. Двумя из них командовали два генерала; третью он возглавил сам. Все они двинулись тремя разными маршрутами к деревне, где теперь занял пост бывший отряд. В атаке и обороне этой деревни заключался смотр.

По мере продвижения армии по ним велся артиллерийский обстрел из деревни, но нельзя было предположить, что они сильно пострадали, потому что командир каждой колонны продвигался с осторожностью, делая такие обходы, чтобы люди почти не подвергались опасности.

Наконец три колонны встретились на большой равнине недалеко от деревни, но защищенные от батарей возвышением. Здесь король построил армию в две линии. Пока это делалось, они были в полной безопасности; но они не могли продвинуться к деревне иначе, как перебравшись через возвышенность и оказавшись под обстрелом всех орудий противника. Следовательно, это должно было быть выполнено с такой быстротой, какая могла быть совместима с хорошим порядком. Правое крыло армии перешло в атаку. Как только был подан сигнал, все барабаны и флейты заиграли одновременно. Солдаты быстрым шагом двинулись вперед. Многочисленный эшелон больших полевых орудий, расставленных через надлежащие промежутки времени, продвигался с одинаковой скоростью и держался на одной линии с первой шеренгой. Быстрота, с которой они заряжались и разряжались по мере продвижения, была совершенно поразительной. Когда шеренга подошла на достаточное расстояние к деревне, солдаты начали стрелять из ружей. Тем временем из деревни раздалась яростная канонада и залпы мелкой дробы. Король находился между линией наступления и деревней во время атаки. Когда они подошли совсем близко к изгородям, из деревни открыла огонь новая батарея. Король подал сигнал, и первая шеренга прорвалась, впадала в искусственное замешательство и отступила ко второй шеренге, которая разомкнулась в нескольких местах и снова сомкнулась в тот момент, когда отступающая шеренга прорвалась. Затем вторая линия перешла в атаку, как и первая. Это тоже, казалось, было отбито — прозвучал сигнал к отступлению, и все крыло начало отходить. Затем из деревни появился отряд кавалерии и двинулся в атаку на отступающую армию, но сам был атакован и отброшен назад кавалерией правого крыла.

Отряд гусар преследовал их также из деревни и преследовал отступающую армию. Иногда они были отбиты солдатами, которые поворачивались и стреляли по ним, а иногда отдельными отрядами кавалерии, которые оттесняли их.

Эти различные операции продолжались с пяти утра до полудня, когда войска вернулись в Берлин.— Вряд ли какие-либо мои слова могут передать адекватное представление о совершенной манере, в которой были выполнены эти эволюции. Атаки кавалерии были высоко оценены самим королем. Я никогда не видел такого большого отряда вместе и понятия не имел, что можно атаковать на полном скаку, сохраняя строй и дистанцию так точно, как они это делали.

Исходя из принципа, что скорость равна весу, они пытаются компенсировать легкость лошадей быстротой их движения. Гусар в прусской армии учат не только преследовать отступающую армию отдельными отрядами, но и атаковать большими силами, как тяжелая кавалерия. Покойный генерал Зайдлиц, имевший репутацию лучшего офицера кавалерии в Европе, довел прусских драгун до замечательной степени совершенства, и говорят, что он выиграл битву при Росбахе одной стремительной атакой. С тех пор король Пруссии уделяет большое внимание своей кавалерии. Теперь они привыкли атаковать большими отрядами и на полной скорости.

Кирасиры - цвет прусской армии. Они одеты в куртки из буйволиной кожи и носят очень тяжелые железные нагрудники, которые закрывают всю переднюю часть тела, и были опробованы мушкетным выстрелом, прежде чем их передали солдатам.

Я забыл упомянуть, что пехоте было приказано кричать, когда она продвигалась в атаку на деревню, и что эта практика принята пруссаками на действительной службе. Король, как мне сообщили, придерживается мнения, что это поддерживает дух людей и мешает им задуматься об опасности своего положения. В прусской армии больше барабанщиков, чем в большинстве других: устав, по всей вероятности, основан на том же принципе.

Вечером после рецензий во дворце принца Генриха состоялся концерт и ужин. Присутствовали королева и братья короля, сам Генрих и Фердинанд со своими принцессами; также принц и принцесса Пруссии, принц Фредерик Брауншвейгский и его принцесса, и многочисленная компания. Здесь я передал принцу Фридриху письмо, которое привез от его матери, которая, как я узнал, раньше уведомила его о моем намерении поехать в Берлин.

Сам король не присутствовал. Он редко появляется на празднествах. Все свои часы, не занятые бизнесом, он проводит за чтением или в обществе нескольких людей, которых он уважает. Наследственный принц Брауншвейгский в настоящее время является самым постоянным спутником короля, и этот выбор делает честь принцу не больше, чем проницательности короля.

Дворец принца Генриха - одно из самых великолепных зданий Берлина. Ни один подданный короля Пруссии не живет более роскошно, чем этот принц, который содержит многочисленную прислугу, в основном красивых молодых людей, очень богато одетых. Представление по этому случаю было на редкость великолепным.

БУКВА LXV.

Berlin.

На следующий день после смотра король в сопровождении своего племянника, принца Прусского, и наследного принца Брауншвейгского отправился в Магдебург, где раскинулся лагерь численностью 15 000 человек. После этого он отправится в Силезию и свои новоприобретенные владения в Польше, и его не ждут в Потсдаме по крайней мере в течение шести недель.

Его Величество совершает один и тот же круг дважды в год.— Несомненно, ни один король в Европе не может обладать таким глубоким знанием своих владений и подданных, как этот монарх.— Его отсутствие в Берлине лишь незначительно облегчило выполнение обязанностей и ничуть не повлияло на дисциплину в войсках. Едва закончились смотры, как начались полевые сборы. В парке почти каждое утро тренируются 1500 или 2000 военнослужащих этого гарнизона, не считая тех, кто выступает на параде в качестве рядовых гвардейцев.

Обзор, подобный тому, который я попытался описать, несомненно, является одним из лучших представлений, которые могут быть представлены: но когда чувствительный зритель задумается о средствах, с помощью которых эти бедняги были доведены до такой замечательной степени точности, он заплатит суровую цену за это великолепное представление.— Прусская дисциплина на общий взгляд прекрасна; в деталях она шокирует.

Когда молодого крестьянина приводят в полк, поначалу с ним обращаются довольно мягко; его только на словах учат ходить, высоко держать голову и носить огнестрельное ружье, и его не наказывают, хотя он и не преуспевает в своих первых попытках: —они позволяют его природной застенчивости и робости постепенно проходить: — они, кажется, остерегаются сбивать его с толку в самом начале или доводить до отчаяния и следят за тем, чтобы не обрушить все ужасы своей дисциплины на его изумленные чувства сразу. Когда он немного освоится со своим новым состоянием, его обучают владению огнестрельным оружием, сначала в одиночку, а затем с двумя или тремя своими товарищами. Это не поручается капралу или сержанту; это обязанность младшего офицера. В парке в Берлине каждое утро можно видеть, как лейтенанты разных полков упражняются с величайшим усердием, иногда поодиночке, иногда втроем или вчетвером; и теперь, если молодой рекрут проявляет небрежность или небрежность, его внимание привлекает офицерская трость, которой он орудует со все возрастающей энергией, пока не овладеет в полной мере своим огнестрельным оружием.—Его учат устойчивости под мышками, и неподвижности статуи; —ему сообщают, что все его члены должны двигаться только по команде, а не по собственному желанию; —что говорить, кашлять, чихать - все это непростительные преступления; и когда бедный юноша, по их мнению, доведен до конца, они дают ему понять, что теперь прекрасно известно, на что он способен, и поэтому малейший недостаток будет строго наказан. И хотя он должен посвящать каждую минуту своего времени и все свое внимание чистке оружия, уходу за одеждой и физическим упражнениям, для него едва ли возможно избежать наказания; и если его капитан окажется капризного или жестокого нрава, злополучный солдат теряет ничтожный шанс на такую возможность.

Что касается офицеров, то они действительно не подвергаются телесным наказаниям, но обязаны проявлять такое же неослабное внимание при исполнении служебных обязанностей, как и солдаты. Младшие офицеры почти постоянно несут караул или тренируют новобранцев: капитан знает, что его обвинит полковник, и не может рассчитывать на повышение, если его рота не будет такой же совершенной, как другие; полковник полностью теряет расположение короля, если его полк потерпит неудачу в чем-либо конкретном; генерал несет ответственность за дисциплину в бригаде или гарнизоне, находящихся под его непосредственным командованием. Король не будет удовлетворен отчетом генерала по этому вопросу, но должен сам все изучить, чтобы каждый человек, от его Величества до рядового сентинеля, был начеку. И поскольку король, который является главной пружиной и *primum mobile* всего, никогда не расслабляется, способности каждого подчиненного находятся в постоянном напряжении: следствием чего является то, что прусская армия является самой дисциплинированной и готовой к службе по малейшему сигналу из всех, что есть сейчас в мире, или, возможно, когда-либо существовавших в нем. Другие монархи пытались довести дисциплину до такой же степени совершенства и приступили к осуществлению этого плана с поразительным рвением. Но немного времени и новые объекты притупили их остроту и разделили их внимание. Затем они передали исполнение приговора главнокомандующему, он - другому лицу более низкого ранга, и, таким образом, однажды наступившая определенная степень расслабления вскоре распространилась на всю систему; но упорство короля Пруссии не имеет примера и, возможно, является самой замечательной чертой его экстраординарного характера.

Такого напряжения, на которое способен человек с сильным умом по какому-нибудь очень важному поводу, король Пруссии добивался в течение тридцати лет подряд, не позволяя удовольствиям, лени, отвращению или разочарованию ни на один день нарушить его план.— И он обязал каждого человека через различные департаменты своего правительства прилагать,

насколько позволяли их характер и силы, такие же усилия.— Я предоставляю вам самим судить, каким образом следует обслуживать такого человека и на что он способен.

ПИСЬМО LXVI.

Berlin.

Ни одно состояние в жизни не может быть более активным и в то же время менее разнообразным, чем состояние прусского офицера в мирное время. Он постоянно занят одним и тем же занятием и постоянно находится в одном и том же месте. Здесь нет ротации войск, как на британской службе. Полки, которые по окончании войны были размещены в Берлине, Магдебурге, Швейднице и других гарнизонах, остаются там до сих пор. Есть опасения, что если бы их время от времени переводили из одного гарнизона в другой, находящиеся на службе иностранцы, которые чрезвычайно склонны к дезертирству, могли бы тогда найти возможности, которых, согласно настоящему плану, у них нет: ибо, как бы ни стремился прусский солдат дезертировать, это почти невозможно. В тот момент, когда человек пропадает без вести, раздается определенное количество пушечных залпов, которые объявляют о дезертирстве по всей стране. Крестьяне получают значительное вознаграждение за поимку дезертира и подлежат суровому наказанию, если они укрывают его или помогают ему совершить побег, и отряды из гарнизонов отправляются за ним во все стороны.

Поскольку никому из солдат никогда не разрешается выходить за стены города, требуется большая осмотрительность, чтобы преодолеть это первое препятствие; и когда им до сих пор везло, остается много шансов против их побега через прусские владения; и даже когда они благополучно прибывают в любое из соседних государств,

Nunc eadem fortuna viros tot casibus actos

Неправомерность.

Ибо там им, вероятно, придется снова записываться в солдаты; так что в целом, какими бы несчастными они ни были, абсурдно пытаться дезертировать каким-либо иным способом, кроме самоубийства, каковой метод, как мне сказали, начинает преобладать.

Вследствие того, что они постоянно находятся в одном и том же месте, беседуют всегда с одними и теми же людьми и одинаково заняты одним и тем же делом, прусские офицеры приобретают степенный, серьезный вид, чрезвычайно отличающийся от веселого, рассеянного вида британских или французских офицеров. Их единственным развлечением или отдыхом от обязанностей их профессии, по-видимому, является хождение на параде и беседа друг с другом. Низшие офицеры, таким образом, лишены возможности вращаться в обществе в целом и не имеющие времени для учебы, не могут иметь очень широкого круга идей. Их знания, следует признать, в значительной степени ограничены той областью тактики, в которой они так много используют; и многие из них, в конце концов, похоже, думают, что стоять твердо, маршировать прямо, поворачиваться направо и налево, заряжать и разряжать огнестрельное

оружие - если не единственное назначение человеческих существ, то, по крайней мере, главная цель их создания.

Король, как мне сообщили, не склонен к тому, чтобы они руководствовались более широким кругозором, который, возможно, заставил бы их презирать повседневную работу по муштрованию солдат, пересчету пуговиц на их мундирах и проверке состояния их гетр и бриджей. Ибо, как только человеческий разум станет выше их бизнеса, бизнес не будет выполняться так хорошо. Некоторое применение в других исследованиях и возможности смешаться с более широким обществом могли бы сделать их более приятными людьми, но не лучшими капитанами, лейтенантами и адъютантами.

Его Величество воображает, что он всегда найдет достаточное количество людей с более либеральным складом ума и более широкими представлениями для офицеров, пользующихся большим доверием, и отдельных командований, где генерал должен действовать в соответствии с чрезвычайными ситуациями и исходя из собственного понимания. Он также верит, что эта общая система не лишит его преимущества частных исключений и не помешает выделиться гению, когда он присутствует в самых скромных сферах его служения. Поэтому так же часто, как он наблюдает за проявлениями подобного рода; когда какой-либо офицер или даже солдат обнаруживает незаурядные таланты или обширные способности, он обязательно будет выдвинут и поставлен в ситуацию, когда его способности могут проявиться в полную силу; в то время как те должны стоять на месте или продвигаться по очень медленной ступени, у кого нет других достоинств, от которых можно было бы зависеть при продвижении по службе, кроме одного усердия, которое на прусской службе никогда не может привести к этому званию в армии, где требуются другие качества.

Что касается простых людей, то ведущая идея прусской дисциплины состоит в том, чтобы свести их во многих отношениях к природе машин; что у них может не быть собственной воли, а приводиться в действие исключительно волей своих офицеров; что они могут испытывать такой невероятный страх перед этими офицерами, что уничтожает всякий страх перед врагом; и что они могут двигаться вперед по приказу, не рассуждая глубже и не заботясь о ружьях, которые они носят с собой.

Учитывая, до какой степени распространена эта система, хотелось бы, чтобы ее можно было распространить еще дальше и чтобы эти несчастные люди, сохранив способность слышать и повиноваться приказам, были лишены всех других чувств.

Обычное состояние рабства в Азии или то, которому подвержены люди гражданских профессий в самых деспотических странах, является свободой по сравнению с этим видом военного рабства. Первые не находятся постоянно под присмотром своих тиранов, но в течение длительных промежутков времени могут наслаждаться жизнью без ограничений и так, как диктуют их вкусы; но все иностранные солдаты, находящиеся на этой службе, и те из туземцев, которых подозревают в каком-либо намерении дезертировать и, следовательно, никогда не допускают отпусков, всегда находятся под присмотром кого-то, кто обладает властью и слишком часто склонностью контролировать каждое действие их тел и каждое желание их сердец.

Поскольку такое количество людей по всей Европе обречено на это состояние принуждения, весьма прискорбно, что, исходя из характера службы, судьба должна пасть на полезных, трудолюбивых крестьян, которые, будучи неподконтрольными жестокой и абсурдной политике, проводят свои дни в веселье, вкушая все настоящие удовольствия без тошноты от пресыщения или угрызений совести, и, возможно, из всего человечества получают наибольшее удовольствие от жизни. Общая сумма счастья, разрушенного путем перевода людей из этой ситуации в состояние страдания, должна быть бесконечно больше, чем если бы многие из бесполезных, богатых и роскошествующих могли быть переведены в такое же состояние. Это не было бы уничтожающим счастьем, а лишь изменило бы представление о несчастных. Таких новобранцев будут беспокоить только чужие капризы, а не их собственные; — изводить физическими упражнениями, вместо того чтобы их мучили раздражительность и отвращение; — оставлять в покое из—за беговой дорожки, вместо того чтобы свалить с ног из-за подагры; - и, наконец, сбивать с ног пушечным ядром, вместо того чтобы быть убитыми апоплексическим ударом или перееданием.

ПИСЬМО LXVII.

Berlin.

Вместо того, чтобы беспокоить вас еще какими-либо моими собственными наблюдениями о природе прусской дисциплины или принципах, на которых она основана, я изложу вам суть некоторых бесед, которые у меня были на эту тему с прусским офицером с хорошей репутацией.

Прогуливаясь однажды утром по парку, мы увидели беднягу, которого ловко избили тростью, ни по какой другой причине, кроме как за то, что он не вставил таранную палку в свое ружье с такой же быстротой, как остальные члены взвода. Я с негодованием отвернулся от зрелища, которое наблюдавший офицер сказал: "Вы считаете наказание слишком суровым за преступление?" — Здесь не было никакого преступления, - сказал я. прут случайно выскользнул у него из пальцев, и невозможно представить, что у этого человека было какое-либо намерение выполнить это важное движение менее быстро, чем у его товарищей. Солдат должен рассматривать каждую вещь как важную, ответил мой прусский знакомый, и его офицер приказывает ему это делать. По всей вероятности, ошибка была непреднамеренной; но не всегда возможно отличить непреднамеренные ошибки от тех, которые происходят по неосторожности. Чтобы ни один человек не надеялся, что его небрежность будет прощена как непреднамеренная, все грубые ошибки наказываются, по какой бы причине они ни произошли; следствием чего является то, что каждый человек становится более внимательным и бдительным, чем он был бы в противном случае. - Я помню, - добавил он, - что в дни боевых действий у драгун было обычным делом срывать шляпы. Никто не заподозрил, что они подкупили ветер, чтобы тот сыграл эту шутку; тем не менее, генерал, выведенный из себя частотой несчастных случаев, отдал приказ наказывать каждого, с кем это должно было случиться; и с тех пор, как этот приказ был введен в действие, шляпы сдувало гораздо реже.

Затем я упомянул факт, который показался мне еще более необычным. На последнем смотре гусар упал с лошади на полном скаку и был так сильно ушиблен, что его сочли необходимым

отнести в госпиталь; и меня заверили, что, как только этот человек полностью поправится, он непременно будет наказан за падение. Теперь, продолжал я, хотя человек может быть немного небрежен со своей шляпой, невозможно представить, что этот гусар всерьез не был склонен оставаться на своем месте; ибо, упав, он мог сломать шею или быть раздавленным насмерть; или, даже если вы решите предположить, что он ехал не со всем должным вниманием, все же, поскольку он получил одно суровое наказание за падение, было бы жестоко нанести ему другое. - Мне нечего возразить против основательности ваших аргументов, - ответил пруссак, - но этот генерал Зайдлиц, который был лучшим кавалерийским офицером в мире, первым применил эту жестокость, с тех пор, несомненно, солдаты падали не так часто. Король воображает, продолжал пруссак, что дисциплина - это душа армии; что люди разных наций Европы по тем качествам, которые считаются необходимыми для солдата, почти равны; что в двух армиях равной численности степень дисциплины будет определять, насколько одна превосходит другую. Следовательно, его великая цель - поддерживать свою армию на максимально возможной степени совершенства в этом важном вопросе. Если бы этого можно было добиться мягкими средствами, несомненно, он предпочел бы их.—Он от природы не отличается жестокостью.—Его общее поведение с офицерами высокого ранга доказывает это.—Считая, что надежды на продвижение по службе и чувство чести являются достаточными мотивами, побуждающими их выполнять свой долг, он никогда не прибегал, за исключением случаев предательства, к более суровому наказанию, чем увольнение их. В некоторых замечательных случаях он проявлял больше мягкости, чем обычно на любой другой службе. Некоторые из его генералов позволили захватить врасплох города величайшей важности; другие потеряли целые армии; и все же он никогда не поддавался влиянию народного возмущения или плачевного состояния своих собственных дел вследствие этих потерь, чтобы предать смерти кого-либо из несчастных генералов. И когда кто-либо из них был отстранен от должности на определенный срок или объявлен по постановлению военного трибунала неспособным командовать подчиненными ему военными, он никогда не усугублял приговор каким-либо порочащим комментарием, а скорее смягчал его каким-либо пунктом или сообщением, которое щадило честь осужденного генерала.

Простых солдат нельзя заставить выполнять свой долг мягким обращением. Суровые и немедленные телесные наказания признаны абсолютно необходимыми.— Не использовать его вообще или использовать в степени, неспособной произвести полный эффект, было бы слабостью. Солдат иногда наказывают за промахи, которые, возможно, все их внимание не в состоянии предотвратить; потому что, хотя и невозможно установить, что какой-либо конкретный человек мог бы их избежать, все же опыт учит, что, наказывая за каждую грубую ошибку, в целом совершается меньше ошибок. Это в достаточной степени оправдывает практику того, что вы называете жестокостью, но что на самом деле является благотворной дисциплиной; ибо несправедливо страдающий человек не является таким большим злом в армии, как допущение безнаказанности за халатность. Позволить десяти виновным скрыться, а не подвергать риску наказание одного невинного человека, может быть хорошей максимой в морали или в гражданском управлении, но в военной дисциплине предпочтительнее обратное.

Когда пруссак закончил свою речь, я сказал: " Вы, кажется, пренебрегаете всеми теми побуждениями, которые, как предполагается, влияют на умы солдат; любовь к славе, любовь к родине вы не принимаете во внимание". Вы не обращаетесь ни к какой страсти, кроме одной.— Страх - это единственный инструмент, с помощью которого вы заставляете своих простых

людей совершать бесстрашные поступки.— Не обращайтесь внимания на инструмент, - ответил пруссак, - но смотрите на эффект.

Я убежден, - ответил я, - что британские солдаты с той степенью дисциплины, которая существует в нашей армии, которая далеко не так строга, как ваша, воодушевленные своим врожденным мужеством и интересом, который даже простые люди проявляют ко всем распрямам своей страны, по крайней мере равны любым другим войскам.

Я надеюсь, сказал он, что эксперимент будет проведен не скоро, ибо я уважаю вашу нацию и был бы огорчен, увидев, что ваши войска противостоят нашим на поле боя; но пока это не произойдет, вы не можете быть уверены в справедливости вашего утверждения. Преимущества, которые вы получили над французами в последней войне, скорее подтверждают мой аргумент, потому что французская армия более небрежна в вопросах дисциплины, чем ваша.

Затем я вернулся на свою старую почву, к жестокости непрерывного преследования и мучения людей; и утверждал, что преимущества, проистекающие из такой чрезмерной суровости, даже если они и должны быть такими большими, как он представлял, не могут служить достаточной причиной для того, чтобы сделать жизнь стольких людей несчастной.

Я не знаю, что они несчастны, ответил он, — Когда людей почти не кормят, заставляют выполнять очень тяжелую работу, когда они уверены, что их сурово накажут за малейшие провинности, а иногда даже за их несчастья, можете ли вы сомневаться, сказал я, что эти люди несчастны?— Они не кажутся несчастными, - ответил он, - они переносят это очень хорошо. - И разве вы, - добавил я, - испытывали бы меньше угрызений совести, мучая людей, потому что у них достаточно силы духа, чтобы переносить это хорошо?

Затем я рассказал ему историю, которую слышал об английском моряке, которого судили за ограбление, совершенное им на большой дороге. Произнося приговор, он поднес ко рту самокрутку табака и держал ее между зубами, пока не услышал вынесенный ему смертный приговор. Затем он откусил кусочек табака и начал жевать его с большим безразличием. - Сэр, - сказал судья, задетый безразличием этого человека, - знаете ли вы, что через очень короткое время вас повесят?— Я слышал, - сказал моряк, выплевывая изо рта немного табачного сока.— Знаете ли вы, - возразил судья, - куда вы отправитесь, когда умрете?— Право, я не могу сказать, с позволения вашей чести, - сказал моряк.— Но тогда, - воскликнул судья зычным голосом, - я скажу вам: Ты отправишься в ад, негодяй, и будешь там вечно гореть.— Если и придется, - ответил моряк совершенно спокойно, - то, надеюсь, милорд, я смогу это вынести.

ПИСЬМО LXVIII.

Berlin.

Берлин, безусловно, является одним из красивейших городов Европы. Улицы здесь построены очень правильно и отличаются достаточной шириной. В новом городе они совершенно прямые.

Фредерик-стрит имеет в длину две с половиной английские мили, или французскую лигу. Другие, которые отходят от него под прямым углом, имеют длину в милю или полторы.

Некоторые люди утверждают, что Берлин занимает такую же территорию, как и Париж. Это не французы, как вы легко поверите; я тоже не придерживаюсь такого мнения, но он определенно гораздо ближе к Парижу по размерам, чем по количеству жителей; Берлин, несомненно, более чем вдвое меньше Парижа, но я убежден, что в нем проживает не более пятой части жителей.

В этом городе есть несколько великолепных зданий. Остальные - аккуратные домики, построенные из прекрасного белого необработанного камня, обычно высотой в один, максимум в два этажа. Здесь, как и в Потсдаме, внутренняя отделка не соответствует элегантности внешней, и солдаты расквартированы на первом этаже в комнатах, выходящих окнами на улицу. Главными зданиями являются королевский дворец и дворец принца Генриха. Оба они очень великолепны. Арсенал, представляющий собой благородное сооружение, построен в форме квадрата. Нам сообщили, что в настоящее время в нем содержится оружие на 200 000 человек. Я убежден, что это не преувеличение.

Новая Римско-католическая церковь на сегодняшний день является самым элегантным местом поклонения в городе. Король разрешает свободное исповедание любой религии во всех своих владениях. Он считает малейшее вмешательство в совесть людей крайне несправедливым. У него даже хватает деликатности не влиять на них своим примером, и он не оскорбляет религию, отдавая предпочтение какой-либо одной конкретной.

На фасаде оперного театра, который представляет собой очень красивое сооружение, есть такая надпись:

FREDERICUS REX, APOLLINI ET MUSIS.

После наблюдения за надписями и орнаментами дворцов и других общественных зданий, новым методом украшения церквей, количеством Меркуриев, Аполлонов, Минерв и Купидонов, которых можно встретить в этой стране, у постороннего человека могло возникнуть подозрение, что христианская религия была изгнана из прусских владений, а старый Юпитер и его семья восстановили свои древние почести.

На новом мосту через Шпрее установлена конная статуя Вильгельма, Великого курфюрста. Это высоко ценится как произведение тонкой работы.—В углу одной из площадей установлена статуя маршала Шверина. Он изображен держащим знамя прапорщика, с которым он участвовал в знаменитой битве при Праге. Видя, что его войска вот-вот отступят, он выхватил это из рук офицера, в чьи обязанности входило нести его, и двинулся навстречу врагу, выкрикивая: "Пусть все, кроме трусов, следуют за мной". Войска, пристыженные тем, что бросили своего генерала, снова пошли в атаку и изменили ход событий.—Но храбрый старый маршал был убит на восемьдесят четвертом году жизни.—Вам не кажется, что такая смерть с лихвой окупала труд прожить так долго?

Вместо святых или распятий король желает, чтобы берлинские церкви были украшены портретами людей, которые были полезны государству. Останки маршалов Шверина, Кейта, Винтерфилда и некоторых других уже помещены в великую лютеранскую церковь.

Общество, в которое могут быть допущены незнакомцы в этой столице, не отличается разнообразием или обширностью. Прусские офицеры высших рангов, чье время не полностью поглощено, в отличие от времени их подчиненных, обязанностями их профессии, живут в основном со своими семьями или друг с другом. Исключая другие причины, которые могли бы подтолкнуть их к этому, понятно, что король не одобряет их сближения с министрами иностранных дел или с незнакомцами.

Герцог Г. последовал за королем в Магдебург, чтобы посмотреть тамошние рецензии, и с тех пор совершил поездку до Лейпцига с двумя английскими джентльменами. Моя связь с ним и письмо, которое я привез от герцогини Брауншвейгской, обеспечили меня приглашениями, которые в противном случае у меня было бы мало шансов получить. Недавно я провел день на очень приятной вилле, примерно в шести милях от Берлина, принадлежащей брату короля, принцу Фердинанду. Он женат на сестре принцессы Гессен-Кассельской. Принцесса Прусская была там в то же время, и принц Фредерик Брауншвейгский со своей принцессой, которая удивительно хороша собой. Я имею честь иногда ужинать с принцем Фредериком, который постоянно живет в Берлине. К духу и жизнерадостности, присущим всей его семье, он добавляет вкус к поэзии и сочинил несколько драматических пьес на французском языке, которые были представлены в маленьком театре в его собственном доме и в частных собраниях в Берлине.—Всю последнюю неделю продолжался раунд застолий.

Принцесса Прусская устроила завтрак в саду в парке, на который была приглашена большая компания. Были танцы, которые продолжались все утро. Во всех этих случаях я не видел ничего похожего на то состояние и церемонию, в которых обвиняют немцев. Лица самого высокого ранга вели себя с величайшей непринужденностью и приветливостью с каждым присутствующим и участвовали в деревенских танцах, не соблюдая никакой формы или этикета.

Министр, граф Финкенштейн, дал великолепный обед и бал по случаю женитьбы одного из своих сыновей. Граф Реуз и некоторые другие также устраивали приемы; но главное и постоянное общество можно найти в домах министров иностранных дел, которые проживают здесь. Меня представил им всем мистер Харрис, чрезвычайный посланник его Величества, который живет здесь в стиле, делающем честь его стране и ему самому.

Мы были очень любезны также с бароном Ван Свитеном, министром Венского двора, человеком остроумным и эрудированным. Он сын знаменитого врача, работы которого так высоко ценятся во всей Европе. Есть два или три генерала, которые довольно часто бывают в домах этих министров и иногда принимают у себя незнакомых людей.—Помимо тех, кого я назвал, очень немногие из слуг короля Пруссии имеют какое-либо отношение к незнакомцам, приезжающим в Берлин. Я имел счастье познакомиться здесь с двумя очень приятными французскими джентльменами, маркизом де Лавалем, сыном герцога с таким именем, и графом де Клермоном, внуком этого монса. де Сен-Хиллер, чья рука была оторвана той же пулей, которая убила маршала Тюренна. Вы помните чувство, которое Сент—Хиллер выразил своему сыну, оплакивавшему свою рану, - чувство, доказавшее, что его великодушие было равно великодушию героя, которого он так сильно предпочитал себе.

Adieu.

БУКВА LXIX.

Berlin.

Когда мы впервые приехали сюда, королева жила в Мон-Бижу, маленьком дворце без ворот. У ее Величества дважды в неделю были праздничные дни, пока она оставалась там; но недавно она переехала в Шенхаузен, другой дворец, расположенный в двух лье от Берлина, где проводит лето. Здесь у нее выходной только раз в неделю. Принцы, знать, министры иностранных дел и незнакомые люди обычно собираются на этих мероприятиях в пять часов вечера. После того, как ее Величество обошла круг и сказала каждому несколько слов, она садится за карты. Здесь есть столик для королевы и по одному для каждой из принцесс, каждая из которых выбирает свои собственные вечеринки. Остальные члены компании на несколько минут садятся за каждый из этих карточных столов, после чего дневные дежурства заканчиваются, и они гуляют в саду или устраивают вечеринки за картами в других квартирах, как им заблагорассудится, и возвращаются в Берлин, когда начинает смеркаться. В некоторые особые вечера ее Величество приглашает на ужин значительное количество гостей, которые затем остаются до полуночи.

Двор королевы похож на другие дворы Европы, тогда как двор в Сан-Суси построен по совершенно новому плану. Там не принимают ни посторонних, ни каких-либо других лиц, за исключением тех, у кого есть настоящее дело к королю. Там его величество с утра до вечера занят своими делами и проводит часы, предназначенные им для отдыха, в обществе двух-трех литераторов и нескольких офицеров, которые ежедневно обедают с ним.— Когда у него есть дело с кем-либо из его слуг или с министрами иностранных дел, которое не может быть оформлено письмом, они посещают его в Сан-Суси и уезжают, как только это дело будет улажено.

Эти собрания в Шенхаузене - единственное установленное развлечение для знатных дам Берлина летом; но у вас есть частая возможность встречаться с придворными дамами в домах министров иностранных дел.

Французские манеры и образ мыслей, конечно, очень мало преобладают среди прусских офицеров; но дамы берлинского двора больше походят на француженок, чем дамы любого другого двора, который я видел. Мадемуазель де Хартфилд, первая фрейлина королевы, обладающая бесконечным умом, обладает всей непринужденностью и элегантностью, которые отличают дам Версальского двора.

Его Величество очень редко появляется при дворе королевы или в любом другом месте, где женщины составляют часть собрания. Когда он склонен разгибаться, его развлечения носят такой характер, в котором они не могут принимать участия. Однажды я сказал одной придворной даме, что жаль, что его Величество не любит женщин.— Учитывая его возраст, - сказала она, - мы могли бы обойтись без его любви, но тяжело, что он нас терпеть не может.

Несмотря на такой юмор короля, здешние дамы ни в коем случае не остаются без внимания мужчин в целом. Особенно у многих замужних женщин есть признанные поклонники, которые посещают их по всем поводам, приглашаются с ними на все увеселения, сидят рядом с ними за

столом и которых хозяин или хозяйка застолья заботится о том, чтобы усадить с ними за одну партию в карты. Когда леди не обеспечена прислугой такого рода, ее муж, как и она сама, обычно немного не в себе, и оба кажутся довольно неловкими, пока не будет найдена эта необходимая спутница.

Недавно с одним здешним джентльменом случилось несчастье очень серьезного характера; вместо того, чтобы выразить беспокойство о нем или его жене (поскольку он был женатым человеком), все самым нежным образом сочувствовали другой леди, между которой и этим несчастным джентльменом, как считалось, существовала самая интимная связь: они сказали, что она была одной из достойнейших женщин в мире и питала такие нежные чувства, что ее здоровью могло повредить впечатление, которое несчастье джентльмена произведет на ее душу — Будучи удивленным, что за все это время о его жене не упоминалось, я сказал, что она была одной из самых достойных женщин в мире. спросили, не пострадала ли она также в какой-то мере от несчастья, постигшего ее мужа?—Мне сказали, что она была занята другим и что все, что могло случиться с ее мужем, не имело для нее большого значения, затем я поинтересовался, не были ли они с мужем в плохих отношениях; Мне сообщили, что, напротив, они были в лучших отношениях в мире, потому что он был сильно привязан к другой женщине (той самой леди, которую они так сильно оплакивали) и что его жена была всецело предана другому мужчине; таким образом, отношения между ними были совершенно сбалансированы, они жили без всяких домашних споров, в состоянии взаимного пренебрежения и поглощены с разными увлечениями.

В этой стране, когда обе стороны желают этого и когда нет детей, развод может быть получен без особых хлопот и затрат; мы часто бываем в компаниях, где дама, ее нынешний и бывший муж сидят за столом, и все стороны ведут себя друг с другом самым вежливым и дружелюбным образом.

Я слышал об одном джентльмене, который, прожив в состоянии семейных разногласий со своей женой, убедил ее согласиться с ним в подаче заявления о разводе.— Это было вскоре получено.—Затем он женился на другой женщине, в которую был безумно влюблен, и ожидал, как обычно, вечного счастья. Однако после женитьбы эта страсть остыла быстрее обычного, и через несколько месяцев он стал откровенным поклонником своей первой жены. Теперь он увидел тысячу прелестей в ее внешности и разговоре, которые совершенно ускользнули от его внимания, пока сохранялись узы брака. Он также обнаружил, что некоторые особенности в ее манерах, которые раньше казались ему чрезвычайно странными, на самом деле были изящными. Он выразил свое раскаяние в своей прежней слепоте в самых патетических выражениях: леди смягчилась и, наконец, выразила самые искренние знаки прощения; и все сочли, что таким образом он ухитрился жить в прелюбодеянии с той самой женщиной, на которой был законно женат.

Здесь к ревности относятся с равным презрением и отвращением, а о скандалах известно очень мало. Люди кажутся настолько полностью занятыми своими личными делами, что они редко забивают себе голову делами своих соседей. Если в ходе разговора намекается на близость определенного рода между людьми разного пола, это упоминается случайно как факт, не имеющий значения, и без малейшего упрека или недоброжелательных размышлений ни с

одной из сторон. Одной из причин этого может быть то, что (я уверен) во владениях его прусского Величества почти нет такой вещи, как старая дева.

Самая модная прогулка в Берлине проходит посреди одной из главных улиц.—Перед домами с каждой стороны есть дамба, а между этими двумя дамбами - дорожки, посыпанные мелким гравием и обсаженные липами.—Под ними разбиты палатки и продаются лед, лимонад и другие прохладительные напитки. Летом здесь репетируют музыкальные оркестры, принадлежащие полкам.—Компании обычно бывают в наибольшем количестве вечером, и часто гуляют очень поздно.

—Nunc et campus, et areæ

Lenesque sub noctem susurri,

Composita repetantur hora.

ПИСЬМО LXX.

Berlin.

Ничто так не удивляло меня, когда я впервые приехал в Берлин, как свобода, с которой люди говорили о мерах правительства и поведении короля. Я слышал, как политические темы и другие, которые мне показались бы еще более щекотливыми, обсуждались здесь так же без церемоний, как в лондонской кофейне. Такая же свобода проявляется и в книготорговых магазинах, где открыто продаются литературные произведения всех видов. Недавно опубликованный памфлет о разделе Польши, в котором с королем обращаются очень грубо, читается без труда, равно как и другие выступления, в которых некоторые из наиболее заметных персонажей нападают на него со всей горечью сатиры.

Правительство, поддерживаемое армией численностью 180 000 человек, может спокойно игнорировать критику нескольких политиков-спекулянтов и перо сатирика. В то время как его Величество сохраняет за собой право распоряжаться жизнями и имуществом своих подданных так, как укажет его мудрость, он предоставляет им полную свободу развлекаться таким количеством замечаний или шуток по поводу его поведения, как им заблагорассудится.

Ум этого монарха бесконечно выше склонности к сплетням, благодаря которой презренная раса сплетников и распространителей скандалов процветает при некоторых дворах. Убеденный, что то же самое вероломство, которое может выдать настоящую беседу, может выдумать фальшивую, он выслушивает немало злобных историй о том, что происходило в частных компаниях или в часы дружеского веселья. Любой человек, который попытается рассказать ему анекдоты подобного рода, будет с позором изгнан из его присутствия. Он с одинаковым презрением относится ко всем анонимным письмам и ко всякого рода порочащей информации, когда информатор отказывается открыто выступить в поддержку своих утверждений.

Этот великий принц настолько начисто лишен подозрительности и личного страха, что проживает в Сан-Суси без всякой охраны. Сержант-ординарец, или только капрал, находится там днем, чтобы время от времени передавать приказы гарнизону в Потсдаме, куда он всегда возвращается вечером. В этом доме, где король спит каждую ночь, проживает не более десяти-дюжины человек, включая слуг. Когда вы вспоминаете, что Сан-Суси - уединенный особняк, примерно в полумиле от Потсдама, где заперта вся стража, и, следовательно, от него не может быть никакой пользы в случае какого-либо покушения на особу короля ночью; когда вы принимаете во внимание, что он, лежащий таким беззащитным и выставленный напоказ, является деспотичным монархом, который правит по велению своей собственной воли и разума, не обращая внимания на дурное настроение или недовольство любого человека или любой группы людей, и у которого, без сомнения, много врагов. закоренелые враги, вы должны сознаться, что все эти обстоятельства свидетельствуют о великодушии.

Берлин, хотя и не является укрепленным, безусловно, является очень военным городом. Когда присутствуют все солдаты гарнизона, их количество достигает 30 000 человек. В целом они ведут себя тихо, и полиция города довольно хорошо регулируется. Тем не менее, есть некоторые виды нарушений, которые преобладают в высшей степени. Общественных кортезанов здесь больше, чем в любом другом городе Европы, пропорционально количеству жителей. Они открыто появляются в окнах в дневное время, подзывают пассажиров, когда те идут по улицам, и ищут работу любым удобным для них способом, без помех со стороны магистрата.

Здесь, по-видимому, принято считать, что мир и счастье общества не нарушаются подобным видом распущенности; или, возможно, считается, что попытка ограничить его повлекла бы за собой последствия похуже, чем само явление. Поэтому никому не разрешается приставать или оскорблять тех, кто выбрал это для торговли, и покупателей, которые часто посещают покои этих дам, уделяется так же мало внимания, как если бы они заходили в любой другой дом или магазин, чтобы купить любой другой товар.

Говорят, что в этой столице преобладает другой вид разврата. —Я полагаю, однако, что рассказы на эту тошнотворную тему сильно преувеличены.

Лучшие граждане и промышленники живут исключительно среди людей своего ранга и, не изменяя манерам придворных и не опускаясь до низменного разврата простолюдинов, сохраняют порядочность, прямоту и честность немецкого характера.

Ни к одной цели его прусское величество не обращал своего внимания с таким усердием и с таким небольшим успехом, как к налаживанию торговли в своих владениях. Все его усилия, направленные на это, были сведены на нет неразумными налогами, монополиями и другими ограничениями. Коммерция, подобно диким обитателям воздуха и леса, будучи ограниченной или скованной, немедленно ослабевает, или, будучи встревоженной, подобно Любви,

“... при виде человеческих связей,

Расправляет свои легкие крылья и через мгновение взлетает”.

БУКВА LXXI.

Berlin.

Я благодарю вас, сэр, за стихотворения и брошюры, которые вы прислали мне ... Признаюсь, я не считаю первое выступление очень успешным, но все же не удивлен тем большим успехом, который оно имело. Ибо, хотя в нем было еще меньше остроумия, оно доставило бы немало удовольствия из-за злобы и личных оскорблений, которыми оно изобилует.

Английская нация всегда питала большой аппетит к политическим произведениям; но те, кто их обслуживает, в последнее время подают такую кашу из чистой политики, что, похоже, у них наконец-то свело желудки. Сейчас считается необходимым немного остроумия или личной сатиры, чтобы добиться успеха даже в газете. Первый не всегда находится в распоряжении поставщика провизии: поэтому он использует вместо него другой, который также отвечает его целям.

Я никогда не испытывал никакого удовольствия от созерцания или разоблачения темной стороны человеческой натуры; но есть некоторые оттенки, настолько очевидные, что вы не можете открыть глаза, не заметив их. Удовлетворение, которое многие люди получают, читая пасквилы, в которых очерняются частные личности, относится именно к этому числу. Если оскорбления в памфлетах и газетах считаются несчастьем, то истинность максимы Рошфуко неоспорима: "Не обращайтесь внимания на тех, кто со мной дружит, не труньте так, как вам нравится, не обращайтесь внимания на то, что вы делаете".

Обычные писатели того времени обратили на свой счет этот злобный нрав, который, по их мнению, столь распространен среди людей. — Подобно людям, которые отдают быков и других животных на растерзание собакам на потеху зрителям, эти джентльмены каждую неделю публикуют в общественных газетах несколько персонажей, которых самым жестоким образом калечат.

Именно дикий вкус тех, кто платит за эти развлечения, удерживает их в употреблении. Авторы непристойных книг в Лондоне часто питают к людям, которых они оскорбляют, не больше злобы, чем жители Парижа и Вены, которые обеспечивают другие ужасные развлечения, питают к кабанам, быкам и другим животным, которых они выставляют на растерзание собакам.

Что касается писак, то они редко что-либо знают о людях, характеры которых они атакуют. Далеко не исключено, что автор суровых стихов, которые вы мне прислали, знаком с лордами и джентльменами, против которых он пишет с такой горечью, не больше, чем ткачиха, соткавшая их носовые платки. Мотивом для изготовления как того, так и другого товара, скорее всего, был хлеб насущный, и этот поэт предпочел сатиру панегирику просто потому, что знал, что первое больше всего придется по вкусу его покупателям.

Я помню, как однажды я был в лавке одного книготорговца, когда ему доставили письмо, в котором был вложен листок бумаги, который, после того как он пробежал его глазами, он представил мне, сказав, что это персонаж лорда С., которого он намеревался вставить в некое произведение, издававшееся в то время. — Мне кажется, — добавил он, — сойдет очень хорошо; уверяю вас, автор - острый клинок. - Ни у кого из моих мальчиков нет такого лезвия и таких глубоких порезов, как у этого маленького гладиатора.

Я счел это самым горьким оскорблением против вышеупомянутого дворянина, написанным со всей закоренелостью злобы и личной неприязни, клеймящим его как вундеркинда чувственности и обвиняющим его во всех злодейских наклонностях, которые когда-либо оскверняли самое развращенное сердце.

Это, сказал я, гораздо более безобидное произведение, чем предполагалось. Сила этого яда докажет свое собственное противоядие. Самый ненасытный желудок к клевете и поношению не сможет вынести такой дозы, но должен с отвращением отвергнуть ее. Каждый здравомыслящий читатель ясно поймет, что все эти злоупотребления были продиктованы злым умыслом и личной обидой.

Тогда, ответил книготорговец, каждый здравомыслящий читатель ясно поймет, чего не существует; ибо автор этой статьи, насколько мне известно, никогда не имел ни малейшего общения с лордом С., никогда не питал к нему никакой неприязни и не имеет ни малейшего желания причинить вред этому благородному лорду; в доказательство чего, добавил он, доставая из ящика стола другую статью, вот характеристика того же дворянина, написанная тем же автором, которая должна появиться примерно через неделю после публикации первой, в качестве ответа на нее.

Эта вторая статья была продолжением панегирика лорду С. - от начала до конца, в котором искренний автор, сравнив его с некоторыми из величайших и прославленных людей и собрав множество самых ярких цветов, которыми Плутарх украсил своих достойных, он формирует из них один большой венок, который он очень серьезно обвязывает вокруг чела английского аристократа, завершая это замечанием. Что насколько его светлость походил на них в их добродетелях, настолько же, как и они, он отличался сильнейшими приступами зависти и злобы, которые были налогом, который всегда платили за выдающиеся таланты.

- Как случилось, что милорд С., - спросил я книготорговца, - был выбран из своих собратьев по сословию пэров и так замечательно выделился благодаря поношениям и похвалам вашего изобретательного друга?

Потому что, ответил он, этот дворянин стоит во главе активного ведомства и является одним из тех энергичных и решительных персонажей, которые никогда не упускают случая нажить себе множество врагов и друзей. Его враги рады видеть, как его оскорбляют, и ожидается, что его друзья будут очарованы, услышав, как его хвалят; и, между тем, произведения моего друга будут быстро продаваться, и я надеюсь сносно поработать с его светлостью, чего, позвольте мне сказать вам, не удастся добиться каждому высокопоставленному человеку. — Боже, сэр! некоторые из них обладают такими слащавыми, пресными характерами, что не заинтересуют ни одного смертного. Есть ... человек такого высокого положения и с таким известным именем, что я подумал, что из него можно было бы что-нибудь сделать. — И поэтому я использовал свой маленький розыгрыш за и против него и две очень красивые брошюры, которые он подготовил. — но как раз в тот момент, когда я собирался отправить их в печать, я случайно показал их моему другу, который является замечательным судьей в этих вопросах. — Эти брошюры, - говорит он, - написаны очень хорошо, но за их печатание никогда не заплатят. Человек, который является их объектом, обладает таким холодным, ручным, вежливым, осторожным характером и так точно сохранял равновесие на протяжении всей своей жизни, что он никогда никому не был обязан и не обижал никого. Во всем мире у него нет ни друзей, ни врагов: Все говорят, что он неплохой человек; но если бы он сегодня вечером сломал себе шею, ни одно человеческое

существо не испытало бы ни горя, ни удовлетворения от этого события, и сатира или панегирик его бабушке читались бы с таким же успехом, как и те, что написаны о нем.

Поверьте, сэр, - заключил Книготорговец, - я понял намек, и поэтому брошюры так и не появились.

Хотя меня немало позабавили рассуждения моего друга Книготорговца, я все же не мог не испытывать негодования по поводу литературного браво, который жил таким позорным образом, нанося увечья и убивая или, по крайней мере, пытаясь уничтожить репутацию людей. И те не совсем свободны от вины, кто, ненавидя писателя, получает удовольствие от его произведений. Вполне возможно, что он ссылается на вынужденные обстоятельства, чтобы смягчить свою порочность, но удовольствие, которое они получают, по-видимому, проистекает из чистой, бескорыстной любви видеть, как оскорбляют других. Многим из тех, кто стыдится распушенности прессы и возмущается несправедливостью и жестокостью растерзания частных персонажей в публичных газетах, самые опасные из этих произведений подаются каждое утро так же регулярно, как их тосты с маслом. Если бы они отказались от удовольствия прочитать самое злонамеренное из этих сочинений, зло, на которое они жалуются, немедленно прекратилось бы.

Но смешно и кажется неблагодарным, когда люди изображают негодование по отношению к тем, кто обеспечивает им одно из величайших удовольствий в их жизни. Хихикать над скандалом все утро со всеми признаками удовольствия, а вечером осуждать его с притворным гневом - это так же нелепо, как если бы судья сначала совратил бедную девушку на блуд, а затем наказал ее за грех.

Возможно, вы можете возразить мне, напомнив о том восхищении, которое я выразил стилем некоторых знаменитых писем, в которых некоторые выдающиеся персонажи препарируются и подвергаются пыткам с научным мастерством анатома и утонченной жестокостью инквизитора. Я отвечаю, что восхищался остроумием и гениальностью, но не характером, проявленным в этих письмах.

Злобу, когда она привносится гением и остроумием, часто терпят из-за уважения к тем, кто ее представляет; но когда негодница приходит одна или в сопровождении тупицы, что часто случается, она будет с позором изгнана из любой хорошей компании.

ПИСЬМО LXXII.

Berlin.

Прусская армия в настоящее время, по моим сведениям, насчитывает 180 000 человек. Если из этого счета вычесть двадцать или даже тридцать тысяч, исходя из предположения, что он преувеличен, все равно остаток будет очень велик; а расходы на такое учреждение в мирное время многим кажутся почти несовместимыми с ресурсами короля Пруссии. Хотя доходы этого монарха намного больше, чем принято воображать, все же армии, которые он содержал и продолжает содержать; дворец, который он построил, и другие дорогостоящие предприятия,

которые он завершил, являются доказательствами не столько величины его доходов, сколько осмотрительности, с которой они были распределены. Многие другие князья имеют большие доходы, которые, подобно воде, пролитой на невозделанную землю и способствующей росту бесполезных сорняков, безвкусно и пышно растрачиваются на роскошь двора и их иждивенцев. Возможно, никогда не было известно, какие чудеса могут творить экономика и усердие во всех правительственных ведомствах, пока этот монарх не сделал это очевидным.

Во владениях короля Пруссии нет ни одного из тех избирательных участков, которые обогащают отдельных лиц за счет общества; это места, соответствующие способностям и роскоши знати, где платят большое жалованье, потому что требуемое применение и таланты невелики. Если те, кто занимает самые прибыльные места в этом суде, могут поддерживать подобающее достоинство за счет вознаграждения, получаемого при исполнении служебных обязанностей, и откладывать очень скромное обеспечение для своих семей, это самое большее, на что они когда-либо рассчитывали.

Все товары облагаются высокими налогами в прусских владениях. В Берлине, хотя денег намного меньше, чем в Лондоне или Париже, иностранец обнаружит очень небольшую разницу в обычных расходах на жизнь. Нет никаких средств, с помощью которых можно было бы увеличить его доходы, которых этот король не испробовал. Он обложил налогом даже тщеславие своих подданных и с начала своего правления черпал значительные запасы из этого обильного источника. Ярость, которую немцы, прежде всего мужчины, питают к титулам, побуждает многих богатых граждан покупать себе какую-нибудь должность при дворе; и хотя король не нанимает никого, лишенного способностей, он без колебаний разрешает такого рода торговлю. Однако титул - это буквально все, что продается, поскольку что касается реальной деятельности офиса, то после заключения сделки покупатель имеет к нему такое же малое отношение, как и до этого. Хотя его Величество редко консультируется с кем-либо, у него больше номинальных тайных советников, чем у любого короля христианского мира.

Налоги в целом неизменно фиксированы; но найдены способы взимания взносов с владельцев очень крупных поместий, которые не затрагивают мелких землевладельцев или остальных подданных. Дух правительства не благоприятствует крупным и независимым лордам. Но как крупные, так и мелкие землевладельцы лишены возможности теснить или угнетать крестьян. Поскольку солдаты отбираются из них, принимаются меры к тому, чтобы они не были лишены главного источника здоровья и энергии, и в Европе нет крестьянства, которое было бы лучше накормлено, чем прусское.

Армия в основном состоит из провинциальных полков. Все прусские владения разделены на круги, или кантоны; в каждом из них первоначально сформирован один или несколько полков, пропорционально размеру и численности населения дивизии, и из них продолжают набирать рекрутов; и каждый отдельный полк всегда расквартирован в мирное время вблизи кантона, из которого набираются его рекруты.

Сколько бы сыновей ни было у крестьянина, все они подлежат взятию на службу, за исключением одного, которого оставляют помогать в ведении хозяйства. Остальные носят значки с детства, в знак того, что им суждено стать солдатами и они готовы служить, когда этого потребует государство. Если у крестьянина только один сын, его не заставляют идти в

услужение, за исключением того, что он имеет несчастье быть необычайно крепким и хорошо сложенным. Король, однако, старается спасти свое собственное крестьянство и привлечь как можно больше рекрутов из других стран: Для этой цели прусские офицеры наняты в Гамбурге, Франкфурте и других вольных городах Германии. Я видел их также в Невшателе и в местах вблизи французских гарнизонов, пытающихся вербовать людей и подбирать дезертиров. Рекруты, набранные таким образом, постоянно остаются в полках, в которые они распределены; но коренные пруссаки имеют каждый год отпуск на восемь или девять месяцев, во время которого они возвращаются в дома своих отцов или братьев и работают на ферме или добывают средства к существованию любым другим способом, который им заблагорассудится. Это одновременно огромная экономия расходов армии и огромная выгода для государства от труда стольких людей.

Из этого следует, что прусская армия представляет собой ни много ни мало, как постоянное ополчение, создаваемое на два-три месяца каждый год, а затем рассеянное по своим обычным фермерским работам.

Я думаю, это решает наш старый спор на тему постоянных армий и ополчения. Поэтому я уверен, что по возвращении на должность вы честно и откровенно признаете, что я был прав, и что все ваши аргументы в доказательство того, что на ополчение нельзя было положиться во время действительной службы, построены на ложных принципах, и что мое мнение было справедливым и хорошо обоснованным.

Прежде чем завершить это письмо, я сообщу вам об очень необычном происшествии, обстоятельства которого я излагаю не столько с целью проиллюстрировать характер или чувства местной черни в частности, сколько для того, чтобы познакомить вас с любопытным фактом из истории человеческой природы в целом.

Несколько дней назад мы с мистером Ф. ходили смотреть, как казнят человека за убийство ребенка.—Его мотивы для этого ужасного поступка были гораздо более экстраординарными, чем само действие. Он сопровождал нескольких своих товарищей в дом человека, который выдавал себя за гадалку, и, поскольку тот оскорбил его, выразив презрение к его искусству, этот человек, из мести, предсказал, что этот человек умрет на эшафоте. В то время это, казалось, не произвело особого впечатления, но впоследствии часто всплывало в памяти этого несчастного существа и с каждым днем все больше тревожило его воображение. В конце концов эта мысль преследовала его так непрерывно, что он почувствовал себя совершенно несчастным и больше не мог выносить жизни.

Он бы покончил с собой собственными руками, если бы его не удерживала мысль о том, что Всемогущий Бог никогда не прощает самоубийство; хотя, после раскаяния, он очень готов простить любое другое преступление. Поэтому он решил совершить убийство, чтобы быть лишенным жизни руками правосудия; и, смешивая чувство доброжелательности с жестокостью своего намерения, он размышлял, что, убив взрослого человека, он, возможно, отправит душу в ад. Чтобы избежать этого, он решил убить ребенка, который не мог совершить никакого греха, заслуживающего проклятия, но, умерев в невинности, немедленно попал бы на Небеса. Руководствуясь этими идеями, он фактически убил младенца своего хозяина, к которому всегда проявлял необычайную нежность. Таков был странный отчет, который это безумное создание

дало на суде; и таким образом случайное пророчество оказалось, как и во многих других случаях, причиной его собственного завершения.

Он был казнен примерно в двух милях от Берлина. Как только он взошел на эшафот, он снял сюртук и жилет; —его рубашка была спущена ниже плеч; —его ночной колпак был надвинут на глаза; —его поставили на колени, и палач одним ударом широкого меча отделил его голову от тела.— Это был первый раз, когда этот палач выступал: —на эшафоте были двое других людей того же ремесла, которые продемонстрировали пример бесчувственности, более шокирующий, чем казнь. В то время как голова этого человека каталась по эшафоту, а артерии туловища изливали кровь, эти люди с самым веселым видом, какой только можно себе представить, пожали своему брату руку, пожелали ему радости и похлопали по спине, поздравляя его с ловкостью и эффективностью, с которой он выполнил свою обязанность.

ПИСЬМО LXXIII.

Berlin.

Герцог Г., выразивший желание посетить двор Мекленбург-Стрелица, я сопровождал его туда вскоре после его возвращения из Магдебурга и Лейпцига. Погода была душной, и его светлость счел, что путешествие ночью было бы наиболее приятным. Поэтому мы отправились в путь только около шести или семи вечера. Первая почтовая станция находится в четырех немецких милях от Берлина; но так как большая часть дороги проходит через большой лес, а ночь стала очень темной, почтальоны сбились с пути. Через короткое время мы были совершенно сбиты с толку и не имели ни малейшего представления, в каком направлении нам следует следовать. После многих безуспешных попыток найти дорогу мы решили, что будет благоразумнее всего распрячь лошадей и позволить им пастись поблизости, а сами проспим в фаэтоне до рассвета. Этот план был выполнен буквально: как только слуги при свете восходящего солнца нашли дорогу, мы проследовали через Ораниенбург и Сейдник в Рейнсбург, великолепный замок, принадлежащий принцу Генриху Прусскому.

Здесь сады очень обширны и были в высшей степени благоустроены и украшены этим принцем, обладающим хорошим вкусом и великолепным складом ума.

Когда мы прибыли в город Новый Стрелиц, нам сообщили, что двор находится в Бранденбурге. Герцогская резиденция раньше находилась в Старом Стрелице, но тамошний дворец со всей великолепной мебелью и украшениями был сожжен дотла около пятидесяти лет назад. Поскольку пожар вспыхнул ночью, у самой семьи был очень большой шанс спастись.

С тех пор на расстоянии двух английских миль от того места, где стоял первый, был построен новый дворец, но в гораздо более приятном месте, поскольку он располагался на пологом возвышении возле прекрасного озера; и по соседству постепенно возник город Нью-Стрелиц.

После короткого пребывания в Стрелице мы отправились в Новый Бранденбург, который находится на несколько лиг севернее и на небольшом расстоянии от Балтийского моря. Мы прибыли туда утром третьего дня после того, как покинули Берлин. Когда камергеру двора

доложили о прибытии герцога Х., мы получили приглашение на обед, и для его светлости была заказана карета с экипажем.

Правящий герцог Мекленбургский Стрелиц не женат, как и принцесса, его сестра, которая постоянно живет с ним. У них обоих более темный цвет лица, чем у королевы Великобритании, и ни один из них не такой высокий; и они не имеют большого внешнего сходства с ее Величеством, за исключением приветливости манер. Герцог любим своими подданными из-за гуманности и доброжелательности его характера, которые, по-видимому, характерны для всей семьи.—После обеда был музыкальный концерт и игра в карты до самого ужина.

Вся страна Мекленбург на протяжении многих веков находилась под властью одного князя. В 1592 году, после смерти государя, оно было разделено между двумя его сыновьями. Старший сохранил герцогство Мекленбург-Шверинское, которое составляет значительно большую долю; младший получил герцогство Мекленбург-Стрелиц. Эта последняя ветвь вымерла в 1695 году, и герцог Фредерик Вильгельм, представитель старшей ветви, предъявил права на наследство герцогства Стрелиц. Но ему воспротивился Адольфус Фредерик, младший брат его отца, и спор был урегулирован компромиссом между сторонами в 1701 году. Затем в обеих палатах было установлено право первородства и наследования по прямой линии, и это окончательное соглашение было ратифицировано императором.

Местность здесь не песчаная равнина, как вокруг Берлина; но почва постепенно улучшается по мере того, как вы уезжаете из этого города, а вокруг Нового Бранденбурга она удивительно плодородна. Хотя южная граница этого герцогства плоская, песчаная и бесплодная, все же вся северная часть покрыта богатой зеленью, прекрасно разнообразимой холмами, лугами, лесами и несколькими прекрасными озерами длиной от четырех до десяти миль. В стране много урожая кукурузы, конопли, льна, отличные пастбища для многочисленных отар овец и хорошая порода лошадей.—Новый Бранденбург - аккуратный и процветающий город с очень приятным расположением. Жители ведут значительную торговлю хмелем, который в большом изобилии растет повсюду.

Эта страна, которая, по-видимому, счастлива в своем принце и других особенностях, не может причислять к своим благам соседство со столь великим и воинственным монархом, как король Пруссии. В ходе последней войны оба Мекленбурга очень сильно пострадали от этого обстоятельства. Русские и австрийцы, разграбившие среднюю марку Бранденбурга, не выяснили точно, где кончаются владения короля Пруссии и начинаются владения герцога Стрелицкого; но всякий раз, когда можно было унести что-нибудь ценное, грабили и то, и другое без различия. И когда этот монарх сам был доведен до крайности и вынужден был использовать все средства для набора своей армии, мекленбургцев уговаривали и соблазняли всеми способами поступить на прусскую службу; а когда эти методы не сработали, их, как говорится, взяли силой. Даже в настоящее время, всякий раз, когда прусские вербовщики узнают о сильном, хорошо выглядящем крестьянине, принадлежащем герцогству Мекленбург, они используют все средства, какие только могут изобрести, чтобы соблазнить его поступить на службу к своему хозяину.—На подобную практику часто поступают жалобы его Прусскому Величеству, и возмещение будет предоставлено, когда это будет угодно Господу.

На второй день после нашего прибытия мы провели утро, осматривая все, что заслуживало внимания в городе, и снова пообедали при дворе, где собралось более многочисленное общество, чем в первый день. После ужина мы сопровождали его высочество и принцессу на собрание в городе, а затем вернулись ужинать при дворе. Во время ужина состоялся концерт вокальной и инструментальной музыки.

Получив все знаки вежливого внимания от этого принца, мы попрощались с ним и принцессой, покинули город рано утром следующего дня и вернулись через Старый Стрелиц, который находится не в таком цветущем состоянии и не в такой прекрасной местности, как Новый Бранденбург. Когда британские подданные проезжают через эту страну, они, естественно, с благодарностью и почтением размышляют о характере принцессы, чьи добродетели являются украшением британского трона, и чьи дружелюбные манеры и благоразумное поведение объединили чувства людей, разделенных по партийному признаку и непримиримых в чувствах почти по всем другим вопросам.

По возвращении в Берлин я нашел письмо от лорда маршала, в котором сообщалось, что короля ожидают в Потсдаме в течение нескольких дней; что ведутся большие приготовления к приему принцессы Гессенской и герцогини Вюртембергской, которые в то время обе находились в Берлине и должны были нанести визит королю в Сан-Суси; что их будут сопровождать принцесса Амелия, незамужняя сестра короля, и две его невестки, для всех из которых готовятся апартаменты в новом дворце, где они будут жить. его величество также должен был находиться здесь все то время, пока должны были оставаться его знаменитые гости. Милорд добавил, что уже прибыли знаменитый Ле Каин и труппа французских комедиантов, а также труппа итальянских актеров и певцов для участия в опере; и что обе труппы должны были выступить в театре при дворце; что по этому случаю в Потсдаме ожидается большое собрание труппы; что большинство квартир в городе уже заказаны, и, поскольку он предполагал, что мы будем склонны там присутствовать, он снял для нас жилье.

Герцог был чрезвычайно доволен таким услужливым поведением лорда Маршала. Впоследствии я поговорил на эту тему с мистером Харрисом и спросил, намерен ли он быть в Потсдаме по этому случаю? Он сказал мне, что, поскольку пьесы, оперы и другие развлечения должны были даваться во дворце, никто не мог присутствовать на них, кроме тех, у кого были особые приглашения; что ни он, ни кто—либо из министров иностранных дел не были приглашены или, как он понял, должны были быть приглашены, и он не слышал, что ожидалось какие-либо посторонние; и что он считает, что было бы неприлично г-ну X. находиться в Потсдаме в это время, если бы он не мог пристойно присутствовать на развлечениях в Сан-Суси.

Его светлость, услышав этот рассказ, решил остаться здесь; но несколько дней спустя я получил письмо от графа Финкенштейна, уведомлявшее меня, что у него есть приказ пригласить герцога X. и меня посетить приемы, которые будут даны в Сан-Суси. Это доставило нам большое удовлетворение, не столько из-за публичных развлечений, сколько потому, что это даст нам возможность, которой мы иначе не могли бы иметь, увидеть короля Пруссии, и, вероятно, более легким способом, чем в Берлине. Что касается обычных развлечений и великолепия двора, его светлость проявляет к ним больше хладнокровия, чем можно было бы естественно предположить, учитывая то, как его принимают, время его жизни и его внешность.

—namque ipsa decoram

Cæsariem nato genitrix, lumenque juventæ

Purpureum, & lætos oculis afflarat honores.

С момента нашего возвращения из Мекленбурга мы почти постоянно проводили время с мистером Харрисом, который вчера сопровождал герцога в его последнем визите в Шенхаузен; поскольку мы, вероятно, не вернемся сюда из Потсдама. Мистер Ф. несколько дней назад отбыл во Франкфурт на реке Мэн; из-за его легкого юмора и оригинального хода мыслей его отсутствие болезненно ощущается всеми, кто испытал удовольствие от его беседы.

Adieu.

ПИСЬМО LXXIV.

Potsdam.

Мы здесь около двух недель. Его Величество прибыл в новый дворец Сан-Суси примерно в то же время, когда мы прибыли в Потсдам. Принцесса Амелия, которая является распорядительницей церемоний, была там, чтобы принять его. Вся компания, о которой я упоминал ранее, разместилась во дворце, я расскажу вам вкратце о том, что произошло.

Каждые второй или третий день устраиваются театральные представления. Мы с его светлостью посещаем "Сан-Суси" только в эти дни. Мы выезжаем из Потсдама около пяти вечера. Примерно в это же время компания собирается в одной из комнат дворца и незадолго до шести отправляется в театр. Театр очень хорошо приспособлен для размещения небольшой аудитории. Здесь нет ни лож, ни ямы, но полукруглые скамейки в передней части сцены. Передняя скамья стоит на полу; остальные постепенно поднимаются сзади, чтобы все зрители могли видеть одинаково хорошо.

Через несколько минут после того, как компания разместилась, прибывает королевская семья. Принцессу Амелию ведет принц Фредерик Брауншвейгский, а принцессу Гессенскую - король. Герцогиню Вюртембергскую и других принцесс вводят следом; они и их сопровождающие дамы садятся в первых рядах. Король обычно садится на третье или четвертое место. Затем начинается пьеса, которая обычно заканчивается около девяти, после чего вся компания возвращается в большие покои, где король продолжает вести дружескую беседу, пока не будет готов ужин. Затем он уходит и ложится спать в десять.

Те, кого принцесса Амелия приказала пригласить, остаются ужинать; и обычно там собирается довольно многочисленная компания.— Мы были на этой трапезе три или четыре раза и обычно добираемся до наших апартаментов в Потсдаме около полуночи.

До сих пор не ставилось ни одной комедии, и я понимаю, что их не будет, потому что Ле Кен никогда не играет в комедиях; и по другой причине, которая равна тысяче, — его величество больше любит трагедию.

Ле Каин уже появлялся в образах некоторых из его главных персонажей.— Вам не нужно сомневаться в том, что он проявит все свои силы перед такой аудиторией.— Я бы сказал, такой аудитор. Король, казалось, был доволен своей игрой, и, как следствие, придворные были в восторге и соперничали друг с другом, кто больше похвалит его.

"Трагедия Эдипа" - любимое произведение его величества. Это было представлено дважды, и в обоих случаях ему, казалось, это очень понравилось; особенно когда была произнесена следующая речь против священников:

Tandis que par vos soins vous pouvez tout apprendre,
Quel besoin que le Ciel ici se fasse entendre?
Ces Dieux, dont le pontife a promis le secours,
Dans leus temples, Seigneur, n'habitent pas toujours;
On ne voit point leur bras si prodigue en miracles;
Ces antres, ces trépieds, qui rendent leurs oracles,
Ces organes d'airain que nos mains ont formés,
Toujours d'un souffle pur ne sont point animés.
Ne nous endormons point sur la foi de leurs prêtres;
Au pied du sanctuaire il est souvent des traîtres,
Qui nous asservissant sous un pouvoir sacré,
Font parler les destins, les font taire à leur gré.
Voyez, examinez, avec un soin extrême,
Philoctète, Phorbas, & Jocaste elle-même.
Ne nous fions qu'à nous, voyons tout par nos yeux,
Ce sont là nos trépieds, nos oracles, nos Dieux.

И впоследствии, когда Иокаста раздражается другой тирадой того же рода, которая заканчивается такими строками:

Nos Prêtres ne sont point ce qu'un vain peuple pense;
Notre crédulité fait toute leur science.

Случилось так, что я сидел рядом с аббатом Бастиани, и, пока актриса говорила это, король встрепенулся, закашлялся и рассмеялся, делая священнослужителю очень многозначительные жесты.

Но хотя эти отрывки и некоторые другие на первый взгляд кажутся суровыми по отношению к священникам, трагедия Эдипа в целом делает им большую честь. Ибо все, что говорится против них, оказывается несправедливым, и оказывается, что оракул, с которым обошлись в таких суровых выражениях, был правдой, и что первосвященник во всем вел себя как честный и добродетельный человек. Поэтому меня удивляет, что Вольтер взял сюжет своей пьесы на эту тему из греческой трагедии, которая заставила его, подобно Валааму, сыну Барака, воздавать почести тем, кого ему было бы приятнее проклясть.— И король, со своей стороны (если я осмелюсь так выразиться), не смог бы придумать трагедии менее уместной, если бы его намерением было выставить духовенство на посмешище.

У меня нет возражений против этого произведения из-за чести, оказанной духовенству; потому что я не могу не составить мнение о людях на основании собственного опыта: а я знал так много хороших людей этой профессии, что я должен уважать это за них, исключая другие причины.

Но я признаю, что имею несчастье не последовать примеру этого великого монарха и многих других уважаемых критиков в их восхищении трагедией Эдипа.— Басня, на мой бедный взгляд, слишком ужасна.—То обстоятельство, что Эдип женат на своей матери и имеет от нее детей, в высшей степени отвратительно; и идея, которую это наводит на мысль о Провидении и поведении богов, не может оказать хорошего воздействия на разум. Ничто не могло быть более несправедливо, чем то, что Небеса наслали чуму на жителей Фив и излили такую мстительность на бедных Эдипа и Иокасту за преступления, в которых, как им было известно, они были невиновны. Мы не можем не признать справедливости упреков Эдипа в адрес богов, когда он говорит:

Le voilà donc rempli cet oracle exécration,

Dont ma crainte a pressé l'effet inévitable:

Et je me vois enfin, par un mélange affreux,

Inceste, & parricide, & pourtant vertueux.

Miserable vertu, nom stérile & funeste,

Toi par qui j'ai réglé des jours que je déteste,

Восходящий мон нуар в качестве сопротивляющегося:

Je tombais dans le piège, en voulant l'éviter.

Un dieu plus fort que moi m'entraînait vers le crime;

Sous mes pas fugitifs il creusait un abîme;

Et j'étais, malgré moi, dans mon aveuglement,

D'un pouvoir inconnu l'esclave & l'instrument.

Voilà tous mes forfaits, je n'en connais point d'autres.

Impitoyables dieux, mes crimes sont les vôtres,

Et vous m'en punissez....

Однако мы должны подозревать, что Иокаста ошиблась в своем мнении, высказанном в заключительных строках трагедии.

Prêtres, & vous Thébains, qui futes mes sujets,

Honorez mon bucher, & songez à jamais,

Qu'au milieu des horreurs du destin qui m'opprime,

J'ai fait rougir les dieux, qui m'ont forcée au crime.

Ибо те, кто мог заставить невинных людей совершить преступные действия, а затем наказать их за это, не были способны ни за что краснеть. Французская трагедия и итальянская опера представлены в этом театре попеременно; король посещает последнюю так же пунктуально, как и первую, и на его лице отражается та чрезвычайная чувствительность к музыке, которая составляет часть его характера. Я полагаю, что этот принц преуспел бы в чем угодно лучше, чем в симуляции, если бы он когда-нибудь счел нужным попробовать эту часть лицемерия, — черты его лица настолько выражают его чувства, что первый постоянно подвергался бы опасности выдать другого. Когда в театре нет представлений, его величество устраивает частный концерт в своих собственных апартаментах, где он сам играет на немецкой флейте, на этом инструменте он достиг высшей степени совершенства.—На эти концерты посторонних не пускают.

ПИСЬМО LXXV.

Potsdam.

Когда мы впервые прибыли сюда, мне ничего так не хотелось увидеть, как учения прусских войск; но смотры в Берлине полностью удовлетворили мое любопытство. И хотя дворцовые сады находятся как раз напротив окон нашей гостиницы, я почти никогда не хожу смотреть на стражу, которая марширует там каждое утро.— Однако несколько дней назад мне случилось очень рано прогуляться примерно в миле от города, и, увидев нескольких солдат с оружием в руках в поле на небольшом расстоянии от дороги, я направился к ним. Офицер верхом на лошади, которого я принял за майора, поскольку он отдавал приказы, был необычайно активен и часто разъезжал среди рядов, чтобы сделать выговор или проинструктировать простых людей. Когда я подошел ближе, я был очень удивлен, обнаружив, что это был сам король. Он обнажил меч и продолжал упражняться с корпусом в течение часа после этого. Он заставил их развернуться, пройти маршем, выстроиться в каре и вести огонь подразделениями и взводами, с бесконечным вниманием наблюдая за всеми их движениями; и из-за какой-то оплошности арестовал двух офицеров полка принца Прусского. Короче говоря, он, казалось, напрягал все силы духа молодого офицера, стремящегося привлечь внимание своего генерала необычайной бдительностью.

Я выразил присутствующему офицеру свое удивление по поводу того, что король не пожелал немного отдохнуть, особенно от той работы, которой у него было так много в последнее время, и что он мог взять на себя столько хлопот с простой горсткой людей сразу после того, как он закончил тренировать целую армию.

Этот джентльмен сказал мне, что в этот конкретный день король опробовал несколько новых приемов; но хотя этого не произошло, вполне возможно, что он был в поле боя: —ибо его максима заключалась в том, что его войска в обычный полевой день должны проявлять столько же бодрости, как если бы им предстояло участвовать в битве; и поэтому никогда не было известно, когда он намеревался присутствовать, а когда нет; —что касается отдыха, то он проводил его между десятью вечера и четырьмя часами утра, а все остальные часы были посвящены действиям как телесным, так и умственным, или и то, и другое; и что упражнение, которое он только что предпринял, вероятно, было сделано для расслабления после трехчасовой предыдущей работы в его кабинете.

Чем больше я вижу и слышу об этом необыкновенном человеке, тем больше поражаюсь. В нем сочетаются качества, которые я раньше считал несовместимыми. Когда—то я придерживался мнения, что ум, склоняющийся к очень малым предметам, неспособен охватить великие; теперь я убежден, что он — исключение; ибо, хотя немногие объекты слишком велики для его гения, ни один не кажется слишком маленьким для его внимания.

Когда—то я думал, что очень энергичный человек не способен вникать в детали бизнеса. — Теперь я вижу, что он, безусловно, человек остроумный, может методично продолжать необходимую рутину ведения бизнеса с терпением и настойчивостью величайшего болвана, который когда-либо работал в конторе.

Со времени моего последнего посещения мы не видели выступлений итальянцев; но ни пьесы, ни оперы, ни какие-либо другие развлечения не интересуют меня и вполнину так сильно и не могли бы так усердно привлечь в Сан-Суси, как возможность увидеть короля, которую дает это посещение. Другие монархи приобретают важность в зависимости от своего положения; этот принц придает важность своему. Путешественник в других странах желает увидеть короля, потому что он восхищается королевством. — здесь объект любопытства меняется на противоположный. — и давайте предположим, что дворцы, и города, и сельская местность, и армия Пруссии столь прекрасны, но наш главный интерес к ним будет вызван их принадлежностью Фредерику Второму; человеку, который, не имея союзника, кроме Великобритании, отразил объединенные силы Австрии, Франции, России и Швеции.

У графа Нессельроде, беседовавшего со мной на эту тему, было выражение столь же живое и справедливое: "Ты знаешь, что такое блеск, ты знаешь, что такое комприми и что такое непреодолимое средство".

Вечером того дня, когда я видел короля на поле боя, я был в Сан-Суси, ибо не хочу упускать возможности присутствовать там, где находится этот монарх. Мне нравится стоять рядом с ним, слушать, как он говорит, и наблюдать за его движениями, позами и самыми безразличными поступками. Он всегда ведет себя с особой приветливостью по отношению к чертям собачьим. Однажды вечером, перед началом спектакля, мы с его светлостью случайно оказались рядом с

графом Финкенштейном в комнате, примыкающей к большим покоям, где находилась труппа. Король вошел один, когда его не ждали, и сразу же завел разговор с Д.

Он задал несколько вопросов, касающихся британской конституции; в частности, в каком возрасте пэр может занять свое место в парламенте?— Когда герцог ответил, в двадцать один год.— Из этого видно, - сказал король, - что английские патриции приобретают необходимые для законодательства таланты гораздо раньше, чем жители древнего Рима, которые не допускались в Сенат до сорока лет.

Затем он поинтересовался состоянием здоровья лорда Чатема и выразил глубокое уважение к характеру этого министра.— Он спросил меня, получил ли я письма с последней почтой и упоминалось ли в них что-нибудь о делах в Америке?—Он сказал, что из Голландии поступили сообщения о том, что английские войска были выбиты из Бостона и что американцы овладели этим местом. - Я сказал ему, что, согласно нашим письмам, армия покинула Бостон, чтобы с большим успехом атаковать в другом месте.

Он улыбнулся и сказал: "Если вы не допускаете, что отступление было делом вынужденным, вы, по крайней мере, признаете, что это было *tout—à-fait à propos*".

Он сказал, что слышал, что некоторые британские офицеры перешли на американскую службу, и упомянул полковника Ли, которого он видел при его Дворе. Он заметил, что трудно управлять людьми силой на таком расстоянии; — что если американцев разобьют (что представлялось несколько проблематичным), все равно будет почти невозможно продолжать извлекать из них доход путем налогообложения; — что если мы намеревались примириться с Америкой, некоторые из наших мер были слишком грубыми; а если мы намеревались подчинить ее, они были слишком мягкими. В заключение он сказал: "Enfin, Messieurs, я не понимаю, как вы выбираете меня"; "Я не говорю о колонии: "Я спрашиваю, почему вы беспокоитесь о моих делах, позвольте мне стать частью вашей семьи". Сказав это, он вошел в апартаменты принцессы, чтобы отвести ее в театр, в то время как мы присоединились к компании, уже собравшейся там. Была поставлена трагедия "Магомет", которая, на мой взгляд, является лучшей из всех драматических пьес Вольтера и в которой Ле Кен предстает с наибольшей выгодой.

ПИСЬМО LXXVI.

Potsdam.

Вы выражаете такое искреннее желание познакомиться со всем, что касается короля Пруссии, что я рискую удлинить свои описания утомительной подробностью. И все же я лучше рискну, чем дам вам повод жаловаться на то, что я не удовлетворил ваше любопытство настолько полно, насколько это в моих силах.

Не воображайте, однако, что я осмеливаюсь нарисовать полный портрет этого монарха. Это, должно быть, работа гораздо более способных художников, которые видели его в более знакомой манере и чьи краски могут придать выразительность, достойную оригинала. Я лишь

попытаюсь дать точный набросок тех черт, которые мне удалось уловить во время мимолетных встреч, которые были у меня самого, или о которых я узнал от тех, кто провел с ним много часов, которые он посвящает свободной беседе и застольным удовольствиям.

Король Пруссии ниже среднего роста, хорошо сложен и удивительно активен для своего возраста. Он стал выносливым благодаря физическим упражнениям и тяжелой жизни, поскольку изначально его телосложение, похоже, было не из самых крепких. Его взгляд говорит о духе и проницательности. У него прекрасные голубые глаза; и, на мой взгляд, его лицо в целом приятное. Некоторые, кто его видел, придерживаются другого мнения. Все, кто судит только по его портретам, должны быть такими; ибо, хотя я видел многих, которые имеют небольшое сходство с ним, а некоторые - большое, все же ни один из них не отдает ему должного. Его черты приобретают удивительную степень оживления во время разговора.—Это полностью теряется на холсте.

Он сильно сутулится и почти постоянно склоняет голову набок.

Его тон - самый чистый и приятный в разговоре, который я когда-либо слышал.

Он много говорит; но те, кто его слышит, сожалеют, что он не говорит намного больше. Его наблюдения всегда живы, очень часто справедливы, и мало кто из мужчин обладает талантом остроумия в большем совершенстве.

Он почти никогда не меняет свою одежду, которая состоит из синего сюртука на красной подкладке, желтого жилета и бриджей. Он всегда носит сапоги с гусарскими голенищами, которые складками спадают на лодыжки и чаще темно-коричневого, чем черного цвета.

В Англии его шляпа показалась бы чрезмерно большой, хотя она такого размера, какой обычно пользуются прусские офицеры кавалерии. Обычно он носит один из больших боковых углов на лбу и глазах, а также передний член с одной стороны.

Его волосы собраны сзади и скреплены по одной пряжке с каждой стороны. Поскольку они были очень небрежно уложены и неравномерно напудрены, мы, естественно, можем заключить, что фризера сильно торопили при исполнении своих обязанностей.

Он пользуется очень большой золотой табакеркой с крышкой, украшенной бриллиантами, и берет неумеренное количество испанского нюхательного табака, следы которого очень часто видны на его жилете и бриджах. Они также могут быть испачканы лапами двух или трех итальянских борзых, которых он часто ласкает.

Он одевается, как только встает утром. Это занимает всего несколько минут и служит целый день.—Вы часто слышали, что все часы работы короля Пруссии, с четырех или пяти часов утра до десяти вечера, методично посвящены определенным занятиям, будь то бизнес или развлечения. Это, безусловно, так, и организация не прерывалась в течение многих лет, как с тех пор, как нынешняя компания переехала в Потсдам.

Некоторые, претендующие на более чем обычную проницательность, утверждают, что в настоящее время они могут заметить признаки беспокойства на его лице и, кажется, убеждены, что другой такой компании в Сан-Суси в течение этого правления не будет.

Все дела с королем ведутся посредством писем. Каждое прошение или предложение должно подаваться в такой форме, которая соблюдается настолько неизменно, насколько меня заверили, что если бы кто-либо из его генералов пожелал повысить кадета до звания прапорщика, он не рискнул бы внести свое предложение каким-либо другим способом, даже если бы у него была ежедневная возможность беседовать с его Величеством.

Самые ничтожные из его подданных могут обратиться к нему в письменной форме и быть уверены в ответе. Его первое дело каждое утро - это просмотр адресованных ему бумаг. Единственное слово, написанное его карандашом на полях, указывает на подлежащий представлению ответ, который впоследствии оформляется его секретарями.—Этот метод дает королю время обдумать справедливость и уместность каждого требования и предотвращает возможность того, что его заставят дать обещание, которое может оказаться неудобным для исполнения.

Он садится ужинать ровно в полдень. В последнее время он уделяет этому занятию больше времени, чем раньше. Обычно после трех он покидает компанию. Восемь или девять его офицеров обычно приглашаются к нему на обед. Со времени нашего приезда в Потсдам граф Нессельроде и аббат Бастиани, два литератора, были единственной компанией, помимо офицеров, обедавшей с королем, в то время как он жил по своему обыкновению в Старом дворце Сан-Суси; и эти двое были тогда в его обществе почти каждый день. Граф сейчас покинул этот Двор; у аббата апартаменты во Дворце. Он итальянец по происхождению, человек остроумный и превосходный собеседник.

За столом королю нравится, чтобы все выглядели солидно и чтобы беседа велась совершенно свободно. Кстати, это невозможно. Этот доверительный, безудержный порыв сердца, происходящий в обществе равных, - удовольствие, которого никогда не сможет вкусить деспотичный Принц. Однако его Величество желает, чтобы так оно и было, и они делают все, что в их силах.

На одной из таких встреч, когда король был в веселом расположении духа, он сказал Бастиани: —Когда ты получишь тиару, которую твое образцовое благочестие должно однажды подарить тебе, как ты примешь меня, когда я прибуду в Рим, чтобы исполнить свой долг перед твоим Святейшеством?— Я немедленно отдам приказы, — с большой готовностью ответил аббат, — как только войду в Эгль Нуар. - Если я справлюсь с этим делом, прошу прощения у жены сына бека.

Никто не говорит более оживленных вещей в разговоре, чем сам король. Здесь повторяются многие из его добродетелей, я упомяну только одну, которая одновременно является примером его остроумия и величия ума, когда он отдает должное заслугам человека, который причинил ему больше неприятностей, чем, возможно, любой другой человек на свете.— Когда несколько лет назад король Пруссии имел личную встречу с императором, они всегда обедали вместе, и с ними присутствовало определенное количество их высших офицеров. Однажды генерал Лаудон собирался занять место в конце стола, когда король, сидевший во главе, окликнул его:

"Венеция, вы здесь, месье Лаудон, место для вас". J'aime infiniment mieux vous avoir de mon coté que vis-à-vis.

Хотя вся сердечность дружбы и все очарование открытого общества не могут существовать там, где судьба каждого другого человека зависит от воли одного из членов компании, тем не менее король старается сделать так, чтобы каждый чувствовал себя непринужденно, насколько позволяет характер дела, и я слышал о том, что он сносил некоторые очень суровые реплики с безупречным юмором. Он сам слишком умен и слишком ценит это в других, чтобы отражать его атаки каким-либо другим оружием, кроме того, которым оно располагает. Никто, кроме самых нелепых болванов, не мог попытаться сплотиться, не будучи в состоянии допустить насмешек; и только самые подлые души могли подумать о мести за вольности, допущенные по отношению к товарищу властью короля.

Очень яркий пример свободы, к которой можно прибегнуть по отношению к нему, произошел незадолго до последних обзоров, и что делает его еще более примечательным, это произошло не во время веселья за столом, а на самой сцене военной строгости.

В поле боя были два полка. Полк генерала - был одним из них. Этот офицер любит компанию и проводит больше времени в обществе незнакомых людей и с министрами иностранных дел, чем большинство других на прусской службе.—Вероятно, что-то огорчило короля в то утро. В то время как полк продвигался строем, он сказал генералу, стоявшему рядом с ним: "Ваш полк не стоит в одном строю, месье ... и се, не стоит превосходить, вы сражаетесь против карт". Генерал немедленно громким голосом крикнул всему полку: "Вперед!" и они немедленно остановились; затем, повернувшись к королю, он сказал: "Это не просто вопрос, сир, о моих картах, о том, что касается нашего полка, и он должен быть выстроен". Полк стоял очень ровным строем, и король отошел, не сказав ни слова и, по-видимому, недовольный не генералом, а самим собой.— У этого мужественного офицера впоследствии никогда не было причин полагать, что король неправильно воспринял свою свободу.

Я уже говорил, что для любого человека абсолютно невозможно занимать должность на службе у короля Пруссии, не выполняя свой долг. Он сам активен и усидчив, и он подчеркивает, что все его министры и слуги должны быть такими же. Но для тех, кто знает свое дело и выполняет его в точности, он простой и справедливый хозяин.

Один джентльмен, который много лет был при нем, а теперь является одним из его помощников, заверил меня в следующем: Король понимает, что должно быть сделано, и его слуги никогда не подчиняются нелепым или противоречивым приказам из-за невежества или унижительного каприза.

Его фавориты, какого бы рода они ни были, никогда не могли повлиять на него ни в чем, что касалось бизнеса. Никто никогда не знал лучше, как отличить заслуги тех, кто служит ему в важных государственных ведомствах, от заслуг тех, кто способствует его развлечению. Человеку, который исполняет свой служебный долг с бдительностью и преданностью, нечего опасаться, что королю понравится общество и обращение его врага. Пусть одного угощают за королевским столом каждый день, в то время как другой никогда не получает ни единого приглашения; однако истинная заслуга обоих известна: и если его противник когда—либо попытается обратить благосклонность короля в целях личной ненависти или злобы, попытка будет отвергнута с презрением, и зло, которое он замыслил другому, падет на него самого.

ПИСЬМО LXXVII.

Potsdam.

В те дни, когда в Сан-Суси нет общественного двора, мы обычно обедаем с лордом Марешалем, который всегда рад видеть герцога Х. и оказывает большие услуги всем британским подданным, пока они остаются здесь или в Берлине. Исключая другие причины, по которым он, возможно, уважает герцога, его светлость, очевидно, проявляет своего рода пристрастие к его светлости как к первому по рангу человеку в своей стране. Это проявляется в тысяче случаев, ибо, обладая очень либеральными чувствами и самым доброжелательным сердцем, этот почтенный дворянин все еще сохраняет некоторые каледонские предрассудки.

Однажды он спросил доктора, считает ли он себя шотландцем? - Безусловно, считаю, - ответил его светлость. Поступая таким образом, вы совершаете ошибку, сказал милорд; ибо я могу заверить вас, и я убежден, что лучшие юристы Англии сделают то же самое, что у вас есть гораздо более справедливые права на все привилегии, принадлежащие вашему английскому титулу Б.н., хотя некоторые из них, я боюсь, все еще оспариваются.

Следует надеяться, сказал окружной прокурор, что Палата пэров не всегда будет отказываться вершить правосудие в отношении моей семьи; после тщательного изучения дела я все еще льщу себя надеждой, что они предоставят мне те привилегии, в которых без уважительных причин были отказаны моим предкам. Но в то же время, почему ваша светлость, более жестокая, чем пэры, отрицает мое право шотландца по рождению?

Потому что ваше происхождение не дает вам такого права, ответил граф, ибо на самом деле вы всего лишь северный британец — если только ваша светлость не сможет доказать, что вы родились до заключения Союза. Но, — продолжал он с торжествующим видом, — я настоящий шотландец. — добавив немного погодя, со вздохом и с жалобным акцентом, - и почти единственным в мире, - Все мои знакомые шотландцы теперь мертвы.

Старый добрый граф бесконечно любит поговорить о своей стране и о днях былых. Когда я задаю какой-либо вопрос о короле Пруссии или об Испании или Италии, в каких странах он прожил так долго, он отвечает с какой-то услужливой краткостью и немедленно возвращает разговор к Шотландии, к которой, по-видимому, удивительно привязано его сердце.

Во время обеда один из его слуг, дородный горец, обычно развлекает компанию игрой на волынке. Я заметил, что эти северные британцы (чтобы подчеркнуть отличие лорда Марешала), которые наиболее ревностно относятся к интересам и чести своей страны и которые ценят себя за то, что родились к северу от Твида, особенно, если не исключительно, любят этот

инструмент. Вы, по крайней мере, согласитесь, что ваш доблестный друг, лорд Э.н., не является исключением из этого наблюдения; и, возможно, вы согласитесь, что требуется значительная степень патриотизма или любви к *Каледонии*, чтобы испытывать большое удовольствие от мелодии волынки.

Однажды днем я зашел к лорду Марешалю, как раз когда король покинул его; ибо монарх, без какой-либо формы или предварительного уведомления, иногда прогуливается по саду и наносит короткий визит своему старому другу, к которому он испытывает неизменную привязанность, как из личного уважения, так и из-за того, что высоко ценит память своего брата маршала Кейта.

На другой день я был у графа, когда вошли принцессы Прусская и Гессенская вместе с принцем Фредериком Брауншвейгским и потребовали кофе, который милорд немедленно заказал с добавлением пары дынь; сказав принцессам, что он знает, что они недостаточно долго пробудут с восьмидесятилетним мужчиной, чтобы дать время приготовить более вкусное угощение.—Будучи столь благосклонны к монарху и принцам, вы не сомневаетесь, что дружба старого графа поддерживается остальным двором.

Наследственный принц Пруссии живет в маленьком домике в городке Потсдам. Его назначение не допускает той степени великолепия, которую можно было бы ожидать от наследника короны; но он проявляет дух гостеприимства, гораздо более обязывающий, чем великолепие; и вдвойне похвальный, учитывая весьма умеренный доход, который ему предоставлялся. Обычно мы ужинаем там два или три раза в неделю.

Этот принц нечасто бывает на вечеринках короля, и вряд ли можно предположить, что он пользуется большой долей благосклонности своего дяди. В какой степени он обладает талантами генерала, неизвестно, поскольку он был слишком молод, чтобы командовать во время последней войны. Но у него, безусловно, очень справедливое понимание, которое было улучшено учебой. Он приложил некоторые усилия к овладению английским языком, к чему его подтолкнуло восхищение несколькими английскими авторами, чьи произведения он читал на французском и немецком языках. Теперь он может читать английскую прозу сносно, а в последнее время изучает Шекспира, фактически прочитав две или три его пьесы.

Я взял на себя смелость заметить, что, поскольку гений Шекспира проник в каждый лабиринт и в каждый уголок человеческого сердца, его чувства не могли не понравиться его Королевскому Высочеству; но, поскольку его язык был необычайно смелым и образным и полон намеков на национальные обычаи и манеры нашего острова двухсотлетней давности, сами англичане, которые не особо изучали его произведения, не всегда понимали всю их энергию. Я добавил, что вложить душу Шекспира в перевод было невозможно; а чтобы ощутить все его красоты в оригинале, требовалось такое знание английских манер и языка, какого могли достичь немногие иностранцы, даже после длительного проживания в столице.

Принц сказал, что ему все это известно; и все же он был полон решимости упорно бороться за какое-либо знакомство с автором, которым так восхищается английская нация; что, хотя он никогда не сможет ощутить всех его превосходств, он убежден, что поймет достаточно, чтобы вознаградить его за труды; что он уже изучил несколько отдельных мест, которые, по его мнению, превосходят все, что он когда-либо встречал в произведениях любого другого поэта. Его королевское высочество занимается военным делом с таким же усердием, как и

большинство офицеров того же ранга в армии; ибо на прусской службе никакая степень знатности по происхождению не может оправдать отступления от обязанностей этой профессии. Он очень уважаем в армии и считается чрезвычайно хорошим офицером. К прямоте солдата он присоединяется честностью немца и пользуется любовью публики в целом из-за своего добродушия, приветливости и гуманного склада ума.

ПИСЬМО LXXVIII.

Potsdam.

Боюсь, вы сочтете анекдоты и беседы, которые я иногда присылаю вам, довольно утомительными. Ваше любопытство к определенным персонажам привело меня к этой практике, поскольку я предпочитаю предоставить вам возможность составить собственное мнение, а не беспокоить вас моим. Мое мнение, весьма вероятно, может быть ошибочным; рассказы, которые я даю о том, что я видел или слышал, всегда правдивы. И, несмотря на то, что действия и разговоры, о которых я рассказываю, могут иметь, по-видимому, небольшое значение, все же, поскольку люди в какой-то мере описывают себя, понимание, подобное вашему, сможет извлечь из этого более справедливые представления о характере, чем я мог бы дать.

В предыдущем письме я упоминал об огромной трудности дезертирства из прусского гарнизона и о том, как важно, как считается, предотвратить это. Инцидент, произошедший несколько дней назад, даст вам более четкое представление об этом, чем любой общий отчет.

Два солдата из полка принца Прусского ночью перелезли через стены с намерением дезертировать; но, к несчастью для них, этот город стоит на полуострове, образованном рекой, и перешеек охраняется таким образом, что пройти этим путем без разрешения почти невозможно. Эти люди не умели плавать и не осмеливались показываться ни на одном из паромов, потому что лодочникам запрещено под страхом самого сурового наказания потворствовать побегу любых дезертиров и строго приказано содействовать их поимке. Также предлагается награда в качестве большего стимула к этой услуге.

Поскольку в гарнизоне знали обо всех этих обстоятельствах, предполагалось, что, поскольку никто из крестьян, по всей вероятности, не рискнет их приютить, они все еще прячутся в полях среди стоящей кукурузы. Исходя из этого предположения, группы людей в течение трех дней подряд обходили поля и продирались сквозь кусты, как будто они гнались за зайцем. Большое количество офицеров этого полка, некоторые самого высокого ранга, разъезжали верхом по три-четыре часа каждый день, и все они были заняты одним и тем же способом. Но, не найдя людей, они, наконец, убедились, что те тем или иным способом выбрались с полуострова, и все дальнейшие поиски были прекращены за ненужностью.

Утром четвертого дня эти двое несчастных пришли и сдались стражнику у одних из ворот. Убедившись в невозможности совершить побег и не осмеливаясь войти в дом, они в конце концов были вынуждены из-за голода и усталости сдаться.

Прежде чем я закончу это письмо, я расскажу вам об одном волнующем происшествии, которое произошло в королевской семье в то время, когда проводились все эти исследования в отношении двух дезертиров.

Главный камердинер короля был человеком весьма уважаемым. Имея постоянную возможность находиться при особе короля и наслаждаясь его одобрением в течение нескольких лет, люди первого ранга уделяли ему определенную степень внимания. Знакомые, как мне сказали, любили его из-за его личных качеств, и он сколотил небольшое состояние благодаря привилегиям своей должности. Он построил дом рядом с домом милорда маршала и держал карету для своей любовницы.

К несчастью этого человека, он оскорбил короля, вероятно, из—за какого—то пренебрежения долгом; или, возможно, могло быть что-то похуже: -Я никогда не мог точно узнать, как это произошло: -Но пока принцессы были в Новом Дворце, король обвинил его в очень резких выражениях; и, не удовлетворившись оправданиями этого человека, он сказал ему, что, как только компания уйдет, о нем позаботятся.

Когда принцессы отправились в Берлин, его величество вернулся в свой старый дворец в Сан-Суси; а на следующий день он послал за офицером своей гвардии и приказал ему сопроводить этого человека в Потсдам и назначить барабанщиком в первый пехотный полк.

Бедняк пытался успокоить своего хозяина молитвами и уговорами, но безуспешно. Затем он сказал офицеру, что в его комнате есть кое-какие вещи, которые он хотел бы привести в порядок перед уходом, и просил, чтобы ему дали немного времени для этой цели. Офицер с готовностью согласился, и как только этот отчаявшийся человек вошел в свои апартаменты, он схватил пистолет, который держал наготове с того момента, как король пригрозил ему, и немедленно выстрелил себе в голову. Пистолетный выстрел встревожил короля и офицера. Они оба вошли в комнату и обнаружили беднягу умирающим.

Хотя король, конечно, понятия не имел, что его камердинер застрелится; и хотя, наиболее вероятно, он не позволил бы ему долго оставаться в том положении, на которое в порыве негодования обрек его; — все же есть что-то чрезвычайно жестокое в том, чтобы сразу же выбросить человека из положения покоя и уважения в сферу жизни, столь отличную. Такой приказ больше подходил ярости неводержанного деспота, чем достоинству такого великого и мудрого монарха, как король Пруссии.

Я беседовал с человеком, который был в Сан-Суси сразу после этого печального события. — Он сказал, что король, казалось, был очень взволнован. — Если он чувствовал это так, как следовало, он был объектом сострадания; если нет, то еще большего, ибо ничто не может быть большим несчастьем для человека, чем нуждаться в человечности.

ПИСЬМО LXXIX.

Dresden.

Кажется, я забыл упомянуть в каком-либо из своих писем из Берлина, что, когда я посетил фарфоровую мануфактуру, я был настолько поражен красотой некоторых изделий, что заказал для вас маленькую шкатулку. Но поскольку я полагаю, что вам совершенно безразлично, пьете ли вы чай из того фарфора, который у вас уже есть, или из этого, вы можете послать его в подарок женщине, которую вы любите и уважаете больше всего. Если в этом направлении оно не отправится прямо от вас к Мисс ..., пожалуйста, дайте мне знать, кому вы его отправите. Продавец в Гамбурге уведомит вас, когда отправит товар.

Я и представить себе не мог, что эта мануфактура достигла такой степени совершенства, какой она достигла в нескольких местах Германии, особенно в Брауншвейге и Берлине. Посылка, которую я заказал для вас, считается равной лучшей, изготовленной в Дрездене.

В день нашего отъезда из Потсдама мы обедали с добрым лордом Марешалем, который простился с Д. с чувством, которое одновременно свидетельствовало о его уважении к своему Г. и о его опасениях, что он никогда больше его не увидит.

Если бы у меня было достаточно чувства юмора для описания, наше путешествие по самой красивой и плодородной части Германии предоставило бы мне прекрасную возможность. Я мог бы не только перезвонить во все колокола лесов, лугов, рек и гор, богатых урожаям зерна, льна, табака и хмеля; я мог бы оживить пейзажи многочисленной породой лошадей, вороного скота, овец, диких кабанов и оленины и разнообразить описание мрамором, драгоценными камнями, и рудниками свинца, меди, железа и серебра, которые Саксония содержит в своих недрах. Я мог бы долго распространяться о прекрасной фарфоровой посуде и прекрасных женщинах, которыми изобилует эта страна, о том, что она сделана из лучшей в Германии глины, и о тяжелых трудах; но я давно устал от описаний и поэтому прошу разрешения немедленно доставить вас из Потсдама в Дрезден.

Будучи представленными курфюрсту и курфюрстинистке мистером Осборном, находящимся здесь британским посланником, мы имели честь обедать с ними в тот же день. Курфюрстина молода, высока, хорошо сложена и жизнерадостна. После этого нас представили вдовствующей курфюрстине и принцессе Елизавете, тете курфюрста, принцессе, его сестре, и трем его братьям, старший из которых потерял способность передвигаться на ногах и передвигается по комнате в кресле на колесиках.

Двор был многочисленным и великолепным. Вечером около двух часов играли в карты. Д-из Н- был членом партии курфюрстины, в то время как я сыграл две робберы в вист с одной из принцесс против вдовствующей курфюрстины и принцессы Елизаветы.—Я никогда не видел глубокой игры ни при одном из немецких дворов.—То, что ближе всего подходило к ней, было на маскарадах или там, где Государь не присутствовал.

Дрезден, хотя и не является одним из крупнейших, безусловно, является одним из самых приятных городов Германии, независимо от того, рассматриваем ли мы его расположение, великолепие дворцов или красоту и удобство домов и улиц. Этот город построен по обе стороны

Эльбы, которая здесь имеет значительную ширину. Великолепный и удобный способ соединения двух противоположных частей города значительно усиливает его красоту.

На чем-то вроде открытого места или площади, между старым и новым городом, стоит конная статуя короля Августа. Качество изготовления довольно безразличное; однако наш Чичероне пожелал, чтобы я очень восхитился этим изделием, потому что оно было сделано обычным кузнецом. Я попросил извинения, сказав ему, что не смог бы восхищаться ею, если бы она была сделана Микеланджело.

Немногие принцы в Европе могут похвастаться таким роскошным жильем, как курфюрст Саксонии. Дворец и музей часто описывались.— Последняя была начата курфюрстом Августом и до сих пор носит название Зеленой комнаты, хотя теперь она состоит из нескольких помещений, выкрашенных в зеленый цвет в подражание первой. Я не буду перечислять огромное количество диковинок, естественных и искусственных, которые можно увидеть там. Некоторые из последних любопытны только потому, что они невидимы человеческому глазу. Из этого числа относится вишневая косточка, на которой с помощью микроскопа можно различить более сотни граней. Несомненно, эти маленькие механические причуды свидетельствуют о труде, настойчивости и пристальном внимании рабочего; но я не думаю, что они являются доказательствами мудрости тех, кто смог нанять художников для столь незначительной цели. Пусть удивительными мелочами природы восхищаются через микроскопы, но, несомненно, нет ничего достойного рук человеческих, что нельзя было бы увидеть невооруженным человеческим глазом.

Работа ювелира Динглингера, посвященная празднованию дня рождения Магната, вызывает всеобщее восхищение. Могол, восседающий на своем троне, его вельможи и стражники, а также великое множество слонов - все они выставлены на столе примерно на одной площади. На эту работу Динглингер и несколько помощников потратили более десяти лет. Вам не кажется, что из-за этого такой гениальный художник слишком долго оставался на службе у Магната?

Простой перечень всего ценного и любопытного, что есть в этом Музее, вышел бы за рамки одного из моих самых длинных писем; поэтому я обойду их все молчанием, за исключением истории пророка Ионы, которую было бы нечестиво опускать. Корабль, кит, пророк и морской берег - все изображены жемчугом; но море и скалы выполнены из другого камня, хотя, на мой взгляд, не было необходимости менять материалы; ибо, несомненно, разница между пророком и китом так же велика, как между китом и скалой. Так что, если первые два могли быть представлены одними и теми же материалами, я не думаю, что стоило менять композицию для третьего.

Картинная галерея пользуется большим уважением. Перечисление особых достоинств каждой из них заняло бы много томов и требует гораздо больших знаний в живописи, чем я могу претендовать. Наиболее ценные работы принадлежат Корреджо и Рубенсу. Есть три или четыре работы первого и его наиболее капитальные работы; и очень значительное количество работ последнего. Сила и экспрессия карандаша этого великого художника, естественное сияние его красок и плодородие его фантазии заслуживают самых высоких похвал. И все же нельзя не сожалеть, что у него была такая неистовая страсть к толстым женщинам. Та природа, которую он

увидел в раннем детстве в своей стране, настолько завладела его воображением, что ее не могли искоренить все элегантные модели, которые он впоследствии изучал в Италии. Некоторые из его женских фигур в этой галерее сделаны в такой степени голландцами и такие толстые, что смотреть на них в такую очень жаркую погоду довольно тяжело.

В музее, расположенном во Дворце, хранится наиболее полная коллекция гравюр, начиная с зарождения искусства гравюры и до настоящего времени.

БУКВА LXXX.

Dresden.

Мне не кажется ничего более ясного, чем то, что в укрепленном городе не должно быть ни дворцов внутри, ни пригородов снаружи. Поскольку в городе Дрезден есть и то, и другое, для жителей было бы хорошо, если бы во время последней войны в городе не было укреплений. В 1756 году, когда король Пруссии счел целесообразным вторгнуться в Саксонию, он сделал себя хозяином этого города и мирно владел им до 1758 года, когда маршал Даун после битвы при Хохкирхене пригрозил осадить его. Прусский генерал Шметтау начал свою оборону с того, что сжег часть пригородов. Саксонцы и австрийцы возмутились этой мерой, и Даун пригрозил привлечь губернатора к ответственности лично за столь отчаянные действия. Граф Шметтау был совершенно равнодушен к их восклицаниям и угрозам и, казалось, внимал только приказам короля, своего господина. Он дал понять маршалу Дауну, что оставшиеся пригороды разделят судьбу уже разрушенных, если он будет упорствовать в нападении на город. Вскоре после появления короля австрийцы отступили в Богемию.

Жители Дрездена и всей Саксонии находились теперь в очень плачевном положении и обнаружили, что их трудности возрастают пропорционально успехам их друзей и союзников; ибо какие бы поборы ни выдвигались австрийцами и русскими во владениях короля Пруссии, подобные требования были наложены в порядке возмездия на несчастных саксонцев. Народ, должно быть, действительно находится в плачевном состоянии, когда успех его врагов - самое большое счастье, которое может выпасть на его долю.

В 1759 году, после ужасной битвы при Кунерсдорфе, близ Франкфурта на Одере, король Пруссии, вынужденный ликвидировать произошедшую в тот день резню, вывел прусский гарнизон из Дрездена, который затем попал в руки империалистов. Но бедствия этого города на этом не закончились; ибо его прусское величество, обманув маршала Дауна очень мастерским маневром, в то время как тот, казалось, направлялся в Силезию, он внезапно развернулся и угрожал Дрездену, который маршал Даун оставил в полной уверенности, что король выступил на помощь Швейдницу. Пока австрийцы форсированными маршами продвигались в Силезию, король атаковал Дрезден, который решительно оборонял генерал Маккуайр.

Были предприняты все возможные усилия, чтобы захватить этот город до того, как граф Даун вернется на помощь; — и несчастные горожане подвергались непрекращающейся канонаде и

бомбардировке. Возможно, это было оправдано законами военного времени, пока существовала надежда, что таким образом город можно было принудить к капитуляции. Но враги его прусского Величества утверждают, что бомбардировки продолжались, и церкви, прекрасные здания и целые улицы были обращены в пепел даже после возвращения маршала Дауна; и тогда как эти мстительные действия могли привести только к разорению и гибели частных лиц, ни в малейшей степени не способствуя уменьшению города и не принося никакой пользы общественному делу.

Многие из этих домов до сих пор лежат в руинах; но жители постепенно восстанавливаются, и, вероятно, все разрушенные улицы будут отремонтированы до того, как в Германии разразится новая война. Пока они восстанавливают дома, я не могу отделаться от мысли, что владельцам повезло, что им позволили разрушить укрепления, которые, возможно, было бы выгоднее разместить вокруг некоторых городов на границе.

Любопытная фарфоровая мануфактура значительно пострадала от прусской бомбардировки. У Elector есть полная коллекция лучших изделий, начиная с первых попыток, сделанных здесь в этой элегантной работе, и заканчивая последними усовершенствованиями. Это, независимо от красоты многих произведений, вызывает настоящее любопытство, поскольку свидетельствует о прогрессе изобретательности.

Наша утренняя прогулка состоится в садах покойного графа Брюля, расположенных на высоких берегах Эльбы. Невозможно представить себе ничего более восхитительного, чем вид с высокой террасы в этих садах. Великолепный дом графа в настоящее время лишен многих своих величайших украшений. Прекрасная коллекция картин была продана императрице России за 150 000 риксдалеров. Библиотека, которая находится в саду, имеет двести двадцать футов в длину. Я не уверен, была ли абсолютно необходима такая большая комната для хранения книг этого дворянина; но, по крайней мере, для его гардероба требовалась комната такого размера, если приводимое о ней описание справедливо. Они рассказывают нам, что у графа было по меньшей мере триста различных костюмов; у каждого из них был дубликат, поскольку он всегда переодевался после обеда и не хотел, чтобы днем его платье выглядело иначе, чем утром. Изображение каждого костюма вместе с принадлежащими к нему тростью и табакеркой было очень точно зарисовано в большой книге, которую его камердинер каждое утро преподносил его превосходительству, чтобы он мог выбрать платье, в котором хотел бы появиться в течение дня. Этого министра обвинили в том, что он накопил огромное состояние. Однако верно и обратное. Его дом и сады теперь принадлежат курфюрсту.

Саксонские войска имеют очень красивый вид. Мужчины в целом красивы и хорошо сложены. Ни они, ни их офицеры не отличаются такой прямоотой и чопорностью в своих манерах, как пруссаки. Я так долго привык к последним, что это различие очень сильно поразило меня с первого взгляда. Форма гвардейцев красно-желтая; форма маршевых полков белая. Солдаты летом носят только жилеты, даже когда они заступают в караул; и всегда выглядят чрезвычайно опрятно. Сержанты, помимо прочего оружия, имеют большой пистолет. Он так удобно прикреплен к левому боку, что не доставляет никаких хлопот. Музыкальный оркестр саксонской гвардии - самый полный и прекрасный из всех, что я когда-либо видел.

Я не ожидаю получить от вас никаких отчетов до нашего прибытия в Вену; но, вероятно, я снова напишу из Праги, куда мы намерены отправиться завтра.

ПИСЬМО LXXXI.

Прага.

Богемия, хотя и ни в коем случае не такая плодородная и прекрасная страна, как Саксония, не заслуживает той дурной характеристики, которую ей дали некоторые путешественники. Я подумал, что многие места очень красивы и разнообразны самыми приятными сельскими предметами.

Прага, столица Богемии, стоит в долине, окруженной со всех сторон холмами. Те, что находятся ближе всего к городу и господствуют над ним, находятся внутри укреплений. Это очень большой город, сохранивший некоторые признаки бывшего великолепия, но со многими более очевидными симптомами нынешнего упадка — симптомами, которые естественным образом присущи тем местам, которые когда-то были резиденцией королевской семьи и которыми больше не являются.

Все дома, имеющие какой-либо вид великолепия, старые, и маловероятно, что какие-либо новые будут построены в таком стиле: богемская знать, которая в силу обстоятельств вынуждена нести такие расходы, живет в Вене, а торговля и мануфактуры этого города недостаточны для того, чтобы позволить кому-либо из меркантильных людей строить прекрасные дома.

В какой бы степени этот город ни пришел в упадок в богатстве и великолепии, набожность его жителей, несомненно, процветает как никогда. Я не помню, чтобы где-либо видел столько ярких знаков преданности. Углы улиц, мосты и общественные здания украшены распятиями, изображениями Пресвятой Девы всех размеров и комплекции, а также статуями Святых всех стран, состояний, возраста и пола. Людей можно увидеть стоящими на коленях перед этими статуями в каждой части этого города, но особенно на большом мосту через Молдав, где наблюдается наибольшее скопление пассажиров. Этот мост так обильно украшен статуями Святых, что, переходя по нему, вы видите их рядами с каждой стороны, как две шеренги мушкетеров.

Путешественники, особенно те, которые прибывают прямо из Берлина, должны быть поражены набожностью людей в этом городе, в особенности той горячностью, с которой ее выражают те, кто предстает перед святыми на мосту.

Не довольствуясь коленопреклонением, я видел, как некоторые падали ниц, целуя землю; и других, которые возносили свои прошения этим святым с такой серьезностью и рвением, что, если бы их сердца не были каменными, они, должно быть, уделяли просителям больше внимания, чем казалось на первый взгляд.

Есть один святой, у которого больше приверженцев, чем у всех остальных, вместе взятых, — святой Непомук, кажется, они называют его: — Поскольку мое знакомство со святыми невелико, я никогда не слышал о нем, пока не приехал сюда, но его репутация очень велика в этом городе. Этот святой, по-видимому, был сброшен с моста по приказу какого-то жестокого тирана, и при падении он сломал шею, предполагается, что с тех пор он сохранил особую привязанность к мостам; эффект, несколько отличающийся от того, чего следовало ожидать от причины; однако люди здесь убеждены, что так случилось со святым Непомуцем; и чтобы этот факт не подвергался сомнению, в данный момент он является святым-покровителем мостов; — почти все в Богемии посвящены ему. У него также репутация превосходящего всех святых на небесах в излечении женщин от бесплодия. — Как сформировался его характер для этого, я не спрашивал.

Это печальное размышление о том, что богатые более небрежно относятся к религиозным обязанностям, чем неимущие, и что бедность и набожность так часто связаны друг с другом. Я часто замечал, когда мы останавливались в каком-нибудь городе или деревне, где были признаки крайней бедности, что жители казались также необычайно набожными.

Кажется, что надежда - более сильное чувство в человеческой груди, чем благодарность, поскольку те, кто должен испытывать наибольшую благодарность к Небесам, проявляют ее меньше всего.

Мы нашли знакомого в Праге, когда меньше всего этого ожидали; ибо, когда мы с Д-ром Х. и я стояли и разговаривали на улице, священник, принадлежащий к учебной семинарии в этом городе, подслушал нас; на этом он остановился и, посмотрев на нас некоторое время очень серьезно, наконец подошел и обратился к нам со следующими словами: — Теперь я уверяю вас, что я тоже ирландец. Такое легкое знакомство вскоре создало некоторую интимность; я спросила, откуда он так легко узнал, что мы ирландцы? Разве я не слышала, как ты говоришь по-английски, моя дорогая? - ответил честный священник, потому что он действительно был очень честным и услужливым парнем и самым полезным и занимательным Чичероне, которого мы могли бы иметь в Праге.

После посещения королевских апартаментов нам показали окно в кабинете государственного секретаря, из которого в 1618 году были выброшены трое дворян. Это был довольно жестокий способ отстранения людей от власти; но, вероятно, оппозиционная партия тщетно пыталась использовать более мягкие средства.

Поскольку одно из величайших применений истории - преподносить уроки и примеры, которыми могут воспользоваться потомки во все века, я не думаю, что было бы лишним напомнить вашим друзьям из администрации об этой аванюре, чтобы они могли спокойно уйти, прежде чем их противники предпримут отчаянные меры. Ибо было замечено, что враги пошатнувшихся государственных деятелей гораздо активнее, чем их друзья, которые, когда дело доходит до последнего рывка, склонны держаться в стороне,

Как люди, наблюдающие на расстоянии,

Трое мужчин выброшены из окна,

Которые никогда не приходят им на помощь,

Но просто позвольте им удивиться.

Однако, если подобное возмущение возникнет в Англии, следует надеяться, что Аполлон (как он делал в старину, когда кто-либо из его друзей подвергался опасности) вмешается облаком и спасет министра; ибо при нынешней нехватке остроумия и хорошего настроения было бы тысячу раз жаль потерять человека, столь выдающегося и тем, и другим, одним отчаянным броском.

Мы прошли по высотам, с которых пруссаки пытались захватить город сразу после поражения принца Карла Лотарингского и графа Брауна. Бомбардировка этого города была более оправданной мерой обороны, чем бомбардировка Дрездена; ибо, хотя армия внутри находилась в состоянии уныния, естественном после проигранного сражения, и не была готова к осаде, можно было предположить, что замешательство и ужас, произведенные бомбардировкой, в сочетании с огромным расходом провизии таким многочисленным гарнизоном, побудили бы осажденных сдаться. Но хотя гуманность короля не подвергалась сомнению из-за его поведения здесь, я слышал, как многие военные порицали его за недостаток благоразумия, особенно из-за его отчаянной попытки под Колином, когда, оставив половину своей армии продолжать блокаду Праги, он выступил в поход с немногим более чем тридцатью тысячами человек и атаковал армию вдвое большей численности, хорошо расположенную и которой командовал один из самых способных генералов того времени.

В конце концов, более чем вероятно, что у короля были очень веские причины для такого поведения. Но поскольку попытка оказалась неудачной, и поскольку печальный поворот прусских дел может быть датирован той эпохой, голос порицания был очень громким, обвиняя действие, которое было бы превознесено до небес, если бы увенчалось успехом. Если бы Ганнибал по какой-либо случайности потерпел поражение при Каннах, очень возможно, что историки нашли бы множество причин, по которым ему не следовало участвовать в том сражении, и попытались бы доказать, что его прежние победы были одержаны случайно, и что он был простым невеждой в военном искусстве.

Прощай, мой добрый друг; я желаю тебе удачи во всех твоих начинаниях, чтобы мир продолжал считать тебя благоразумным человеком.

ПИСЬМО LXXXII.

Вена.

По прибытии в Вену почтальоны направляются прямо на таможенную, где багаж подвергается очень строгой проверке, которую не могут смягчить ни честные слова, ни деньги. Поскольку в нашем багаже не было обнаружено ничего контрабандного, все это было доставлено прямо к нам домой, за исключением наших книг, которые были сохранены для ознакомления на досуге и возвращены нам только некоторое время спустя. Императрица отдала строгий приказ, чтобы никакие книги, содержащие нечестие, похоть или безнравственность, не допускались в ее владения или распространялись среди ее подданных; и сам Магомет осмеливается так же быстро появиться публично в Вене, как и любая из них.

К сожалению для нас, сэр Роберт Кит недавно уехал в Англию и, как ожидается, вернется только через несколько месяцев. У нас есть основания сожалеть об отсутствии столь приятного и достойного человека; но все преимущества, которые мы могли бы получить от него как от министра, были предоставлены его секретарем мистером Эрнестом, который представил нас графу Дегенфельту, послу Генеральных Штатов. Этот джентльмен снабдил нас списком визитов, которые надлежало нанести, и имел любезность присутствовать на этом грандиозном турне.

В первый день нашего визита к князю Кауницу мы были приглашены на обед и застали в его доме очень многочисленное общество, многие из которых, как я впоследствии понял, были настроены в нашу пользу благодаря вежливым и услужливым письмам, которые барон де Свитен прислал из Берлина.

Некоторые знатные семьи находятся на своих местах в стране, о чем у нас было бы больше оснований сожалеть, если бы не вежливость и гостеприимство графа и графини Тун, в доме которых или в доме их сестры графини Вальштейн каждый вечер собирается приятная компания; среди них виконт де Лаваль, брат маркиза, с которым я имел честь познакомиться в Берлине. Виконт побывал так далеко на севере, что добрался до Петербурга, и намерен совершить турне по Италии, прежде чем вернется во Францию.

Город Вена, собственно так называемый, не имеет очень большой протяженности; и он не может быть расширен, поскольку ограничен сильным укреплением. Этот город очень густонаселенный: считается, что в нем проживает более семидесяти тысяч жителей. Улицы в целом узкие, а дома построены высоко. Некоторые общественные здания и дворцы великолепны, но внешне они выглядят без особых преимуществ из-за узости улиц. Главными из них являются Императорский дворец, Библиотека и музей, дворцы принцев Лихтенштейнов, Евгения и некоторых других, которые, я знаю, вы извините меня за то, что я их перечисляю или описываю.

Нет большой опасности, что Вена когда-либо снова подвергнется неудобствам осады. Тем не менее, на случай, если это произойдет, была принята мера, которая предотвратит необходимость разрушения пригородов: не разрешается строить домов без стен ближе к гласису, чем на шестьсот ярдов; так что вокруг города образовалось круглое поле шириной в шестьсот шагов, которое, за исключением вышеупомянутого преимущества, производит очень красивое и благотворное впечатление. За равниной строятся пригороды. — Они образуют очень обширный и великолепный город неправильной круглой формы, содержащий в своих недрах обширное поле, центром которого является первоначальный город Вена.

Говорят, что в этих великолепных пригородах и городе вместе взятых проживает более трехсот тысяч жителей; однако первые и близко не так многолюдны, пропорционально их размерам, как город; потому что у многих домов в пригородах есть обширные сады, принадлежащие им, и многие семьи, которые живут зимой в укреплениях, проводят летние месяцы в пригородах.

В настоящее время там проживает месье де Бретей, французский посол. Мы с герцогом обедали в его доме несколько дней назад. Этот джентльмен состоял при герцоге де Шуазеле и был назначен послом при этом дворе, в качестве которого он собирался отбыть из Парижа, когда

этот министр был отправлен в отставку покойным королем Франции, после чего г-н де Бретей вместо Вены был отправлен в Неаполь. Но с момента восшествия на престол нового короля он утвердился при дворе, для которого изначально предназначался. Он человек талантливый и не рассчитан на ситуацию, в которой талантам практически нет места для приложения сил.

Примерно через неделю после нашего прибытия в Вену мы имели честь быть представленными императору. Граф Дегенфельдт сопровождал нас во дворец между девятью и десятью часами утра. После нескольких минут ходьбы по соседней комнате нас провели в ту, где император был один. Его манеры приветливы, непринужденны и изящно просты.

В то же утро мы поехали в Шенбрун, дворец примерно в лиге от Вены, где в настоящее время проживает императрица. Мне было немало любопытно увидеть знаменитую Марию Терезию, судьбой которой Европа интересовалась на протяжении стольких лет. Ее великодушие, с которым она поддерживала бедствия, которым подвергалась в начале своей жизни, и умеренность, с которой она переносила процветание, обеспечили ей всеобщее одобрение. Она также была одна, когда нас представляли. Некоторое время она беседовала с Д-из Н- в непринужденной и веселой манере и вела себя со всеми с приветливым достоинством. Сейчас в ней сохранились лишь небольшие остатки той красоты, которой она отличалась в юности; но ее лицо свидетельствует о благожелательности и добродушии. Я часто слышал о скрупулезном этикете императорского двора, но обнаружил, что все прямо противоположно этому описанию.

Принц Кауниц, увидев молодого английского джентльмена, которому едва исполнилось четырнадцать лет, которому покровительствует д-р Х. и который сопровождал нас в этой поездке, пожелал, чтобы он также был представлен императору и императрице, что было соответствующим образом сделано, и они оба приняли его самым любезным образом. Я упоминаю это обстоятельство как убедительное доказательство того, насколько они превосходят при дворе мелкую щепетильность и насколько они смягчили церемонии со времени восшествия на престол семьи Лоррен.

Через два или три дня после этого мы были представлены при полном дворе двум незамужним эрцгерцогиням, их сестре принцессе Альберте Саксонской и принцессе Моденской, которая замужем за братом императора. Последняя пара недавно прибыла из Милана с визитом к императрице.

Члены императорской семьи необычайно красивы и имеют очень сильное сходство друг с другом. Все они светлокожие, с большими голубыми глазами, а некоторых из них, особенно эрцгерцога, отличает толстая губа, столь длинная в австрийской семье. Прекрасная королева Франции - самая красивая в этой семье только потому, что она самая младшая; некоторые люди думают, что у ее сестры, принцессы Альберт, все еще есть преимущество.

Одна из незамужних эрцгерцогинь, которая раньше считалась самой красивой, сильно пострадала от оспы. —Придворная дама рассказала мне, что, как только эта принцесса поняла, в чем заключалась ее болезнь, она потребовала зеркало и с искренней любезностью простилаась с чертами лица, которые, как она часто слышала, хвалили и которые, как она верила, сильно изменятся, прежде чем она увидит их снова. Умаление, которое оспа нанесла красоте этой принцессы, ни в малейшей степени не повредило ее добродушию или существенной черте ее характера, которая, по всем отзывам, совершенно приятна.

Когда король Пруссии увидел, что его армия потерпела поражение при Кунерсдорфе, после того, как он написал королеве, что уверен в победе; или когда кто-либо из тех монархов, примеры которым дает история, был свергнут со своих тронов в состояние зависимости или плена, несомненно, требовалась большая сила духа, чтобы перенести такие жестокие повороты судьбы; но, возможно, от женщины, красотой которой восхищается одна половина человечества и которой завидует другая, требуется больше, чтобы невозмутимо перенести ее потерю со всей гордостью своего народа. молодость. Если бы с этими красавицами-ветеранами, у которых никогда не было ничего, что придавало бы им значимость, кроме их лиц, которых мы видим все еще увядающими на стебле и сетующими, что они не могут сохранить майский цвет в декабрьские морозы, произошел такой несчастный случай, это, вероятно, убило бы их сразу и спасло бы им многие годы презируемого существования.

ПИСЬМО LXXXIII.

Вена.

Я никогда не проводил время так приятно, как с тех пор, как приехал в Вену. Не существует такого постоянного круга развлечений, который заполнял бы время человека без какого-либо плана или занятия по своему усмотрению; и все же их достаточно, чтобы удовлетворить любой ум, не совершенно пустой и не зависящий от внешних объектов.—Мы ужинаем за границей два или три раза в неделю. Иногда мы видим небольшую игру, но никогда - серьезную.—У графини Тун, где я обычно провожу вечера, нет никакой пьесы.—Тамошнее общество буквально превращается в *conversazione*.

Осмелюсь сказать, вы не сможете себе представить, как смешанная компания, иногда довольно многочисленная, может проводить несколько часов каждый вечер просто за беседой, особенно когда вам скажут, что беседа не всегда делится на вечеринки и тет-а-тет, а очень часто носит общий характер. Вы можете заподозрить, что должно быть много меланхолических пауз, которые по прошествии определенного времени затягиваются из-за нежелания людей первыми нарушать очень торжественное молчание; или вы можете подумать, что иногда одновременно будет говорить так много языков, что ничего нельзя будет расслышать отчетливо; и вы, возможно, представите себе хозяйку дома, которая в другое время пытается формальными замечаниями о погоде или политике поддержать разговор, который только что угасает во всех предсмертных зевках.

Однако ничего подобного не происходит. Графиня владеет искусством принимать гостей и заставлять их развлекать друг друга больше, чем кто-либо из моих знакомых. Обладая большим умом и совершенным знанием мира, она обладает самым бескорыстным сердцем. Она первая обнаруживает хорошие качества своих друзей и последней замечает их недостатки. Одно из ее величайших удовольствий - устранять предрассудки среди своих знакомых и укреплять дружеские отношения. У нее неиссякаемый прилив бодрости, которым она управляет с таким умением, чтобы радовать веселых, не вызывая неудовольствия унылых. Я никогда не знал, чтобы у кого-нибудь было такое количество друзей и столько щедрой дружбы, которой можно одарить каждого: она ежедневно заводит новых, не позволяя своему уважению к старым уменьшиться.

Она создала небольшую систему счастья в своем собственном доме, где сама является центром притяжения и единения. Никому не нужно оставаться ни на минуту в этом обществе после того, как устала.—Они могут удалиться, когда им заблагорассудится.— На вход или выход любого человека, которого однажды приняли, обращают внимания не больше, чем на то, что муха залетает в комнату или выходит из нее.— Здесь нет и тени сдержанности.—Если вы ходите туда каждый вечер, к вам всегда относятся с одинаковой добротой; а если вы отсутствуете месяц, по возвращении вас принимают с такой же радостью, как если бы вы были там каждый вечер.

Англичане, которые приезжают в это место, в особой степени обязаны этой семье не только за вежливый прием, который они обычно встречают, но и за те возможности, которые это предоставляет им для знакомства с главными людьми Вены. И я полагаю, что нет ни одного города в Европе, где молодой джентльмен по окончании университетского образования мог бы провести год с такой пользой; потому что, если его должным образом рекомендовать, он может легко общаться с людьми высокого положения и иметь возможность совершенствоваться в беседах с разумными мужчинами и образованными женщинами. Ни в одной столице он не мог бы увидеть меньше примеров или иметь меньше возможностей для глубокой игры, открытого расточительства или грубого разврата. Он может научиться приятно проводить время, независимо от непрерывного круга развлечений.— Он может постепенно научиться получать удовольствие от разумной беседы и, в конце концов, приобрести благословенную способность довольствоваться умеренными удовольствиями.

Вежливости графини Тун и рекомендации барона Свитена я обязан приятными отношениями с принцем Кауницем, который в настоящее время живет в Лаксенберге, приятной деревне примерно в десяти милях от Вены, где есть небольшой дворец и очень обширный парк, принадлежащий императорской семье.

Принц Кауниц недавно построил там дом и живет в столь же гостеприимном и великолепном стиле. До обеда его видят только деловые люди; но за ужином у него всегда довольно большая компания, и еще большее количество венцев проводит вечера в Лаксенберге; нередко компанию им составляет сам император. Этот министр много лет пользовался благосклонностью императрицы. Он был ее посланником при заключении мирного договора в Экс-ла-Шапель в 1748 году и с тех пор входит в состав ее кабинета министров. В настоящее время он является министром иностранных дел и, как предполагается, имеет на нее большее влияние, чем любой другой человек.

Он, безусловно, человек знающий, гениальный и преданный, и дела этого двора значительно преуспели под его руководством. Его друзья очень привязаны к нему, и он проявляет большую проницательность в поиске и найме талантливых людей. Он друг и покровитель Монса. de Swieten. Предполагается, что он консультировал французский союз и вел переговоры с ним, однако он всегда был сильно пристрастен к британской нации.— У него есть некоторые особенности; но поскольку они не затрагивают ни одной существенной части его характера, о них нет необходимости упоминать.

ПИСЬМО LXXXIV.

Вена.

Я имел удовольствие получить от вас последнее сообщение, в котором вы сообщаете мне, что наш знакомый С ... ведет переговоры о скором отъезде в Вену. Поскольку ничто так не утомляет, как общество того, кто постоянно устает от самого себя, я был бы встревожен вашей информацией, если бы не был абсолютно уверен, что его пребывание здесь будет очень коротким, приезжайте, когда он пожелает.

Однажды утром, летом перед моим отъездом из Лондона, Ко мне домой зашел К.—Я остался в городе только потому, что у меня не было никаких особых дел в другом месте;—но он заверил меня, что город превратился в пустыню; —что стыдно показываться на улицах; — что весь мир - Брайтхелмстоун.Итак, я позволил ему проводить меня в то место, где мы пробыли всего несколько дней, когда он сказал мне, что никого из дорогих ему людей там нет; и поскольку меня ничто особенно не задерживало, он попросил меня об одолжении сопровождать его в Танбридж.Мы отправились туда, и, к моему великому удовлетворению, я нашел там семью мистера Н. К— оставался довольно тихим около четырех дней; - на пятый день он сильно зевал; — а на шестой, я думал, он вывихнет челюсти. Когда он понял, что я доволен этим местом и не прислушиваюсь ни к одному из его намеков на то, чтобы покинуть его, он, наконец, притворился, что получил письмо, из которого ему было совершенно необходимо отправиться в Лондон, — и уехал.

Я пробыл в Танбридже три недели.По возвращении в город я узнал, что К. снял на лето приличный меблированный дом в Йоркшире, где он уже провел неделю, предварительно пригласив подругу поехать с ним.— Он оставил сообщение в городе, что его не следует ожидать до заседания парламента. Хотя я никогда не предполагал, что он пробудет здесь так долго, все же я был немного удивлен, увидев его входящим в мою комнату через два дня после того, как я получил этот отчет.— Он сказал мне, что ему совершенно не нравится его дом, а еще больше — его компаньонка. - и, кроме того, ему безумно захотелось съездить в Париж, который, как вы знаете, - добавил он, - самое восхитительное место в мире, особенно летом; ведь компания никогда не думает бродить по деревне, как наши легкомысленные дурачки в Англии, но остается вместе в столице, как и подобает разумным людям.

Затем он предложил нам собрать кое-какие вещи, занять должность, проехать мимо и провести пару месяцев в Париже. Обнаружив, что мне не понравилось это предложение, он написал извинения леди в Йоркшире, приложив банковский счет, и на следующий день отправился в путь один. Я больше ничего не слышал о нем в течение шести недель, но по прошествии этого времени, случайно оказавшись в Бате, я увидел, как мой друг К. вошел в бювет. — Боже, - сказал он, - ты поступил мудро, оставшись дома. — Париж стал самым безвкусным местом на земле. — Я не мог выдержать там больше десяти дней.Но, наслушавшись о Голландии, я даже совершил прогулку в Амстердам, который, между друзьями, показался мне немногим более забавным, чем Париж; через два дня после моего прибытия, обнаружив английский корабль, готовый к отплытию, я подумал, что было бы жаль упустить такую возможность. Поэтому я заказал свой сундук на борт.—У нас было неприятное путешествие. —Однако несколько дней назад я благополучно прибыл в Харвич. После этого наброска образа мыслей бедняги К., как видите, у меня нет причин опасаться, что он надолго останется с нами, если все-таки приедет.

Иностранцы утверждают, что англичанам присущ этот беспокойный нрав в большей степени, чем любому другому народу в Европе.

Il faut que votre ville de Londres soit un triste séjour.— Я спросил человека, который сделал мне это замечание, почему он так подумал?—Parceque, — ответил он, - вы наш молодой род, потому что я вижу, как Франция умирает. - Но, сказал я, в Лондоне очень много ваших соотечественников.—Assurément, - ответил он с вежливой дерзостью, - cela fait une différence.

Наш климат обвиняют в том, что он вызывает эту скуку. Если я правильно помню, я ранее намекал на некоторые доводы против этого мнения, и в последнее время я начинаю подозревать, что чрезмерное богатство определенных лиц и состояние общества в нашей столице являются единственными причинами того, что среди нас эта болезнь встречается чаще, чем у наших соседей. Простой народ Англии ничего об этом не знает, как и трудолюбивые люди любого ранга, независимо от того, являются ли их целью богатство, знания или слава. Но в Англии больше, чем в любой другой стране, молодых людей, которые становятся обладателями больших состояний до того, как у них появляется какой-либо устойчивый и решительный вкус, который может служить источником дохода и занятием на всю жизнь.

Когда юноша приобретает привычку к трудолюбию, жажду знаний или славы, самое большое состояние, которое может выпасть ему впоследствии, не всегда может разрушить уже сформировавшиеся склонности и страсти, особенно если страстью является честолюбие, которое обычно придает уму такую энергию и побуждает к таким продолжительным усилиям, которые в достаточной степени предотвращают апатию и утомление; ибо богатство не может усыпить или удовольствие ослабить ум, сильно вдохновленный этим активным принципом. Следовательно, о таком в настоящее время не может быть и речи. Но когда на первом месте стоит полное и неконтролируемое распоряжение деньгами, и каждый объект удовольствия находится в пределах досягаемости неамбициозных людей, все другие занятия слишком часто презируются; и пренебрегается любым вкусом или достижением, которые могли бы наполнить или укрепить ум и заполнить скучные промежутки жизни.

Молодой человек в такой ситуации склонен к излишествах, он редко ожидает естественного возвращения аппетита любого рода; —его чувствительность притуплена слишком частым наслаждением;—то, что желательно сегодня, вызывает отвращение завтра;-каждая вещь на расстоянии, которая носит название удовольствия, является объектом желания;—когда она присутствует, она становится объектом безразличия, если не отвращения.—Возбуждение от игр пытаются предотвратить ужасный застой праздности: —Все развлечения теряют свой вкус и служат усилению вялости, которую они должны были изгонять.

С возрастом усиливаются капризы, сварливость и раздражительность. — Сцена часто меняется; но постоянно разыгрывается одна и та же раздражительная пьеса, пока занавес не опускается или не опускается самим нетерпеливым актером до естественного завершения драмы.

Разве все это не происходит во Франции и Германии?— Несомненно; но не так часто, как в Англии, по уже упомянутым причинам. Во Франции очень небольшая часть молодых людей

бесконтрольно владеет огромными состояниями. У них нет средств удовлетворять каждое желание и потакать каждому капризу. Вместо того чтобы проводить время в клубах или тавернах с людьми своего возраста, большая часть молодой знати проводит вечера в какой-нибудь частной семье или в тех обществах обоих полов, в которые они имеют право входить. Там приличия, подобающие такому обществу, конечно, сдерживают живость и распутство их поведения и разговоров; и происходят приключения, которые интересуют и забавляют, не вызывая тошноты, вялости и угрызений совести, которые часто следуют за ночами, проведенными за игорным столом, или за распушенностью ужинов в тавернах.

Ничто так не влияет на характер, расположенность и манеры молодого человека, как постоянное пребывание в обществе тех, кого он уважает. За исключением улучшения, которое он может получить от их беседы, он приучен к самоотречению и должен отказаться от многих поправок, которые ведут к лености и вялости.

Молодые французские аристократы, даже несмотря на то, что у них не должно быть ни большого честолюбия, ни любви к учебе, ни особой склонности к каким-либо из тех высших достижений, которые позволяют людям коротать часы жизни независимо от других развлечений, все же ухитряются держать *tædium* на расстоянии усилиями иного рода, деятельностью, присущей только им; они очень рано осознают абсолютную необходимость нравиться. Это чувство пронизывает их общее поведение и играет большую роль в формировании их настоящего характера. Они внимательны и услужливы ко всем и особенно стараются приобрести и сохранить дружбу тех, кто может помочь их благосостоянию; и у них есть вкус к жизни, потому что не всегда в их силах предвкушать удовольствия, и они не могут утолить свой аппетит пресыщением. Даже самые распушенные из них незнакомы с безграничной свободой трактирной жизни, где можно без колебаний потакать всем причудам причудливого ума и капризного вкуса и которая после долгого потакания делает любое другое общество невыносимым.

Что касается немцев, то среди них очень мало людей с большим независимым состоянием. У маленьких принцев, в руках которых сосредоточены богатства страны, есть, я подозреваю, свои собственные трудности, мешающие им жить с какой-либо сносной степенью удовлетворения. Что же касается их младших братьев и среднего дворянства, то они идут в армию и подвергаются строгому и неустанному надзору военной дисциплины. Это, как следствие, формирует характер, во многих отношениях отличный от характера английского или французского джентльмена.

Но я еще не упомянул об обстоятельстве, которое из всех других, возможно, больше всего способствует превращению Лондона в *triste séjour*, каким его часто находят иностранцы; я имею в виду учреждение клубов, из которых исключена та часть общества, которая обладает наибольшей властью смягчать заботы и оживлять радости жизни.

БУКВА LXXXV.

Вена.

Недавно мы получили приглашение от Монса. де Бретей отобедать на вершине горы Каленберг, очень высокой горы в окрестностях этого города. Обычные кареты или колесницы невозможно вытащить наверх; но, спустившись на дно, мы нашли фаэтоны особой конструкции, рассчитанные на подобные экспедиции. Они были заказаны послом для размещения компании, и в них нас доставили на вершину, где находится монастырь монахов, откуда открываются два пейзажа совершенно противоположной природы. Один состоит из ряда диких гор; другой - из города, пригородов и окрестностей Вены с различными притоками Дуная, протекающими через богатое шампанское безграничной протяженности.

Стол для ужина был накрыт в поле недалеко от монастыря, в тени нескольких деревьев.— Были поданы все деликатесы сезона. - Мадам де Матиньон, очень красивая и жизнерадостная дама, дочь месье де Бретей, оказала честь. Несколько лучших женщин Вены, ее спутниц, были в компании; и все представление проходило с таким же вкусом и весельем.

Во время десерта подошли несколько Отцов церкви и подарили компании корзины с фруктами и салатом из своего сада. Посол пригласил их сесть, и дамы пообещали им токайское. Монс. де Бретей заранее получил разрешение для дам войти в монастырь, что они, соответственно, и сделали, как только встали из-за стола в присутствии всей компании.

Вы легко поверите, что появление такого количества красивых женщин было бы особенно интересно сообществу, которое никогда прежде не видело женщину в своих стенах. Это действительно было достаточно очевидно, несмотря на серьезность и подавленные взгляды Отцов.

Одна дама веселого нрава взяла в руки маленький бич, висевший на поясе у одного из Отцов, и пожелала, чтобы он подарил его ей, поскольку она хотела воспользоваться им, когда вернется домой, поскольку, по ее словам, была великой грешницей. — Отец с большой галантностью попросил ее пощадить свою белую кожу, заверив ее, что он хорошенько выпорот себя за нее сегодня же вечером; и чтобы доказать, насколько он серьезен, упал прямо на колени перед маленьким алтарем и начал хлестать себя плетью. Он с большой серьезностью расправил плечи, заявив, что, когда дамы удалятся, он с такой же силой возложит его на свое обнаженное тело; ибо он был полон решимости, что она должна быть так же свободна от греха, как и в день своего рождения.

Это растопило сердце леди.—Она умоляла отца больше не взваливать на свои плечи ее ошибки. - Теперь она заверила его, что ее промахи были очень простительными и что она убеждена, что то, что он уже сделал, оправдывает ее так же полностью, как если бы он выпорол себя до костей.

Во всем этом есть что-то настолько нелепое, что вы, естественно, можете заподозрить, что приведенное мной представление исходит скорее из вымысла, чем из памяти. Однако я совершенно серьезно заверяю вас, что сцена произошла примерно так, как описано; и, чтобы предотвратить дальнейшие неприятности, я положил бич, которым воспользовался ревностный Отец, в свой карман.

Вернувшись в Вену, я в тот же вечер зашел к графине Вальштейн, и вскоре после этого туда приехал император. Кто-то уже упоминал ему о благочестивой доблести Отца на вершине горы Каленберг.—Он попросил показать хлыст, который, как он понял, я прихватил с собой: — Он все еще был у меня в кармане, и я немедленно показал его ему. - Он очень сердечно рассмеялся

над теплотой отцовского рвения, которое, как он предположил, было усилено токайским напитком посла.

Вы часто слышали о бесцеремонности и непринужденности, с которыми этот великий князь ведет себя со своими подданными. В репортажах не может быть преувеличения на этот счет. Графиня Уолштейн не ожидала, что он посетит ее в тот вечер. - Когда слуга назвал имя императора, прежде чем войти, я встал и собирался удалиться.—Графиня пожелала, чтобы я остался, ибо ничто не было для него более неприятным, чем то, что при его появлении кто-либо из гостей был потревожен.—Дамы оставались на своих местах, некоторые из них завязывали узлы все время, пока он оставался. Мужчины продолжали стоять, пока он стоял, и когда он сел, большая часть из них тоже села. Император напомнил графу Махони, испанскому послу, о его подагре и заставил его сесть, в то время как сам остался стоять.

Этот монарх беседует со всей непринужденностью и приветливостью частного джентльмена и постепенно соблазняет других разговаривать с ним с такой же непринужденностью. Он, несомненно, гораздо счастливее в этой благородной снисходительности и должен приобрести более совершенное знание человечества, чем если бы он держался в стороне от своих подданных, постоянно погруженный в собственную значимость и императорский мех.

ПИСЬМО LXXXVI.

Вена.

Манеры этого двора значительно изменились с тех пор, как здесь побывала леди Мэри Уортли Монтегю, особенно после восшествия на престол нынешней императрицы, чье понимание и приветливость позволили сократить многие из ранее использовавшихся надоедливых церемоний. Философский склад ума ее сына и дружелюбный и покладистый характер всей ее семьи, без сомнения, способствовали тому, что общество в целом стало более легким и приятным.

Люди разных рангов теперь легко ведут совместные дела и встречаются в общественных местах без каких-либо нелепых споров о прецедентности, которые так живо описала изобретательная английская леди.—И все же незначительная пунктуальность не изгнана так полностью, как, я полагаю, мог бы пожелать император, поскольку он сам является наименее щепетильным человеком в своих владениях: — ибо, несомненно, между различными классами подданных все еще существует большее разделение, чем того требовал бы здравый смысл. Настроения народа меняются очень постепенно, и требуются годы, прежде чем разум или даже пример Государя смогут преодолеть старые обычаи и предрассудки.

Высшие, или древние, семьи держатся так же отдельно от низшей, или новообразованной знати, как последние от граждан: так что низшим классам очень трудно находиться в обществе или иметь семьи, тесно связанные с семьями высших рангов. И что еще более важно в

политическом смысле, в правительстве есть определенные места, пользующиеся высоким доверием, которые не могут быть заняты никем, кроме высшей знати.

Не считаете ли вы, что правительству невыгодно сохранять в силе закон, который предписывает, что должности в государстве, требующие наибольших способностей, должны замещаться представителями того класса общества, в котором меньше всего шансов их найти?— Возможно, вышеупомянутое употребление почти эквивалентно такому закону. Что касается крестьян, о которых вообще не может быть и речи, то они находятся во многих частях владений императора в состоянии совершенного рабства и почти полностью зависят от землевладельцев.

Представления о одежде, похоже, полностью изменились со времен леди Мэри, и если наряды дам все еще столь же абсурдны, то, по крайней мере, не столь необычны; ибо они, как и остальная Европа, теперь переняли парижские моды.

Нынешняя раса австрийских дам не может отличаться ничем, кроме внешности, от своих бабушек, которые, если бы кто-нибудь из них был еще жив, возможно, были бы и сегодня так же красивы, как тогда, когда она писала; ибо само время едва ли могло исправить то уродство, которое, по ее словам, было в полном расцвете шестьдесят лет назад. Я еще не выяснял, какой метод изобрели родители, чтобы устранить это неудобство; но нет ничего более определенного, чем то, что оно устранено очень эффективно, поскольку в настоящее время при венском дворе нет недостатка в женской красоте.

В таком случае естественно предположить, что галантность сейчас должна быть более распространена, чем когда ее светлость была здесь. Но за исключением какой-либо реальной разницы, которая могла произойти в чувствах самих дам, они вынуждены соблюдать необычайную степень осмотрительности в этом конкретном случае, поскольку нет ничего более отвратительного в глазах ее Императорского Апостольского Величества. Она, по-видимому, считает, что дамы ее двора, подобно жене цезаря, должны быть не только свободны от чувства вины, но, что еще труднее, от подозрений, и по ее поведению ясно видно, что она слишком хорошо информирована, когда какой-либо скандал распространяется в ущерб кому-либо из них.

Что касается того, что леди Мэри называет суббраками и о чем она дала такой любопытный отчет, я не думаю, что в настоящее время они распространены при всей широте ее описания. Но здесь нет ничего необычного в том, что замужние дамы признаются в величайшей степени дружбы и привязанности к мужчинам, которые не являются их мужьями, и живут с ними в большой близости, не нанося ущерба их репутации и не вызывая подозрений, даже у представителей своего пола, в отступлении от законов скромности.

Однажды вечером у графа Туна, когда собралось довольно многочисленное общество, я заметил, что одна дама необычайно печальна, и спросил ее близкую подругу, которая случайно тоже была там, знает ли она причину этой печали?— Да, - ответила она. - Мистер де ..., которого она очень нежно любит, должен был быть здесь месяц назад; и вчера вечером она получила от него письмо, в котором сообщалось, что он не сможет приехать в Вену в течение месяца. Но скажите на милость, сказал я, знает ли муж вашей подруги об этой неистовой страсти, которую она питает к мистеру де...? "Да, да, - ответила она, - он знает это и с самым нежным сочувствием

относится к ее горю; он делает все, чего можно ожидать от любящего мужа, чтобы утешить свою жену, уверяя ее, что со временем ее любовь пройдет". Но она всегда заявляет, что у нее нет никаких надежд на это, потому что она чувствует, что это увеличивается с каждым днем.—Mais, au fond, continued the lady, cela lui fait bien de la peine, parceque malheureusement il aime sa femme à la folie. Et sa femme, qui est la meilleure créature du monde, plaint infiniment son pauvre mari; car elle a beaucoup d'amitié et d'estime pour lui;—mais elle ne scauroit se défaire de cette malheureuse passion pour Mons. de —.

Я несколько не удивился, что разочарование такого рода могло хоть немного затронуть женщину; но, признаюсь, меня поразило, что в такой момент она появилась на публике во всем блеске скорби, как молодая вдова, тщеславящаяся своими сорняками. Здесь ее друзья оплакивали эту страсть как несчастье: в Англии, если я правильно помню, такие несчастья обычно вменяются людям в вину как преступления.

ПИСЬМО LXXXVII.

Пресбург.

Недавно виконт де Лаваль предложил мне совершить с ним короткую поездку по Венгрии, я с готовностью согласился, и мы прибыли в этот город вчера утром.

Пресбург, который, как и Вена, является столицей Нижней Венгрии, имеет пригороды более великолепные, чем он сам. В этом городе Венгерские государства проводят свои ассамблеи, а в кафедральном соборе коронуется Суверен.

Нынешняя императрица нашла здесь убежище, когда баварский курфюрст был провозглашен императором в Праге, когда ее бросили союзники и когда Франция планировала ее уничтожение. Ее собственное великодушие, щедрая дружба Великобритании и мужество ее венгерских подданных в конце концов восстановили ее состояние и обеспечили ее семье то великолепное положение, которое они сейчас занимают в Европе.

Какой политик в 1741 году мог подумать, что в течение нескольких лет императрица будет в строгом союзе с Францией, а одна из ее дочерей воссядет на трон этого королевства? — Если бостонский прорицатель пророчествует, что Джон Хэнкок или его сын когда—нибудь потребуют в жены дочь Англии, - прошу вас, не ставьте слишком высокую ставку, что этого не произойдет.

Монс. сегодня утром мы с де Лавалем поднялись в замок, который представляет собой благородное готическое здание квадратной формы с башнями на каждом углу. Здесь хранятся регалии Венгрии, состоящие из короны и скипетра святого Стефана, первого короля. Они тщательно заперты на семь замков, ключи от которых хранятся у такого же количества венгерских дворян. Ни один принц не считается населением своим законным Сувереном, пока он не будет коронован диадемой короля Стефана; и у них есть представление, что судьба их нации зависит от того, останется ли эта корона в их владении. Поэтому во время опасности его всегда убирали в наиболее безопасные места.

Говорят, что турки, сознавая влияние такого предрассудка на умы простых людей, часто предпринимали попытки завладеть этим Палладием. Судьба Венгрии, похоже, теперь в значительной степени решена; так что, за исключением ценности, которую они придают короне как реликвии значительной древности, венграм не нужно беспокоиться о том, останется ли она в этом замке или в императорском дворце в Вене.

Согласно конституции Венгрии, корона по-прежнему считается выборной. Этот момент не оспаривается. Все, на чем настаивают, - это на том, что наследник Австрийского дома избирается так часто, как только появляется вакансия.

Пресбургский замок - обычная резиденция принца Альберта Саксонского, который женился на одной из эрцгерцогинь, очень красивой и образованной принцессе. Когда мы с мсье де Лавалем вошли в одну из комнат, мы увидели их в окне. Мы немедленно попятились и удалились, будучи в костюмах для верховой езды и сапогах. Монс. де Лаваль видел их высочества несколько дней назад в Шенбруне и думал, что они все еще там. Принцесса послала за нами вежливого слугу, которому было приказано провести нас по всем помещениям замка; сама она прошла в другую комнату, чтобы мы могли увидеть то, что она оставила.

Все принцессы австрийской семьи отличаются внимательной и услужливой вежливостью, что тем более примечательно, что те, кто много живет при дворах, часто приобретают вид вежливости, который ни к чему не обязывает. Блеск и отличия двора часто внушают чрезмерное тщеславие и имеют особую тенденцию поколебать непоколебимость женского понимания. Придворные дамы в целом, но особенно те, которые подчиняются тому, чтобы быть жалкими подхалимами при королевах и принцессах, склонны выставять себя на посмеище из-за высокомерного вида, который они принимают перед остальным миром, и, узурпируя значение королевской особы, наполняют сердца всех, кто их знает, такой ненавистью, какая совместима с презрением.

Из этой цитадели открывается очень обширный вид на обширные плодородные равнины Венгрии.

Пообедав в гостинице и без особых затрат угостившись токайским, мы отправились навестить виллу в четырех милях от Пресбурга, принадлежащую венгерскому дворянину. Этот дом расположен в восхитительном месте — сады разбиты немного чересчур методично; но парк и поля вокруг, где использовалось меньше искусства, демонстрируют необъятную роскошь природных красот.—Бродя по ним, мы вошли в небольшой лес в очень уединенном месте; углубившись в него, мы увидели почтенного вида старика с длинной бородой, который, протягивая руку, казалось, приглашал нас в уединенное место, которое мы внимательно наблюдали.

Виконт, которому не терпелось завязать знакомство с человеком столь гостеприимной наружности, подбежал к нему раньше меня; подойдя к нему, он остановился как вкопанный, а

затем, к моему крайнему изумлению, поднял ногу со всеми признаками негодования и сильно пнул бедного старого отшельника.

Не помню, чтобы я когда-либо в жизни был так потрясен; в то же время я был совершенно сбит с толку поступком, столь недостойным сам по себе и столь несовместимым с характером Монса. de Laval. Однако вскоре я примирился с обращением, которому подвергся старик, когда обнаружил, что этот почтенный человек был не тем честным человеком, за которого мы его принимали, а откровенным самозванцем, сделанным из раскрашенного дерева и одетым в одеяние отшельника, чтобы обманывать пассажиров.

Над дверью была надпись из Горация —

Odi profanum vulgus,

На внутренней стороне двери—

Fata volentes ducunt, nolentes trahunt.

А в другой части, внутри эрмитажа —

Omnes eodem cogimur: omnium

Versatur urna, serius ocius,

Sors exitura, et nos in æternum

Exilium impositura Cymbæ.

Там также было несколько надписей, взятых у Цицерона, в пользу бессмертия души, которые, к сожалению, я забыл расшифровать. Вечером мы вернулись в это место, а завтра должны отправиться к принцу Эстерхейзи.

ПИСЬМО LXXXVIII.

Вена.

Покинув Пресбург, мы проехали восемь постов по очень плодородной местности до дворца Эстерхази, резиденции принца с таким именем. Он первый по рангу среди венгерской знати и один из самых великолепных подданных в Европе. У него есть собственные телохранители, все благородного вида мужчины, богато одетые на венгерский манер.

Дворец представляет собой благородное здание, недавно законченное и расположенное рядом с прекрасным озером. Апартаменты столь же величественны и просторны: мебель более великолепна, чем почти все, что я видел в королевских дворцах. В апартаментах самого принца есть несколько любопытных музыкальных часов, в том числе один в форме птицы, который каждый час насвистывает мелодию.

Рядом с дворцом находится оперный театр и другие драматические представления, а в садах - большой зал с просторными помещениями для маскарадов и балов.

Неподалеку находится еще один театр, специально построенный для кукольных представлений. Он гораздо больше и просторнее большинства провинциальных театров и, смею утверждать, является самым великолепным из всех, что когда-либо были созданы в Европе для такого рода актеров. Мы сожалели, что не смогли иметь удовольствия увидеть их выступление, поскольку у них репутация лучших комиков Венгрии.

Нам было любопытно заглянуть за занавеску, и мы увидели королей, императоров, турок и христиан, все они были очень дружелюбны вместе.—Царя Соломона наблюдали в углу за очень подозрительным тет-а-тет с царицей Савской.

Среди прочих диковинок в саду есть деревянный домик, построенный на колесах. В нем есть комната со столом, стульями, зеркалом, камином и каминной полкой. Также есть шкафы со множеством необходимых приспособлений. Принц иногда принимает двенадцать человек в этом экипаже, все они могут легко разместиться за столом, и вся компания может, таким образом, вместе прогуляться по дорожкам сада и многим частям парка, ровным, как площадка для боулинга. Нагруженная таким образом машина легко управляется шестью или восемью лошадьми.

Принц Эстерхейзи, услышав о присутствии мсье де Лавалья в саду, прислал нам приглашение в оперу, которая должна была быть представлена в тот вечер; но поскольку у нас не было с собой подходящего для такого случая платья, мы были вынуждены отклонить это любезное приглашение.— После этого принц прислал карету, в которой мы объехали сад и парки. Они огромны и неописуемо прекрасны; беседки, фонтаны, аллеи, леса, холмы и долины собраны вместе в очаровательном беспорядке.—Если вы прочтете описание Ариосто садов на волшебном острове Альцины, у вас сложится представление о романтических полях Эстерхази, которые также населены такими же животными.

Tra le purpuree rose e i bianchi gigli,
Cha tepid aura freschi ognora serba,
Sicuri si vedean lepri e conigli:
E cervi con la fronte alta e superba,
Senza temer che alcun li uccida o pigli,
Pascono, e stansi ruminando l'erba:
E Saltan daini e capri snelli e destri,
Che sono in copia in quei luoghi campestri.

Мсье де Лаваль был в восторге от садов Эстерхази. В разгар его восхищения я спросил его, как, по его мнению, они выглядят по сравнению с Версалем?

Ах, Парблү! Monsieur, answered he, Versailles étoit fait exprès pour n'être comparé à rien. Однако он без труда признал, что, кроме Франции, ни одна другая страна, которую он видел, не была так прекрасна, как эта.

Побродив здесь много часов, мы вернулись в гостиницу, где нас ждал слуга с приветом от принца Эстерхейзи и корзинкой, в которой лежали две бутылки токайского, столько же шампанского и Олд Хок. Мы очень искренне сокрушались, что не можем иметь чести прислуживать этому великолепному принцу и лично поблагодарить его за такую вежливость.

В это время в гостинице находилась труппа итальянских певцов и актеров, готовившихся к выступлению в опере. Велись большие приготовления к приему императрицы и всего Двора, которые вскоре нанесут многодневный визит в Эстерхази. Хотя императорская семья и многие представители знати должны остановиться во дворце, тем не менее каждый уголок этой большой и просторной гостиницы уже приготовлен на заказ для компании, приглашенной по этому случаю.

Венгрия - очень дешевая страна, земля здесь бесконечно плодородна, и в некоторых местах выращивают самый почитаемый виноград в Европе. Он прекрасен своими озерами, извилинами Дуная и множеством ручьев, впадающих в эту прекрасную реку. В лесах Венгрии разводят породу лошадей, самых активных, выносливых и резвых, для своего размера, в мире. Они оказались очень полезными на войне, и гусары, или легкие драгуны австрийской армии, ездят на них верхом.

Мужчины в Венгрии удивительно красивы и хорошо сложены. Их внешность улучшается благодаря одежде, которая, как вы знаете, необычна и очень идет.

Леди М. У. Монтегю утверждает, что венгерские женщины гораздо красивее австрийских. Что касается меня, то я думаю о женщинах так же, как мсье де Лаваль о Версале: их ни с чем нельзя сравнивать, даже друг с другом. И поэтому, не беря на себя смелость сравнивать их красоту, можно в целом отметить, что там, где мужчины красивы и хорошо сложены, естественно предположить, что женщины будут обладать теми же преимуществами; ибо родители обычно уделяют воспитанию своих дочерей столько же внимания, сколько и сыновей. В подтверждение этой доктрины, я могу заверить вас, что в Венгрии я видел таких же красивых женщин, как и мужчины, и одна из самых красивых женщин, по моему мнению, в настоящее время при венском дворе - венгерка.

Ни один из подданных императрицы не облагается такими мягкими налогами и не пользуется таким количеством привилегий, как венгры. Отчасти это объясняется тем, что она с благодарностью вспоминает об их верности и привязанности в дни ее горя. Но хотя это чувство не было так сильно в ее груди, как есть на самом деле, есть политические причины для сохранения за ними тех же льгот; ибо ничто не может быть опаснее, чем лишать ответственности жителей пограничной страны, граничащей с закоренелым врагом. Ничто не могло порадовать турок больше, чем то, что сердца венгров оказались отчужденными от австрийского дома.

Я нашел эту страну и общество месье де Лавалья настолько приятными, что я был бы счастлив продолжить нашу экскурсию дальше; но он вынужден вскоре отправиться в Шамбери, чтобы

отдать свой долг графу д'Артуа, который, как ожидается, будет там прислуживать своей будущей супруге, принцессе Савойской. Поэтому мы вернулись прямой дорогой из Эстерхази в Вену.

ПИСЬМО LXXXIX.

Вена.

Итак, судьба бедняка окончательно решена, и теперь он обнаруживает, что разорение - это не такой уж безразличный вопрос, как он когда-то представлял. Я не вижу ни возможности для него выпутаться из своих нынешних трудностей, ни того, каким образом он сможет их преодолеть. Привыкший ко всякому роскошеству, как он может переносить неудобства бедности?— Рассеянный и невнимательный с детства, как он может прилагать какие-либо усилия для себя?—Его добродушие, благородная фигура и покладистый нрав сделали его хорошо принятым всеми.—Хотя у него не было никаких ожиданий от их дружбы, его компания казалась особенно приемлемой для тех, кто в настоящее время находится у власти: будет ли это так же и сейчас, когда ему больше не от чего зависеть, предстоит испытать. И я действительно думаю, что для него было бы лучше, если бы это было сделано сейчас, через пять или шесть лет.

Это бедствие было давно предвидено.— Казалось почти неизбежным, что рано или поздно оно должно было произойти; ибо у него не было ни осторожности, ни плана, ни цели в своей игре.— Продолжил он это только по привычке. Из всего человечества он меньше всего стремился к чрезмерному богатству; и, исключая азартные игры, он всегда жил в пределах своего дохода, не из желания сэкономить деньги, а просто потому, что у него не было вкуса к большим тратам.— Как часто мы видели, как он проигрывалогромные суммы тем, кто никогда не смог бы выплатить и половины, если бы ему посчастливилось их выиграть; и некоторым из них он одалживал деньги, которые позволяли им делать ставки против него?

Есть много беспечных молодых людей с большим состоянием, которые играют в том же стиле и руководствуются только мотивами нашего несчастного друга.—Каковы последствия?— Деньги какое-то время циркулируют среди них, но в конечном итоге остаются у лиц совсем другого характера.— Я не стану предполагать, что кто-либо из очень удачливых игроков, с которыми мы были знакомы, использовал для исправления состояния те средства, которые обычно считаются мошенническими. Я полностью убежден, что в лондонских клубах они практикуются реже, чем в любых других игровых обществах мира.—Пусть ни о какой легкомыслии и любом откровенном шулерстве не может быть и речи; но все же мы можем предположить, что среди огромного числа беспечных невнимательных людей удачи есть несколько осторожных, хладнокровных и проницательных людей, которые знают, как скрыть настоящую осторожность и умысел под кажущейся невнимательностью и веселостью манер; —которые в совершенстве владеют собой, испытывают удачу, когда фортуна улыбается, и воздерживаются, когда она меняет свое расположение; — которые просчитали шансы и понимают каждую игру, где требуется рассудительность.

Если такие люди есть, разве вероятность бесконечного выигрыша не в их пользу?— Разве это не означает почти такой же уверенности, как если бы они действительно загрузили кости или упаковали карты?—Я знаю, что у вас вошло в привычку поддерживать близкие отношения с теми, кто соответствует приведенному выше описанию; и я слышал, как вы говорили, что, какими бы удачливыми они ни были, вы были полностью убеждены, что ничто не может быть честнее их манеры игры. Я обвиняю их в том, что они не извлекают никаких других выгод, кроме упомянутых выше; но я взываю к вашему собственному опыту, — прошу вас, вспомните, и я сильно ошибусь, если вы не обнаружите, что гораздо большая часть тех, кто сколотил состояния игрой и сохранил их, когда сколотил, - люди хладнокровные, осторожные, проницательные и эгоистичные.

Если бы кто-нибудь из этих очень удачливых людей предстал перед судом и допросил, каким образом они накопили такие суммы, в то время как многие другие полностью потеряли или сильно подорвали свое состояние (если позволить слову "дух" подразумевать то искусное превосходство, которое присуще их характерам), они могли бы ответить словами жены Кончини Маршала д'Анкре, когда ее спросили, каким очарованием она воспользовалась, чтобы очаровать ум королевы?—*De l'ascendant, she replied, qu'un esprit superieur a toujours sur des esprits foibles.*— Конечно, не может быть большей слабости, чем для человека с независимым состоянием играть таким образом, чтобы рисковать проиграть, ради шанса удвоить или утроить свой доход: потому что дополнительное счастье, возникающее в результате любого предполагаемого увеличения богатства, никогда не может быть в тысячу раз сильнее, чем несчастье, которое было бы следствием лишения его первоначального состояния.

Можно было бы предположить, что одного этого соображения было бы достаточно, чтобы удержать любого разумного человека от столь слабого и абсурдного поведения; однако есть и другие соображения, которые придают аргументу гораздо больший вес; — иногда наблюдалось, что мрачные последствия, которые продолжение игры оказывает на расположение ума и наиболее существенные стороны характера, разрушая всякое представление об экономии, поглощая все время, подрывая лучшие принципы, извращая качества сердца, делая людей черствыми к разорению знакомых, и соучастников, с дикой жестокостью. бесчувственность, добытая их неосторожными друзьями.

Особые случаи, с которыми мы с вами знакомы, когда длительная привычка играть по-крупному не имела таких последствий, являются доказательствами укоренившейся чести и порядочности определенных людей и могут служить исключениями из общего правила, но не могут быть приведены в качестве аргументов против обычной тенденции игры. Если бы люди состоятельные и добропорядочные переняли практику игры на основе какого-либо принципа рассуждения, была бы большая вероятность того, что их отговорили от этого; но большинство из них начинают играть не с какой-либо целью или определенным планом увеличения своего богатства, а просто как модное развлечение или, возможно, для того, чтобы показать щедрость своего духа и свое презрение к деньгам.

Я бы не был очень уверен, что некоторые из них не приняли за восхищение то удивление, которое выражается, когда какой-либо человек проигрывает огромную сумму. И эта ошибка, возможно, вызвала у них меньшее отвращение к мысли стать объектами восхищения в один и тот же день. Впоследствии, когда они пытались вернуть то, что они так бездумно потеряли, эта

привычка постепенно росла и, наконец, стала их единственным спасением от усталости, которой более других подвержены люди, рожденные в большом достатке и не приобретшие в раннем возрасте способности развлекаться. Люди, рожденные без таких ожиданий, каковы бы ни были их природные склонности, постоянно пробуждаются от лени занятиями, не терпящими отлагательства. Стремление к той независимости, о которой тоскует почти каждая человеческая душа и ценность которой неизвестна только тем, кто всегда ею обладал, считается необходимым и часто разумным, приятным занятием для большинства человечества. Этого, наряду с другими жизненными обязанностями, достаточно, чтобы занять их время и мысли и уберечь от *страданий и наказаний, связанных с бездельем*.

Поскольку погоня за богатством является излишней для людей высокого положения и состоятельных, то это было бы неподобающе их положению. Будучи лишены этого, что является столь важным объектом и ресурсом для остального человечества, они еще больше нуждаются в чем-то, что могло бы заменить их. Я не знаю ничего, что могло бы с такой полнотой и приличествующим случаем оказать такое воздействие, как вкус к литературе и любовь к науке. Поэтому я думаю, что они более необходимы для счастья людей высокого положения и большого состояния, чем для тех, кто находится в стесненных обстоятельствах.

Если человечество со всеобщим рвением стремится к независимости, путь науки не является ни самым надежным, ни кратчайшим путем к ее достижению. Но те, кто уже обладает этим, бесконечно нуждаются в другом, который научил бы их пользоваться своей независимостью с достоинством и удовлетворением и не позволил бы подаркам судьбы стать источниками страданий вместо счастья. Если они честолюбивы, изучение литературы, украшая их умы и расширяя их способности, облегчит их планы и сделает их более пригодными для высокого положения, к которому они стремятся. Если они лишены честолюбия, у них еще больше поводов для некоторых занятий наукой, как средством против томления уединенной или бездеятельной жизни.—Почему не тантус фруктус остендеретур, и даже за пределами его студий наслаждений в одиночестве; там, по общему мнению, нужно освободить животных, гуманизировать и либерализировать правосудие.

Эта любовь к литературе, рассматриваемая просто как развлечение и способ приятно заполнить свободные часы жизни, я полагаю, более необходима людям с большим состоянием, чем тем, у кого его нет; людям без честолюбия, чем тем, кого одушевляет эта активная страсть; и большинству англичан в большей степени, чем уроженцам Германии или Франции.—Немцам требуется очень мало разнообразия. Они всегда терпеливо и часто с удовлетворением переносят вялое однообразие жизни. Они проявляют невозмутимость при отвращении, что просто удивительно. Французы, хотя и не столь известны терпением, из всего человечества наименее подвержены унынию. Общественные дела, столь способные нарушить покой многих почтенных граждан Лондона, никогда не доставляют французу беспокойства. Если французское оружие увенчается успехом, он радуется от всего сердца; если оно окажется неудачным, он от всей души посмеется над командирами. Если его любовница добра, он превозносит ее доброту и отдает должное ее вкусу; — если она жестока, он высмеивает ее глупость в объятиях другого.

Ни один народ никогда не любил развлечений так сильно, и его так легко было развеселить. Кажется, это главная цель их жизни, и они ухитряются черпать ее из тысячи источников, в которых ни один другой человек никогда не думал, что ее можно найти. Не знаю, где я

познакомился со следующими строками; они естественны и непринужденны и, по-видимому, выражают поведение и чувства всей французской нации.

Пользовательский комментарий,

Fait toute ma philosophie.

Je crois ne perdre aucun moment

Hors le moment où je m'ennuie;

Et je tiens ma tâche finie,

Pourvu qu'ainsi tout doucement;

Je me defasse de la vie.

Наши соотечественники, обратившиеся к литературоведению, занимались каждой отраслью науки так же успешно, как и любой из их соседей. Но те из них, кто изучает простое развлечение, независимое от литературы любого рода, конечно, не были так счастливы в своих исследованиях, как французы. Многие вещи, которые развлекают последних, кажутся первым легкомысленными и пресными. Англичане рассматривают объекты через более темную среду. Менее тронутые весельем, чем их соседи, они больше подвержены жизненным невзгодам, при которых они слишком легко впадают в уныние. Они чувствуют, что их настроение падает при повторении сцен, которые поначалу казались приятными. Этот застой животного духа, по какой бы причине он ни возник, сам по себе становится причиной отчаянных решений и привычки к дебатам.

Следовательно, состоятельный человек, который может приобрести такое пристрастие к науке, которое заставит его причислить ее занятия к числу своих развлечений, тем самым сделал приобретение, имеющее большее значение для своего счастья, чем если бы он приобрел другое состояние, равное по стоимости своему первому. Я почти убежден, что вкус такого рода - единственное, что может сделать состоятельного человека (особенно если его состояние очень велико) сносно независимым и легким в жизни. По какому бы из путей науки он ни шел, его любопытство будет постоянно поддерживаться в тонусе. Его взору откроется неисчерпаемое разнообразие интересных объектов, — его ум пополнится идеями, — и даже когда честолюбивые устремления станут пресными, у него все равно будут противоядия от тедиума и (при прочих равных условиях) наилучшие шансы приятно прожить жизнь, которые дает человеку неопределенность человеческих событий.

БУКВА ХС.

Вена.

В вашем последнем письме вы проявляете такую страсть к анекдотам и, кажется, так хотите, чтобы я настаивал на манерах и характерах, что, боюсь, вам не понравится мое последнее длинное послание на тему, совершенно далекую от того, чего вы требуете. Но вы должны

помнить, что с самого начала этой переписки вы были предупреждены, что я сохраню за собой привилегию отвлекаться так часто, как мне заблагорассудится, и что в моих письмах часто должно быть рассказано о том, что я думаю, а также о том, что я вижу. Однако это должно полностью состоять из достопримечательностей.

Первая, о которой я упомяну, была выставлена вскоре после нашего прибытия в Вену. Это был праздник святого Стефана, на котором император публично обедал с рыцарями.

Он сидел во главе стола; его брат и шурин следовали за ним, а остальные рыцари сидели по старшинству. Эрцгерцоги и некоторые из главных придворных дам находились на балконе в зале, чтобы посмотреть на эту церемонию.—Император и все рыцари были одеты в мантии ордена. Венгерские гвардейцы с обнаженными саблями окружили стол.

Честь служить императору на этом торжественном мероприятии полностью принадлежит венграм. Когда он потребовал выпить, венгерский дворянин налил немного вина в кубок и попробовал его; затем он наполнил другой, который подал, преклонив одно колено. Император часто улыбался этому вельможе, когда тот проходил церемонию, и всем своим поведением, казалось, показывал, что он считает подобную покорность одного человека другому крайне неуместной и что он терпит это разыгрывание просто в соответствии с древним обычаем.

Желающих посмотреть на это пиршество было много, и мне не без труда удалось получить допуск; хотя, в конце концов, там не было видно ничего, кроме нескольких хорошо одетых мужчин, которые с сносным аппетитом съели превосходный ужин.

Начиная с праздника Святого Стефана, мы были свидетелями ежегодной церемонии в память о поражении турецкой армии и снятии осады Вены королем Польши Яном Собеским. Императорская семья и представители высшей знати обоего пола прошли торжественной процессией и по этому случаю прослушали мессу в церкви Святого Стефана. В середине улицы, ведущей от дворца к церкви, был воздвигнут помост, по которому шла компания, составлявшая процессию. Улицы были выстроены вдоль императорской гвардии, а окна и крыши домов были переполнены зрителями.—Д- из Ч- и я нашел очень хорошую позицию у окна с венецианским послом.

Эта церемония была бы слишком утомительной для императрицы: — Поэтому она не присутствовала: —Император, эрцгерцоги и герцогини со всей знатью присутствовали. За ними следовала огромная процессия епископов, священников и монахов, и по пути играл многочисленный музыкальный оркестр.

Поскольку это день ликования, считается, что самые богатые и яркие наряды наиболее выражают благочестивую благодарность, подобающую такому случаю. Дамы проявили свою преданность самым блестящим образом. Однако их умы были не настолько возвышены небесными созерцаниями, чтобы не обращать внимания на своих земных знакомых у окон, которых они приветствовали улыбками и кивками на ходу.

На следующий день императорская семья обедала публично, и многие люди пришли посмотреть на них. Я не принадлежал к их числу, хотя никто не может более искренне пожелать им наслаждаться всеми удобствами жизни. Я не знаю, по какому принципу королевская семья Франции и других стран Европы приняла обычай есть на публике. Они не могут себе представить, что зрелище, как они жуют и глотают свою пищу, может вызвать огромное

восхищение у зрителей. Конечно, считалось бы само собой разумеющимся, что они могли бы выполнять эти необходимые функции, хотя множество свидетелей не были допущены для подтверждения этого факта. Если эти представления предназначены для развлечения испытуемых, то для них можно было бы придумать тысячу более забавных; ибо какой бы интересной ни была роль актера на пиру, роль зрителя, несомненно, одна из самых безвкусных, какие только можно себе представить.

Но в тот же вечер в Шенбруне состоялся грандиозный маскарад, который в целом был более забавным.—По этому случаю было роздано четыре тысячи билетов.—Большой отряд драгун был размещен вдоль дороги из Вены, чтобы держать кареты в правильной линии и не допускать путаницы. Главные комнаты этого великолепного дворца были распахнуты для приема компании. В трех больших залах на первом этаже столы были накрыты холодным ассорти из всевозможных видов птицы, ветчины и кондитерских изделий, с ананасами и всевозможными фруктами. Их, со Старым соком, шампанским и другими сортами вина, с готовностью и изобилием подавали всем, кто их просил.

В конце большой столовой на возвышении стояло кресло для императрицы и нескольких сопровождавших ее дам. Здесь большой балет танцевали эрцгерцог, эрцгерцогини, принцесса Моденская и некоторые представители высшей знати в количестве двадцати четырех человек. Танцоры, как мужчины, так и женщины, были одеты в белый шелк, отделанный розовыми оборками и украшенный огромным количеством бриллиантов.

Этот балет был показан трижды с соответствующими интервалами. Те, кто видел его один раз, прошли в галерею и другие помещения, уступив место новой группе зрителей. В саду, на возвышенности напротив окон дворца, было возведено временное сооружение в форме большого и великолепного храма. Это было освещено невероятным количеством ламп и создавало видимость очень необычного архитектурного сооружения, которое продолжало гореть всю ночь и производило очень красивый эффект, если смотреть из Вены и других мест на большем расстоянии.

Император смешался с толпой без церемоний и отличий, сам принимая участие лишь в качестве зрителя. Он беседовал посреди зала в самой фамильярной манере с английским джентльменом, не заметив, что будет исполнен третий балет, когда церемониймейстер прошептал ему что-то на ухо. Император, схватив англичанина за руку, сказал: "Allons, monsieur, не надо спешить с уходом"; и немедленно вышел в другую комнату, чтобы уступить место тем, кто еще не видел танца.

Это великолепное развлечение было устроено для эрцгерцога и принцессы Моденской, чья обычная резиденция находится в Милане. Императрица, окруженная своими отпрысками, казалась веселой и счастливой.—Казалось, она наслаждалась оживлением и сочувствовала веселью компании.—Она очень любима своими собственными детьми и своими подданными в целом, которых она также считает своими детьми в большей степени, чем это обычно для государей.

Ошибочно полагать, что великая набожность имеет тенденцию портить характер; хотя следует признать, что она не всегда способна подсластить очень суровые стволы, к которым иногда прививается; но в характере, от природы доброжелательном, всякое доброе расположение

будет усилено и воодушевлено подлинным благочестием. Я видел тысячи примеров этого, и я полагаю, что ее Императорское Величество допускает один из них.

БУКВА ХСІ.

Вена.

Император среднего роста, хорошо сложен и имеет светлый цвет лица. Он имеет значительное сходство со своей сестрой, королевой Франции, что, на мой взгляд, многое говорит в пользу его внешности.— Пока я не увидел кое-что из его обычного поведения, я не думал, что человек, занимающий столь высокое положение, может так легко относиться к каждому, с кем он беседует.

Его манеры, как я часто упоминал, приветливы, услужливы и совершенно свободны от сдержанности и высокомерия, которые некоторые принимают из-за высокого происхождения. Тот, кто имеет честь находиться в обществе с ним, настолько далек от того, чтобы быть сдержанным такой презренной гордыней, что должен быть настороже и не допускать такой степени фамильярности, которая, какую бы снисходительность ни допускал один, была бы в высшей степени неприлична другому.

Он постоянен в своем образе жизни, умерен в своих удовольствиях, тверд в своих планах и прилежен в бизнесе. Он любит свою армию и считает, что солдаты должны иметь все удобства, соответствующие их положению. Он, безусловно, экономист и тратит очень мало денег на бесполезную пышность, любовниц или фаворитов; и, я полагаю, нет лучшего основания, чем это, что его враги обвиняют его в скупости.

Я не могу не считать экономность одним из самых полезных качеств принца. Щедрость, даже доведенная до неосторожности, может у частного человека проистекать из своего рода величия ума, потому что его состояние во всех смыслах принадлежит ему, и он не может причинить вреда никому, кроме самого себя, расточая его.— Он знает, что, когда она исчезнет, никто не возместит ему его расточительность. Поэтому он, по—видимому, принял решение смириться с неудобствами будущей бедности, а не отказываться от нынешнего счастья действовать с поразительной щедростью и одаривать других больше, чем он может себе позволить.

Это не относится к принцу.—То, что он разбазаривает, - это не его собственные, а общественные деньги.— Он знает, что его пышность будет поддерживаться и что его подданные, а не он сам, будут испытывать неудобства от его расточительности. Поэтому, когда я слышу, что король подарил большие суммы денег какому-либо конкретному лицу; по переданным суммам, человеку, который их получает, мотиву подарка и другим обстоятельствам я могу судить, хорошо распорядились этим или плохо; но ни в том, ни в другом случае это нельзя назвать щедростью.

Добродетель щедрости состоит в том, что человек лишает себя чего-то ради другого. Не может быть никакой щедрости в том, чтобы отдать Джону то, что Джеймс должен заменить в

следующий момент. То, что у королей называется щедростью, очень часто состоит в том, чтобы раздавать праздной части своих подданных те деньги, которые они выжали из трудолюбивых. Я слышал, как группа скрипачей и артистов оперы восхваляла принца за его благородное и великодушное отношение к ним, в то время как люди, близкие к его персоне, обладающие полезными талантами и реальной ценностью, испытывали нехватку хлеба.— Император, безусловно, не обладает подобной щедростью.

Его обычная одежда (на самом деле единственная, в которой я когда-либо видел его, за исключением праздника рыцарей Святого Стефана) - простая униформа белого цвета с красной отделкой.—Когда он едет в Лаксенберг, Шенбрун и другие места близ Вены, он обычно запрягает двух лошадей в открытую карету со слугой сзади и без какого-либо другого сопровождающего.—Он очень редко позволяет охраннику выйти, когда он проходит через ворота.—Ни у кого никогда не было большей склонности к разумному расследованию.—Он любит беседовать с изобретательными людьми.— Когда он слышит о каком-либо человеке, какого бы ранга или страны он ни был, отличающемся каким-либо особым талантом, он стремится побеседовать с ним и переводит разговор на тему, в которой, как считается, этот человек преуспел, вытягивая из него всю полезную информацию, какую только может. Из всех средств познания это, пожалуй, самое мощное и правильное, которое может быть использовано тем, чьи более необходимые занятия не оставляют ему много времени для учебы.

Он, по-видимому, придерживается мнения, что тщеславие и невежество многих правителей часто объясняются формами, в которые они облечены, и тем, что они лишены преимуществ, которыми остальное человечество пользуется благодаря свободному сравнению и обмену чувствами. Он убежден, что до тех пор, пока король не научится жить в некоторых обществах на равных и не сможет взвесить свои собственные заслуги, не бросая на чашу весов свою охрану и помпезность, ему будет трудно познать ни мир, ни самого себя.

Однажды вечером у графини Вальштейн, разговор шел в таком ключе, император перечислил несколько замечательных и смехотворных примеров нарушений этикета, имевших место при одном дворе. Один из присутствующих намекнул на эффективные средства, которые использовал его величество, чтобы устранить все неудобства подобного рода при Венском дворе. На что он ответил, что было бы действительно тяжело, если бы из-за того, что мне не повезло быть императором, я был лишен удовольствий светской жизни, которые так мне по вкусу. Все эти гримасы и парад, к которым люди в моем положении привыкли с колыбели, не сделали меня настолько тщеславным, чтобы воображать, что я в каком-либо существенном качестве превосхожду других людей; и если бы у меня была какая-то склонность к такому мнению, то самый верный способ избавиться от этого - это метод, которым я пользуюсь, вращаясь в обществе, где я ежедневно сталкиваюсь с тем, что уступаю по талантам тем, с кем встречаюсь. Сознывая это, я не доставил бы себе удовольствия напускать на себя вид превосходства, которого, как я чувствую, не существует. Поэтому я стараюсь нравиться и быть довольным и, насколько позволяет неудобство моего положения, наслаждаться благами общества, как другие люди, убежденный, что человек, который изолирован от них и возвышает себя над дружбой, также возвышается над счастьем и лишен средств приобретения знаний.

Такого рода формулировки нередки среди бедных философов; но я полагаю, что ими редко пользуются князья, и выводы, которые можно из них сделать, еще реже применяются на практике.

Через несколько дней после этого в Пратере состоялась выставка огненных работ. Это большой парк, засаженный лесом и окруженный Дунаем, через который перекинут деревянный мост. Поскольку экипажам проезд запрещен, компания оставляет свои экипажи в одном конце и идет пешком. С одной стороны моста есть узкая тропинка, огороженная перилами. Многие люди очень опрометчиво пошли по этому пути, на который с одного конца есть легкий вход, но с другого - трудный выход, потому что только один человек может выйти одновременно. Таким образом, тропинка очень скоро оказалась забитой; несчастные пассажиры ползли черепашьям шагом и самым стесненным и неприятным образом, какой только можно себе представить; в то время как те, кто придерживался широкой тропы посередине моста, подобно удачливым и богатым на своем жизненном пути, двигались непринужденно, совершенно не обращая внимания на плачевное положение своих попутчиков.

Несколько заключенных в узком проходе, небольшого роста и необычайно проворных, проползли под перилами и выбрались на широкий проход посередине; но все, кто был высок и крупнее сложением, были вынуждены остаться и покориться своей участи. Англичанин, который был у графини Уолштейн, когда император высказался так, как упоминалось выше, был последнего сорта. Император, проходя мимо, увидев, что люди небольшого роста выбрались сами, в то время как англичанин оставался неподвижным в очень затруднительном положении, крикнул: "Ах, месье!" Je vous ai bien annoncé combien il est incommode d'être trop *grand*.—A present vous devez être bien de mon avis;—Mais comme je ne puis rien faire pour vous soulager, je vous recommande à Saint George.

Есть люди, которые, наслышанные о необычайной приветливости императора и о его полном презрении к помпезности и параду, в которые так влюблена основная масса человечества, утверждали, что все это притворство. Но если весь смысл слов и поступков какого-либо человека рассматривать как притворство, я не знаю, какими средствами мы должны докопаться до сути его настоящего характера. Тем не менее, люди, у которых сильный вкус к какой-либо конкретной вещи, чрезвычайно готовы поверить, что страдают те, у кого другой вкус.

Я не помню, чтобы я когда-нибудь говорил вам, что наш друг Р., который превыше всего любит свою бутылку и который, я полагаю, ценит вас превыше всех людей, посвятил меня в ту черту вашего характера, о которой у меня никогда не было ни малейшего подозрения.

Однажды после обеда, когда пара бутылок пробудила в нем дружеские чувства и открыла ему сердце, ему пришло в голову перечислить ваши положительные качества, и в заключение списка он сказал, что вы не молокосос. - Я знаю, что означает это выражение в устах Р.... Поэтому я вытаращил глаза и сказал: "За всю свою жизнь я редко видел, чтобы ты выпивал больше трех бокалов за раз".— Я тоже, - сказал он; но поверьте мне на слово, он слишком честный человек, чтобы не любить хорошее вино, и я уверен, что его трезвость - сплошное притворство.

БУКВА XCII.

Вена.

Совсем недавно я вернулся из дома принца Лихтенштейна в Фельберге, Австрия, где я очень приятно провел несколько дней. Семья Лихтенштейнов - одна из первых в этой стране, независимо от того, рассматривается ли она с точки зрения древности, богатства или достоинства. Этот принц, помимо своих земель в Австрии, владеет значительными поместьями в Богемии, Моравии и той части Силезии, которая принадлежит императрице. Как и у принца Эстерхейзи, у него есть телохранители, которым он сам платит.— Я полагаю, что ни у кого другого в Европе нет такого отличия.

Фельберг - прекрасный старинный особняк, расположенный примерно в сорока милях от Вены. Апартаменты большие, удобные и обставлены в великолепном стиле, который преобладает в домах знати этой страны. Компания состояла из принца и принцессы, графа Дегенфельдта и его супруги, очень образованной женщины; герцога Х., мистера М., английского офицера, еще одного английского джентльмена и меня. Наше развлечение было во всех отношениях великолепным, особенно в том, что касалось внешности обслуживающего персонала. Некоторые представители австрийской знати возносят это великолепие на высоту, которую едва ли могли бы выдержать лучшие поместья Англии, где один лакей стоит дороже, чем четыре в этой стране.

На следующий день после нашего приезда завтрак был подан всей компании отдельно в их собственных апартаментах, как это принято здесь. После этого мы отправились на другую виллу, принадлежащую этому принцу, в шести милях от нас, где он намеревался развлечь нас охотой. Принцесса, графиня Дегенфельдт, герцогиня Кембриджская и капитан М. ехали в одной карете; принц, граф и я - в другой; два молодых принца со своим гувернером и молодой английский джентльмен - в третьей, с большой конной свитой.

Поскольку день, когда мы прибыли, был уже в самом разгаре, я предполагал, что охота начнется немедленно: —Но в этой стране все делается методично и в хорошем порядке, и было сочтено уместным пообедать в первую очередь. Завершив это в свое время, я подумал, что мужчины отправились бы прямо на место действия, оставив дам до их возвращения.— Но тут я снова обнаружил, что ошибся: — Дамы должны были помогать во всей этой экспедиции. Но поскольку возникла необходимость пересечь большой лес, в который не могли въехать кареты, были подготовлены транспортные средства более удобной конструкции. Я забыл, как называются эти вагоны. Они имеют форму скамеек с мягкими сиденьями, на которых шесть или восемь человек могут разместиться друг за другом. Они запряжены четверкой лошадей и скользят по земле, как сани, проезжая по тропинкам и бездорожью, по которым не проехать ни одной повозке на колесах.

После того, как нас таким образом перевезли через лес и на значительное расстояние за его пределы, мы вышли на очень большое открытое поле, на котором было несколько небольших круглых участков деревьев и подлеска на большом расстоянии друг от друга. До сих пор на этой охоте мы почти не утомлялись, потому что весь путь нас везли в каретах или на санях, которые все же легче любой кареты. Короче говоря, мы были совершенно пассивны с самого завтрака, за исключением времени ужина.

Но когда мы прибыли на эту большую равнину, мне сообщили, что охота начнется в течение очень короткого времени. Затем я ожидал, что нам предстоит какое-нибудь энергичное

упражнение после столь долгого бездействия, и начал опасаться, что дамы могут переутомиться, когда, о чудо! слуги принца начали расставлять несколько переносных стульев на небольшом расстоянии от одной из вышеупомянутых зарослей. Принцесса, графиня и остальная компания заняли свои места; и когда все расселись, они заверили меня, что охота вот-вот начнется.

Признаюсь, мое любопытство теперь было возбуждено в весьма необычной степени; и я был полон нетерпения увидеть результат охоты, которая проводилась в стиле, столь отличном от любого моего представления об этом развлечении. Пока я сидел, теряясь в догадках, я заметил на большом расстоянии длинную вереницу людей, двигавшихся к лесочку, возле которого расположилась компания. По мере того как они шли, они постепенно образовывали сегмент круга, центром которого был этот лес. Я понял, что это были крестьяне со своими женами и детьми, которые, идя таким образом вперед, будят дичь, которая, естественно, укрывается в чаще деревьев и кустарников. Как только это произошло, крестьяне ворвались со стороны, противоположной той, где заняла пост наша рота, выбили дичь, а затем началась резня.

Каждый человек был снабжен взрывателем, и многие другие были заряжены для немедленного использования. Слуги были заняты атакой так же быстро, как отстреливались шашки: так что стрельба велась непрерывно, пока дичь продолжала разлетаться или убегать из леса — принц почти никогда не промахивался. — Он сам убил более тридцати куропаток, нескольких фазанов и трех зайцев.

В начале этой сцены я был немало удивлен, увидев, как служанка вручает фузилу принцессе, которая с большим хладнокровием, не вставая со своего места, прицелилась в куропатку, которая тут же упала на землю. С такой же легкостью она убила десять или двенадцать куропаток и фазанов, сделав примерно вдвое больше выстрелов. — Работа, проделанная остальной частью компании, ни в коем случае не была значительной.

Хотя я и не слышал об этом раньше, теперь я понял, что стрельба - обычное развлечение немецких дам: и, вероятно, их внимание к деликатности прекрасного пола побудило выносливых немцев сделать это развлечение столь мало утомительным.

Затем компания направилась к другим небольшим участкам посадки, где, как и раньше, была выгнана и убита какая-то дичь. — На следующий день принц повел нас в другое свое поместье, где есть очень красивый открытый лес, полный оленей всех видов, некоторые из них самые крупные, которых я когда-либо видел. Здесь также водится большое количество диких кабанов, одного из которых, с разрешения принца, Д.Х.Н. убил.

Ничто не могло сравниться с вежливостью и великолепием, с которыми компания развлекалась на протяжении всего их пребывания. Принцесса - женщина с дружелюбным характером и хорошим пониманием; воспитывает своих детей и ведет свои дела с величайшей осмотрительностью и пристойностью.

Эта семья и многие представители знати, которые до сих пор находились в своих загородных резиденциях, теперь собираются вернуться в Вену. Семья месье и мадам де Перген живет здесь уже некоторое время. Эта дама - близкий друг графини Тун; и почти такая же компания, составляющая ее общество, собирается теперь дважды в неделю в доме мадам де Перген,

которая соперничает с графией в здравом уме и многих достоинствах и, не вызывая ревности или недоброжелательства, разделяет с ней уважение лучшего общества этого места. Приятная основа, на которой основано здешнее общество, и количество респектабельных людей, с которыми мы знакомы, наполняют меня сожалением при мысли о том, что я покидаю Вену; но Д-из Н - склоняется к тому, чтобы провести зиму в Италии. В самом деле, если бы он этого не сделал, ему пришлось бы отложить путешествие на целый год или смириться с неудобствами путешествия в летние месяцы, которых в столь жарком климате лучше избегать.

БУКВА ХСІІІ.

Вена.

Я ничего не сказал об австрийской армии, подозревая, что несколько переусердствовал с военными подробностями из Берлина, где тема моих писем постоянно была у меня перед глазами. Но у императора очень мало войск в венском гарнизоне. Они имеют прекрасный вид, и армия в целом одета более разумно, чем любая другая, которую я видел.

Вместо сюртуков с длинными полами их униформой является короткая куртка из белой ткани, жилет и бриджи из того же материала, и у каждого солдата есть сюртук из грубой серой ткани, который он носит в холодную или дождливую погоду. В хорошую погоду он сворачивает его в очень небольшую массу, и это практически не мешает в походе. Вместо обуви у них короткие сапоги, а вместо шляп они носят кепи из очень прочной кожи с медным околышем, которое обычно приподнимается, но при случае может быть опущено, чтобы защитить глаза от солнца.

За исключением очень немногих венгров, несущих службу во дворце, на австрийской службе нет войск с повышенным жалованьем и исключительными привилегиями, именуемых телохранителями; маршевые полки обычного состава образуют венский гарнизон и несут караульную службу поочередно.

Наглость преторианских банд в Риме, столь часто наводившая ужас на их хозяев; частые восстания янычар в Константинополе и перевороты, произведенные русской гвардией в Петербурге, достаточно указывают на опасность такого учреждения. Эти примеры, возможно, побудили австрийское правительство отказаться от системы, которая, по-видимому, делает определенные полки менее полезными и более опасными, чем остальная армия.

Численность австрийской армии значительно превышает двести тысяч человек; и предполагается, что никогда на службе не было большего числа превосходных офицеров, чем в настоящее время; так что в случае войны с Пруссией обе державы будут более равны, чем когда-либо. Для этого Суда было бы прискорбно, если бы это вспыхнуло в настоящее время, поскольку среди крестьян Богемии происходят некоторые волнения, которые вызывают всеобщее беспокойство и в результате которых некоторые люди понесли большие потери. У одного дворянина первого ранга был сожжен дотла его дом со всей мебелью, а также несколько больших пристроек рядом с его замком.

Эти эксцессы, по мнению некоторых, проистекают из простого распутства и любви людей к озорству. Другие утверждают, что их возбуждает тирания лордов, которая довела этих бедняг до отчаяния. Какое бы из этих свидетельств ни было правдивым, мне кажется очевидным, что для лордов, так же как и для крестьян, было бы гораздо лучше, если бы последние, вместо того чтобы быть рабами, находились в состоянии свободы. В настоящее время они платят арендную плату, работая определенное количество дней в неделю на своих хозяев, и содержат себя и семьи, работая в остальные дни за свой счет. Вы легко поверите, что за один день, когда они будут работать на себя, будет сделано больше реальных дел, чем за два дня работы на своих господ. Это вызывает недовольство и побои со стороны хозяина, а также ненависть и бунт со стороны крестьян.

Если бы поместья в Богемии были сданы свободным людям за разумную арендную плату, свобода и собственность пробудили бы дух трудолюбия среди этих ленивых людей. Тогда они работали бы каждый день с радостью и доброжелательностью, и я убежден, что доходы арендодателей росли бы с каждым днем. Вследствие этого крестьяне, по всей вероятности, продолжали бы так же сильно привязываться к земле по собственному выбору, как в настоящее время они привязаны к необходимости.— Разве мы не видим, как семьи в Великобритании на протяжении многих поколений остаются в поместьях джентльменов, хотя хозяин имеет привилегию менять своего арендатора, а арендатор - своего хозяина в конце каждого срока аренды?

Почти в каждой стране Европы, за исключением Англии, жители ограничены тем или иным барьером в той ситуации, в которой они родились. Полное отсутствие образования неизбежно вынуждает большую часть добывать средства к существованию физическим трудом. Национальные мнения не позволяют другим людям когда-либо подняться выше уровня своего рождения, каким бы возвышенным ни был их гений или какими бы обширными ни были приобретенные знания. Но на нашем острове дверь в науку, а следовательно, и путь к честолюбию, открыты почти для каждого человека. Даже в самых отдаленных деревнях беднейшие жители получают определенный уровень образования.

Это может иметь мало значения или вообще не иметь его для девяноста девяти человек из ста; и если небольшое число тех, кто, совершенствуя эти крохи знаний, поднимаются над состоянием, в котором они родились, то очень немногие достигают какой-либо степени возвышения; причина этого в том, что великая гениальность - это качество, которым человечество наделяется очень редко. Хотя следует признать, что гораздо большая часть жителей одной и той же страны и климата рождаются с почти одинаковыми природными способностями и что степень образования и другие возможности совершенствования постепенно формируют все различия, которые проявляются между ними в последующей жизни, все же я не могу, как Гельвеций, верить, что гениальность - это полностью результат образования.

Я полностью убежден, что природа постоянно производит в каждой нации индивидуумов более тонкой организации, с бесконечно большими способностями к науке любого рода, и чьи умы способны к более возвышенному и обширному кругу мыслей, чем это достижимо для обычного человечества с любым возможным уровнем культуры. Это естественное превосходство и есть то, что я называю гениальностью. Везде, где содержится значительная доля этого, будет

достаточно небольшого культивирования, но некоторые из них абсолютно необходимы, чтобы оно появилось.

Когда она действительно существует в умах крестьян в России, Польше и некоторых частях Германии, она остается бездействующей из-за пренебрежения или подавлена угнетением. Но в Великобритании уровень образования, который сейчас является всеобщим, каким бы незначительным он ни был, будет достаточным, чтобы пробудить, оживить и привести в действие огонь необычайной гениальности, семена которой беспристрастная Природа столь же склонна заронить в грудное молоко крестьянина, как и принца. Следовательно, вероятность появления в стране великих и выдающихся людей должна определяться не количеством жителей, а количеством тех, чьи умы получили ту степень развития, необходимую для проявления их скрытых сил.

Исходя из предположения, что в одном королевстве проживает восемь миллионов жителей, а в другом втрое больше, можно ожидать, что, исходя из вышеупомянутых обстоятельств, в первом появится гораздо больше людей оригинального гения и великих достижений во всех искусствах и науках, чем во втором. В Великобритании, например, в расчет могут быть включены почти все местные жители; но в других странах, которые я упомянул, крестьянство, составляющее самый многочисленный класс, должно быть вычеркнуто.

ПИСЬМО XCIV.

Вена.

Объясняется ли это примером императрицы или какой-либо другой причиной, я не берусь решать; но, безусловно, в Вене наблюдается более теплая и всеобщая привязанность к религии, чем в любом другом крупном городе Германии: здесь также наблюдается большее удовлетворение и счастье, чем во многих других городах, где религиозные впечатления более слабые и менее распространены: не исключено, что последнее может быть следствием первого.

Безбожие и скептицизм, не считая пагубных последствий, которые они могут оказать на мораль или будущую судьбу людей, подрывают даже их временное счастье, затуманивая те надежды, которые в некоторых ситуациях являются их единственным утешением. Какой бы высшей точкой зрения ни считали себя те люди, которые высмеивают мнения, которые их сограждане считают священными, это тщеславие часто перевешивается надоедливыми сомнениями, которые поселяются в их умах. Неуверенность в отношении наиболее интересного из всех предметов или твердая убежденность в уничтожении одинаково невыносимы для большей части человечества, которое рано или поздно пытается заявить о том ярком возвращении, которое религия обещала верующим. Если идея уничтожения была безболезненно поддержана несколькими философами, то это самое большее, что можно сказать; такое состояние ума никогда не может быть источником удовлетворения или удовольствия. Люди с большой чувствительностью редко выдерживают это долго; их страстное желание бессмертия

переворачивает все устои, которые скептицизм пытался создать в их умах; они не могут придерживаться доктрины, которая вырывает из сердца глубоко укоренившуюся надежду, разрывает все те узы человечности, привязанности, дружбы и любви, связать которые было делом их жизни и которые, как они ожидают, будут вечными. Поскольку чувствительность делает сердце неприязненным к скептицизму и склонным к набожности, мы, естественно, можем ожидать, что женщины будут более набожны, чем мужчины; очень немногие из этого нежного пола были способны твердо смотреть на перспективу, которая заканчивается унылой пустотой; и те немногие, кто обладал такой степенью философской стойкости, были не самыми дружелюбными представителями пола.

Ни одна из моих знакомых женщин в Вене не находится в таком неуютном состоянии, но многие из них придумали какое-нибудь собственное причудливое суеверие на обширной почве, которую предоставляет римско-католическая вера. Несколько дней назад в доме одной дамы я случайно взяла книгу, которая лежала на столе, — между страницами выпало маленькое изображение Девы Марии на пергаменте; под фигурой Девы была надпись, которую я перевожу буквально:

“Это преподносится - - ее самой дорогой подруге - - в знак самого искреннего уважения и привязанности; прошу, чтобы всякий раз, когда она созерцает эту фигуру пресвятой Девы, она могла смешивать чувство привязанности к своей отсутствующей подруге с эмоциями благодарности и обожания, которые она испытывает к Матери Иисуса”.

Дама сообщила мне, что близкие друзья обычно посылают такие подарки друг другу, когда они собираются расстаться, и когда есть вероятность, что они надолго разлучатся.

Кажется, есть что-то чрезвычайно нежное и трогательное в соединении дружбы с религиозными чувствами и, таким образом, в своего рода посвящении, стремящемся уберечь первое от воздействия времени и отсутствия. Прочтение этой надписи вызвало в моей памяти определенные связи, которые у меня есть дома, стремительность воспоминания о которых произвела на меня неизгладимое впечатление.

Я заметил в доме этой дамы еще одно прекрасное изображение Пресвятой Богородицы в богатой раме и с шелковой занавеской для защиты от пыли; я заметил, что она никогда не смотрела на него иначе, как с выражением почтения и любви, и не проходила мимо, когда занавеска открывала ее, не преклонив колена.—Она сказала мне, что эта картина долгое время находилась в семье и всегда пользовалась высочайшим уважением, поскольку и она, и ее мать были обязаны некоторыми из самых счастливых событий в своей жизни защите Пресвятой Девы, и она, казалось, не была полностью свободна от убеждения, что внимание Пресвятой Девы в какой-то степени удерживалось благодаря добрым услугам этой идентичной картины. Она заявила, что вера, которую она питала к доброте и защите Пресвятой Девы, была одним из величайших утешений, которые у нее были в жизни, — что ей она могла без ограничений открывать свое сердце и изливать всю свою душу в любой скорби, и она никогда не переставала находить утешение и облегчение в таких излияниях.

Я заметил, что набожные протестанты находили такое же утешение в обращении к Всевышнему.

Она сказала — она не могла понять, как это могло быть, — что Бог Отец был настолько велик и ужасен, что ее почитание было смешано с такой степенью страха, что смешало все ее представления, когда она попыталась приблизиться к нему; но у пресвятой Марии был такой

мягкий, снисходительный и сострадательный характер, что она могла обращаться к ней с большей уверенностью.

Она сказала, что знала, что ее долг - поклоняться Создателю вселенной, и выполняла его в меру своих сил, но она не могла отказаться от определенной степени сдержанности в своем поклонении ему или даже своему Спасителю; но благословенная Мария, будучи сама женщиной и зная все слабости и деликатности пола, могла ей открыть свое сердце с такой степенью свободы, которую она не могла использовать ни для одного из Лиц Святой Троицы. — Что касается физиологии, — добавила она, указывая на картину, - боже мой, ты такая милая, ты такая грациозная!

Эти чувства, как бы они ни противоречили протестантским догматам и философским максимам, не являются противоестественными для человеческого сердца. — Вольтер говорит, что человек всегда проявлял склонность создавать Бога по своему образу и подобию; эта дама составила представление о Пресвятой Деве по изображению художника, а также по рассказу о ней Евангелистов; и ее религия, позволяющая Матери Христа быть объектом поклонения, естественно, обратила пыл своей преданности к ней, могущества которой, по ее мнению, было достаточно, чтобы защитить ее приверженцев здесь и обеспечить их благочестие. загробный рай, и характер которого, как ей казалось, в некоторых деталях совпадал с ее собственным.

Некоторые ревностные протестанты, возможно, будут шокированы теологическими представлениями этой дамы; однако, поскольку в других отношениях она женщина с прекрасным характером и соблюдает моральные принципы христианства с таким вниманием, как если бы ее вероучение было очищено Лютером и вдвойне усовершенствовано Кальвином, есть надежда, что они не сочтут чрезмерным проявлением милосердия предположение, что ее умозрительные ошибки могут быть прощены.

БУКВА XCV.

Вена.

Предпочтение, которое отдельные люди в римско-католических странах отдают определенным Святым, иногда проистекает из предполагаемой связи между характерами Святых и верующих; люди ожидают наибольшей благосклонности и снисхождения от тех, кто больше всего похож на них самих, и, естественно, восхищаются другими за те качества, которые они больше всего ценят в своем собственном характере.

Французский драгунский офицер, находясь в Риме, отправился посмотреть на знаменитую статую Моисея работы Микеланджело; художник передал этому шедевру, по мнению некоторых, все достоинство, на которое способна человеческая фигура и человеческие черты; он постарался придать этой статуе облик, достойный великого законодателя евреев, любимца Небес, беседовавшего лицом к лицу с Божеством. Офицер был знаком с историей Моисея, но он не придавал особого значения ни одному из этих обстоятельств — он восхищался им гораздо

больше из-за одного приключения, в котором, по его мнению, Моисей проявил себя как человек духа, и как он сам поступил бы — *Вуаля, это ужасно! voilà qui est sublime! cried he at sight of the statue—and after a little pause he added, on voit là un drôle qui a donné des coups de bâton en son tems, et qui a tué son homme.*

Распятая, статуи и изображения Святых, которыми заполнены папистские церкви, без сомнения, были предназначены для того, чтобы пробудить благочестие, когда оно становится сонным, и возбудить в уме благодарность и почитание святых личностей, которых они представляют; но нельзя отрицать, что грубое воображение большинства людей чрезвычайно склонно забывать оригиналы и переносить свое обожание на бессмысленные фигуры, которые они видят и перед которыми преклоняют колени. Таким образом, каким бы ни был первоначальный замысел и какое бы воздействие эти статуи и картины ни оказывали на умы спокойных, рассудительных римских католиков, несомненно, что они часто являются объектами такого же полного идолопоклонства, какое когда-либо практиковалось в Афинах или Риме перед статуями Юпитера или Аполлона.

По какому еще принципу такие толпы стекаются из всех римско-католических стран Европы к святилищу Богородицы в Лоретто? Любая статуя Пресвятой Девы послужила бы столь же эффективным напоминанием о ней, и люди могли бы так же благоговейно поклоняться ей в своих собственных приходских церквях, как в часовне в Лоретто. Следовательно, паломники должны быть убеждены, что в статуе, которая там хранится, есть какое-то божественное влияние или разум; что они осознают все трудности, которым они подверглись, и неудобства, которым они подвергались во время долгих путешествий, с единственной целью преклонить колени перед ней, отдав предпочтение всем другим изображениям.

Вероятно, именно из-за этой склонности человеческого разума евреям было запрещено делать себе какие-либо резные изображения. Похоже, это действительно был единственный способ оградить этот суеверный народ от идолопоклонства; и, несмотря на императивный характер заповедей, ни усердие, ни увещания их судей и пророков не всегда могли помешать им делать идолов или помешать им поклоняться им везде, где они находили их готовыми.

Статуи и изображения Святых, которые долгое время находились в определенных семьях, обычно хранятся с большой заботой и вниманием; владельцы часто испытывают к ним такую же привязанность, какую древние язычники испытывали к своим Предкам.—Они считаются божествами-покровителями и домашними божествами, от которых семья ожидает защиты. Когда в семье происходит серия несчастных событий, иногда возникает подозрение, что семейные статуи утратили свое влияние. Это также очень древнее мнение; Светоний сообщает нам, что флот Августа был рассеян штормом и многие корабли потеряны, император отдал приказ, чтобы статую Нептуна не несли в процессии вместе со статуями других Богов, исходя из мнения, что Бог моря не желал или не мог защитить свой флот, и в любом случае он считал его недостойным какого-либо общественного знака отличия.

Подлинные догматы Римско-католической церкви, безусловно, не допускают ни одного из вышеупомянутых суеверий, которые обычно присущи легковверным и неграмотным представителям низших слоев общества.—Еще случаи иногда встречаются в более высокую

сферу: француз в похвальном образе жизни как маленькая фигура Спасителя на кресте, очень искусной работы, он принес ее на продажу, чтобы английский джентльмен из моих знакомых; после expatiating на верх мастерства, он сказал ему, что он уже давно держал этот крест с самым благочестивым волнует, что он всегда обращался именно в своей личной преданности, и что в замен он предполагал определенную степень защиты и поддержку; вместо которой он в последнее время был на редкость неудачным; что все билеты у него были в лотерею, оказались холостыми, и имея большую долю в грузе корабля, прибывшего из Вест-Индии, он рекомендовал ее в самой пылкой в своих молитвах к распятию, и что он может дать ни обиды, ни появление хочу веры, он не застраховал товар—несмотря на все что судно было кораблекрушение, и груз полностью потеряна, хотя матросы, в чьем сохранения он не имел отношения, были все спасены—наконец-то, Месье, - воскликнул он, с негодованием, смешанное с сожалением, и, подняв плечи выше ушей, наконец-то, Месье, Ил м а manqué, Эт Йе продает пн Христа.

К счастью для христиан любой конфессии, если бы они соблюдали простые, рациональные, доброжелательные предписания христианской религии, отвергая все тщеславные суеверия, которые неизменно искажают ее изначальную красоту и извращают ее внутреннюю чистоту!

ПИСЬМО ХСVI.

Вена.

Наши споры с колониями были преобладающей темой для разговоров, где бы мы ни были с тех пор, как покинули Англию. Теплота, с которой обсуждается эта тема, возрастает с каждым днем.—В настоящее время жители континента, похоже, с таким же нетерпением, как и жители Великобритании, ждут новостей с другой стороны Атлантики, но с той разницей, что здесь у них у всех на уме одно: все молятся за успех американцев и радуются каждому несчастью, которое случается с нашей армией.

То, что французы должны быть довольны беспорядками, которые должны расстроить и ослабить Великобританию, и могут передать им равные права на все преимущества, которые мы получили в прошлой войне, неудивительно; но почему жители всех других стран должны участвовать в войне против Англии и становиться партизанами Америки, не столь очевидно.

Я простил бы их и даже разделял бы их чувства, насколько это позволяло бы мое уважение к чести и счастью моей страны, если бы это исходило из привязанности к свободе и великодушного пристрастия к людям, которые отвергают угнетение и борются за независимость.—Но это не тот случай.—Те, кто не может извлечь никакой возможной выгоды из восстания в Америке; те, кто не имеет представления о гражданской свободе и даже был бы огорчен, если бы она установилась в их собственной стране; те, кто ничего не знает об этом споре, кроме того, что он губит Англию; все присоединяются как союзники к американцам не из любви к ним, а, очевидно, из неприязни к нам.

Когда я впервые заметил это враждебное отношение, я подумал, что оно может исходить от того, что они оскорблены тем предпочтением, которое англичане отдают своей стране и соотечественникам превыше всего остального: но это тщеславие у нас общее с любой другой нацией на земном шаре, все из которых придерживаются такого же благоприятного мнения о себе. Это, несомненно, преобладает во Франции в значительной степени.—Во всей стране едва ли найдется хоть один скептик или неверующий. Всеобщее кредо состоит в том, что Франция — прекраснейшая страна в мире; французы - самые изобретательные и самые дружелюбные люди, преуспевающие во всех искусствах мира и войны; и что Париж - столица вежливости и центр учености, гения и вкуса.

Следовательно, это удовлетворение несчастьями Великобритании не может быть вызвано причиной, которая применима к любой другой стране. Это, действительно, может в какой-то мере происходить от зависти к богатству и ревности к могуществу английской нации; но, я полагаю, еще больше от того, что мы не берем на себя никаких усилий, чтобы смягчить чувства иностранцев и уменьшить ту зависть и недоброжелательность, которые часто порождает большое процветание. Французы, хотя, возможно, и самый тщеславный народ на земле, полагающийся на собственные преимущества, в некоторой степени учитывают чувства и себялюбие своих соседей. Француз пытается добиться от них признания превосходства своей страны, рассуждая о том, что у них превосходно. Но мы склонны строить наш панегирик Старой Англии на разорении и убожестве всех других стран.—В Италии слишком жарко, постоянные дворы убоги, и вся страна кишит монахами и прочей нечистью.—Во Франции люди — рабы и распутники, музыка отвратительна; -мясо у них варится в лохмотьях, а в стране нет портера и очень мало крепкого эля.—В Германии некоторым из их принцев есть на что потратить немногим больше, чем английскому джентльмену: —Они используют плиты вместо решеток; —Они едят кислые сухари и говорят на высоком голландском. Датчанам и шведам напоминают, что они находятся на слишком большом расстоянии от экватора; и делается много хитрых намеков относительно неудобств холодного климата.—Из всех вещей я бы счел наиболее благоразумным умолчать об этой последней теме, поскольку столь многие ничтожные государства будут иметь прецедент перед Старой Англией, когда установится этикет, что ранг определяется климатом.

Но это соображение никак не влияет на моего честного друга Джона Булля. Когда он в холерическом настроении, он не пощадит своих лучших друзей и ближайших соседей, даже когда больше всего нуждается в их помощи, и когда кажется, что те, кто находится на расстоянии, замышляют его погубить.—Если его родная сестра Пег проявит склонность забыть старые ссоры, жить в дружбе со своим братом и объявит, что все, кто отвергает его дружбу, были ее врагами, и решит побеждать на его стороне, или, если это не удастся, жестоко умереть вместе с ним — Нет! - говорит Джон, — никаких твоих уговоров. — Будь проклят! ты дальше на Север, чем я, — держись на расстоянии....И вот он попадает в цель ее собственными снежками; а затем, отвернувшись от нее, он нападает на Льюиса Бабуина, лорда Страта, лорда Питера и забрасывает их супы мегрэ, олио и макароны прямо им в зубы.

Но оставим аллегии: всеобщее удовлетворение, которое появляется по всей Европе при мысли о том, что Англия лишается своих колоний, конечно, проистекает не только из политических чувств; но в значительной степени из той сдержанности, которая удерживает англичан от развития дружбы с иностранцами; той гордости, которая мешает им опускаться до потакания предрассудкам; того безразличия, которое заставляет их пренебрегать одобрением

других и высказывать презрение, которое они слишком охотно проявляют к обычаям или чувствам, отличным от их собственных.

Это вещи, которые нелегко простить и которые не может компенсировать никакое превосходство гения, великодушия или честности. Те же причины, которые заставили иностранцев выступить против нас в споре с Америкой, побуждают тех из них, кто богат и может тратить свои доходы за пределами своей страны, предпочесть Францию Англии для этой цели. Разница между Лондоном и Парижем с точки зрения климата очень невелика. Зимние развлечения первого из них более великолепны; и, возможно, все удобства и большую часть жизненной роскоши можно найти там в большем совершенстве. В летние месяцы благодаря высокому мастерству в сельском хозяйстве и лучшему вкусу в садоводстве Англия демонстрирует такие картины возделывания, зелени и плодородия, с которыми не может сравниться ни одна страна на земле. К этому добавляются благословения свободы; и все же в Англии проживает мало иностранцев или их вообще нет, за исключением тех, кого она содержит полностью за свой счет; все богатые после короткого визита в Лондон возвращаются, чтобы потратить свое состояние в Париже.

Исключая денежные преимущества, естественному тщеславию французов льстит тот факт, что их общество предпочтительнее общества всех других народов, и особенно общества их гордых соперников. — Пусть они пользуются этим преимуществом; пусть они привлекают в свою столицу праздных, распущенных и изнеженных людей из каждой страны Европы; — но, ради бога, примите ли вы и ваши друзья в парламенте какие-нибудь меры, чтобы помешать им завоевать расположение наших трудолюбивых братьев Америки.

Такое мероприятие имело бы серьезные последствия для Великобритании и, вероятно, для Америки. Однако в характерах американца и француза так много отталкивающих черт, что я не могу представить, что сближение между ними могло бы продлиться долго, если бы оно имело место.

Исходя из некоторых моментов в этом письме, вы, естественно, можете предположить, что здешние люди особым образом настроены против Англии в ее споре с Америкой. Но на самом деле это не так: хотя в целом они благоволят Америке, нигде я не видел такой умеренности в этом вопросе, как в Вене. Император, когда кто-то спросил, на чьей он стороне, очень остроумно ответил: "Я настоящий роялист".

Я бы хотел, чтобы те из наших соотечественников, которые, по вашему мнению, заходят в своем рвении к Америке слишком далеко, вспомнили *qu'ils font par naissance Anglois*.

Как раз в тот момент, когда я заканчивал вышесказанное, я получил ваше письмо, сообщающее мне, что ваш юный друг вскоре отправится в обычное турне по Европе. Я воспользуюсь другой возможностью и напишу ему по интересующему вас вопросу, в настоящее же время я должен ограничиться несколькими следующими намеками.

Я надеюсь, что он всегда будет помнить, что добродетель и здравый смысл не ограничены каким-либо конкретным местом, и что одна из целей путешествия - освободить ум от вульгарных предрассудков - поэтому он должен завязывать связи и жить на социальной основе с жителями разных стран, через которые он проезжает; пусть он, по крайней мере, выглядит

довольным, оставаясь среди них; это самый эффективный способ сделать так, чтобы они были довольны им и чтобы он достиг любой цели, которую он может иметь, посещая их страну.

Есть примеры англичан, которые во время своих путешествий шокируют иностранцев показным предпочтением Англии всему остальному миру и высмеивают манеры, обычаи и мнения любой другой нации, но по возвращении в свою страну немедленно перенимают иностранные манеры и продолжают до конца своей жизни выражать высочайшее презрение ко всему, что является английским. - Я надеюсь, что он полностью избежит такого извращенного и нелепого жеманства.

Вкус к литературе, который он приобрел в университете, осмелюсь сказать, не уменьшится на почве классики, и его разум не будет отвлечен легкомысленным увлечением музыкой или какой-либо другой страстью от мужественных занятий, которые подобают английскому джентльмену.

Поскольку он заботится о доверии своих друзей, сохранении своего характера и спокойствии своего ума, пусть никакой пример, каким бы высоким он ни был, не приведет его к практике глубокой игры. Избегая игр, он обеспечит себе один вид независимости и в то же время сохранит владение другим, продолжая привычку учиться до тех пор, пока приобретение знаний не станет одним из его самых приятных развлечений.—В отличие от тех несчастных смертных, которые, чтобы влачить тоскливые часы жизни, постоянно вынуждены прибегать к помощи других, такой удачливый склад ума увеличит его собственное счастье, в то же время делая его более полезным обществу и менее зависимым от него.

Предыдущую проповедь, если сочтете нужным, можете прочесть юному путешественнику с моими наилучшими пожеланиями.

Отложив наше путешествие на несколько недель дольше, чем предполагалось, просто из-за нежелания покидать место, которое мы нашли таким приятным, мы, наконец, решили отправиться в Италию - и должны проехать через герцогства Штирия и Каринтия, что является более коротким маршрутом, чем через Тироль. Поскольку время, которое нам предстоит пробыть в Вене, будет полностью занято необходимыми приготовлениями к путешествию и тягостной церемонией прощания с друзьями, вы больше не услышите обо мне, пока мы не прибудем в Венецию.— Между прочим, я такой и есть.

Примечание переписчика: Очевидные опечатки были изменены, но в остальном оригинальная (и устаревшая) орфография сохранена как на английском, так и на французском языках.
